

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Т.Б.УВАРОВА

НЕРЧИНСКИЕ ЭВЕНКИ
В XVIII–XX ВЕКАХ

Москва 2005

ББК 63.5(2)

У 18

*Опубликовано в рамках Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»
(подпрограмма
«Историко-культурная эволюция, современное положение
и перспективы устойчивого развития
коренных малочисленных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока»)*

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *В.А.Коренько*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Н.Е.Бекмаханова*
доктор исторических наук *В.В.Карлов*

У 18 **Уварова Т.Б.**
Нерчинские эвенки в XVIII – XX веках – М.: ИНИОН
РАН, 2005. – 164 с.
ISBN 5-248-00214-1

В книге анализируются процессы этнодемографического, этнополитического, этносоциального и этнокультурного развития одной из групп коренного населения Сибири – нерчинских эвенков – в составе Российского государства. Исследование основано на архивных данных, а также полевых материалах, собранных на территории расселения данной группы в 1970–1990-х годах.

Для этнологов и историков, а также более широкого круга читателей, интересующихся культурой народов Сибири.

ISBN 5-248-00214-1

ББК 63.5(2)
© ИНИОН РАН, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
-----------------------	----------

Глава 1

Этнодемографическое развитие Восточного Забайкалья в составе Российского государства

1.1. Формирование русского населения региона	19
1.2. Этнический состав, размещение и численность коренного населения	29

Глава 2

Структура социальной организации

2.1. Государственно-административная организация управления нерчинскими эвенками	47
2.2. Административный род	54
2.3. Соседские и территориальные связи	66

Глава 3

Особенности хозяйства нерчинских эвенков

3.1. Земледелие	78
3.2. Скотоводство и охота	89

Глава 4
Культурно-бытовая специфика и изменение этнического
самосознания нерчинских эвенков

4.1. Семейно-бытовой уклад и обрядность	110
4.2. Изменение этнического самосознания (по материалам язы-	
ка и представлениям населения)	124
Заключение	143
Список использованных источников и литературы	146
Список сокращений	162

ВВЕДЕНИЕ

Современное российское сибиреведение ставит перед собой цель выяснения не только наличного этнического состава и социально-культурного состояния населения всего Сибирского региона, но и динамики его историко-культурных и этнических изменений в прошлом. В круг этой обширной тематики входит и данное исследование этноисторического (этносоциального и этнокультурного) развития и трансформации одной из групп южносибирского населения.

Известно, что южные районы Предбайкалья и Забайкалья еще накануне проникновения сюда в первой половине XVII в. русских землепроходцев наряду с монголоязычным населением занимали эвенкийские роды. В отличие от оленеводов тайги, эвенки-степняки занимались коневодством и другими видами скотоводства. За одной из таких групп южных эвенков, осваивавшей территорию, вошедшую в образованный в 1656 г. Нерчинский уезд, традиционно закрепилось название «нерчинские тунгусы». В XIX в. они состояли в ведении Урульгинской степной думы, учрежденной согласно принятому в 1822 г. «Уставу об управлении инородцев в Сибири». К началу XX в. нерчинские эвенки почти полностью слились с русским и бурятским населением региона, сообщив культуру и тех, и других некоторое своеобразие.

Первыми научными работами, содержащими упоминания о нерчинских эвенках, являются труды участников российских академических экспедиций XVIII в. Приводимые в них сведения, несмотря на свою краткость, очень ёмки и касаются практически всех сторон жизни общества нерчинских тунгусов, включая и такие особенно важные для этнографа вопросы, как демографические данные, хозяйство, быт. Исследователи коснулись даже таких довольно специфических для историков, но

обычных и крайне важных для этнографов характеристик, как язык и этнонимия данной эвенкийской группы. Более того, работы Д.Г.Мессершмидта, И.Г.Гмелина, С.П.Краше-нинникова, П.С.Палласа, И.Г.Георги¹ содержат живые и яркие бытовые зарисовки, сделанные с натуры, так как авторы сами непосредственно наблюдали описываемые ими народы.

Отмеченные особенности историографии XVIII в. не случайны, они были обусловлены подготовкой работ упомянутых авторов по специально разработанным программам, ориентированным именно на максимальное приведение в известность истории Сибири, а также ее населения. Работы ученых XVIII в. содержат материалы, представляющие несомненный интерес и для современных исследователей.

К академическим работам XVIII в. примыкает по целому ряду характерных особенностей (масштабность проблемы, высокий научный профессионализм, строго выдержанная программность) относящийся к середине XIX столетия труд выдающегося ученого-филолога М.А.Кастрена «Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. 1838–1844, 1845–1849»². Длительные поездки были предприняты автором для сбора материалов по языкам коренного населения. Ученым была обследована и группа нерчинских эвенков или урульгинских тунгусов, как называет их исследователь.

В целом же литература первой половины XIX в. о нерчинских тунгусах представлена небольшими очерками краеведческого характера, подготовленными местными чиновниками, знакомыми с краем в силу своего служебного положения. Публикации помещались обычно в различного рода периодических изданиях.

Наиболее ранней, и, пожалуй, наиболее полной из них, является статья «О тунгусах вообще», помещенная в «Месяцеслове» за 1787 г., но более известная по повторной публикации. Дополненная некоторыми данными, эта работа была положена и в основу очерка «Исторические сведения о тунгусах вообще и о забайкальских в особенности», напечатанного Г.И.Спасским в издаваемом им журнале «Сибирский вестник» в 1822 г.³.

Краткий очерк «Нерчинские тунгусы» В.Паршина — чиновника особых поручений Иркутского общего губернского управления — последняя в дореволюционной историографии работа, посвященная данной группе. Она представляет собой извлечение из его же рукописи «Историческое, географическое, статистическое и этнографическое описание

Нерчинского округа», хранящейся в архиве Русского географического общества. Статья была также опубликована в ведомственном журнале Министерства внутренних дел, а затем и отдельным изданием⁴.

В работах современников этого автора, а также более поздних (М.Геденштром, Л.Львов, Н.Щукин), встречаются лишь отдельные краткие упоминания о нерчинских тунгусах.

Наиболее подробно в дореволюционной историографии данная эвенкийская группа рассмотрена в работах С.К.Патканова «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» и «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев». Сведения о расселении и хозяйственной деятельности, содержащиеся в первой из названных работ, дополнены развернутыми характеристиками родового состава и данными о языке во второй⁵.

Основными источниками обеих книг С.К.Патканова послужили в первую очередь обширные статистические материалы конца XIX в.: данные переписи 1897 г. и сведения статистико-экономических обследований губерний Сибири. На основе этих работ стало возможным составление первой достоверной племенной карты страны, зафиксировавшей этническую ситуацию в Сибири на рубеже XIX—XX вв.

Вместе с тем работы С.К.Патканова стали своего рода «отправной точкой» для исторических ретроспекций, блестящим примером которых служит фундаментальный труд Б.О.Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.», обобщивший все имеющиеся архивные материалы по этому периоду, в том числе и по расселению нерчинских тунгусов. Автором установлена безусловная преемственность между родами конных тунгусов Нерчинского уезда XVII в. и населением Урульгинской степной думы конца XIX в.⁶.

Специальная литература по рассматриваемой группе в советской историографии представлена немногими работами. В первую очередь следует указать исследование этнографа В.А.Туголукова «Конные тунгусы». Основное внимание автора уделено этногенезу данной группы и характеристике ее традиционной материальной и духовной культуры, главным образом, в конце XVIII — начале XIX в., хотя по некоторым вопросам изложение захватывает XIX в. и заканчивается началом XX в.⁷

Некоторые вопросы истории тунгусских племен Сибири в XVII в. — в том числе и нерчинских тунгусов — рассматриваются в статьях Н.Н.Степанова. Одна из них посвящена хозяйству, другая — включению тунгусских племен в состав России⁸.

Последними работами, в которых получили освещение вопросы исторического развития нерчинских эвенков в составе российского государства, стали публикации 2000-х годов, подготовленные сибирскими учеными. О.В.Бураева в соответствии с задачами программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурные взаимодействия в Евразии» проанализировала хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII — середине XIX вв. на территории современной Бурятии. В книге Л.В.Самбуевой на основе широкого привлечения материалов центральных и региональных архивов рассматриваются еще недостаточно разработанные в российской историографии проблемы истории бурятского и эвенкийского забайкальского казачества⁹.

Части нерчинских эвенков — так называемым хамниганам — посвящены работы бурятского филолога Д.Г.Дамдинова. Автор на основании лингвистических данных анализирует этногенетические проблемы данной группы, а также вопросы духовной культуры¹⁰. Здесь уместно отметить, что аналогичные материалы для реконструкции этнических процессов у хамниган Восточного Забайкалья и Северной Монголии были использованы и венгерской ученой-этно-логом К.Урай-Кёхальми¹¹.

В 1990-е годы лингвистическими исследованиями хамниган, проживающих на территории северного Китая, занимался финский ученый Ю.Янхунен. Собранные им полевые материалы представлены в ряде публикаций¹².

Помимо специальных исследований по нерчинским эвенкам, а также работ, содержащих какие-либо сведения по данной группе, был использован широкий круг литературы, не связанной непосредственно с объектом исследования.

Во-первых, выявление этнокультурной специфики возможно лишь на фоне аналогичных характеристик других этнических общностей. Для нашего исследования наибольший интерес представляло сопоставление нерчинских тунгусов с их непосредственными соседями: эвенками, монголоязычными народами — бурятами и монголами и, наконец, сформировавшимся в крае русским населением, в составе которого могут быть особо выделены группы «старожилов» и «переселенцев» (обосновавшихся в Сибири не ранее конца XVIII в.). В связи с этим были использованы обобщающие работы по тунгусо- и бурятоведению, а также по этнографии русского населения Забайкалья.

Для исследований по этим проблемам, как и для всего российского сибиреведения в целом, со второй половины 1990-х годов характерны

расширение тематики, применение комплексного междисциплинарного подхода, использование новых исследовательских моделей и соответствующих им понятий и методик, таких как модернизация общества, этничность, этническая идентичность. Особо стоит отметить, что все более значительной становится исследовательско-издательская роль сибирских региональных научных центров, включая и забайкальские¹³.

Во-вторых, обращение к специальной литературе потребовалось для рассмотрения проблем, связанных с включением края в состав Российского государства и организацией управления аборигенного населения, что имело определяющее значение для перестройки структуры его социальной организации. Внимание к вопросам региональной национальной политики в современных условиях реформирования российской государственности помимо научного имеет и прикладное практическое значение. Как наиболее важные работы этого круга следует назвать исследования В.А.Александрова, В.Г.Карцева, А.Н.Копылова, Л.С.Рафиенко.

Обзор имеющихся по нерчинским эвенкам работ показывает, что наиболее разработанными представляются два «хронологических среза» историко-культурного состояния рассматриваемой группы: конец XVII и конец XIX вв., «обрамляющие» продолжительный период развития данной этнической общности в составе Российского государства, характеризующие начальную и конечную точки этого важного этапа в ее истории. Конкретные же процессы, характеризовавшие этническое развитие данной группы в этот период остаются все еще малоизученными. В этой связи большой интерес представляет специальное этнографическое исследование не только этнокультурных последствий, но и самого течения процесса сближения и слияния нерчинских эвенков с численно преобладавшим русским и бурятским населением Юго-Восточного Забайкалья.

Основным источником исследования послужили материалы центральных и местного архивов. Из Государственного архива Читинской области это, прежде всего, фонды Урульгинской степной думы (ф. 55), Урульгинской инородной управы (ф. 29) и Начальника эвенкийских родов (ф. 300).

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) сведения по нерчинским тунгусам содержатся в документах, вошедших в фонды I Сибирского комитета (ф. 1264), V отделения собственной Канцелярии Его Императорского Величества (ф. 1589); Совещания по поземельному устройству населения Забайкальской области (ф. 1274), Цен-

трального статистического комитета Министерства внутренних дел (ф. 1290); Земского комитета Министерства внутренних дел (ф. 1291).

В архиве Русского географического общества (РГО) выявлено несколько посвященных нерчинским тунгусам рукописей в разрядах трудов членов Географического общества по Сибири и Иркутской губернии (соответственно разряды 55 и 59). Часть этих материалов опубликована.

По характеру содержания использованные материалы могут быть подразделены на несколько групп. В первую очередь это документы с различного рода статистическими данными, прежде всего демографическими и хозяйственными. К их числу из архивных материалов относятся ведомости и рапорты Урульгинской степной думы, по управам и сводные, включавшие обычно сведения о численности народонаселения, его расселении, вероисповедании, о количестве поселений кочевого и оседлого населения, числе жилищ в каждом из них, об основных хозяйственных показателях, выражавшихся в величине поголовья основных видов скота (лошади, крупный рогатый скот, овцы) и количестве десятин возделанной пашни за период с 1829 по 1889 г. Наиболее полные, одновременные по всем управам подборки рапортов относятся к 1829 и 1850 гг.

Аналогичные сведения, прежде всего по оседлому населению, содержатся и в «Сведениях для военно-статистического описания Нерчинского округа 1852 г.», а также дополняются сведениями из именных списков 1843 г., ревизских сказок по Кужертаевской управе за 1857–1859 гг. и Шундуинской управе за 1850–1852 гг., годовых отчетов. Все эти документы хранятся в Государственном архиве Читинской области (ГАЧО).

В РГИА материалы по демографии и хозяйству нерчинских тунгусов выявлены в ряде документов из фондов I Сибирского комитета: «Записка о состоянии промышленности и выгодах ясашных народов Иркутской губернии» 1821 г., «Расписание 1823 г. о разделении инородцев пяти уездов Иркутской губернии на разряды оседлых, кочевых и бродячих», записка 1825 г. «О кочевых инородцах Восточной Сибири». Большое внимание численности и расселению, а также хозяйству нерчинских тунгусов уделено в этих документах не случайно; приведение в известность именно этих данных было связано с введением в действие «Устава об управлении инородцев» 1822 г. с его подразделением коренного населения Сибири по образу жизни на разряды оседлых, кочевых и бродячих инородцев, что обуславливалось, прежде всего, их хозяйственными занятиями.

Сведения по рассматриваемой группе тунгусов были собраны в ходе проведенной в 1840 г. Министерством государственных имуществ ревизии в Восточной Сибири. Они представляли собой «16 ведомостей за 1840 г. об инородцах Нерчинского и Верхнеудинского округов Енисейской губернии», содержавших, как и предписывалось специальной инструкцией, данные о народонаселении, состоянии улусов, скотоводстве, звериных промыслах.

Названные материалы носят отчетный характер и содержат в связи с этим цифровые данные. Однако пользоваться ими следует лишь с учетом уровня статистики первой половины XIX в., зачастую страдавшей не только от недостатка сведений, но и от их намеренного искажения с целью демонстрации служебной активности, либо с учетом мнений и ожиданий вышестоящей администрации. В связи с этим количественные характеристики не могут претендовать на особенную точность, но общие тенденции хозяйственного развития при наличии массового материала прослеживаются достаточно отчетливо.

Наиболее полные сведения по хозяйству нерчинских эвенков относятся к концу XIX в. В 1897 г. специальной комиссией, организованной Совещанием по землеустройству Забайкальской области были проведены подворная перепись и статистико-экономическое обследование края по специально разработанным программам. Подворные ведомости отложились в фонде Центрального статистического комитета при МВД (РГИА, ф. 1290); поволостные, поселенные, почвенные бланки, а также материалы по земледелию и скотоводству вошли в фонд Земского отдела МВД (РГИА, ф. 1291). Часть собранных сведений — некоторые цифровые данные из подворных ведомостей, данные поселенных и почвенных бланков и программ по земледелию и скотоводству — были опубликованы в виде 16 выпусков «Материалов комиссии по исследованию землеустройства и землепользования Забайкальской области». В работе использованы, прежде всего, данные по населению Урульгинской степной думы. К рассмотренной группе источников примыкают и другие публикации по результатам статистических обследований населения Восточного Забайкалья¹⁴.

Еще одну важную группу источников представляют собой правительственные постановления, касавшиеся нерчинских эвенков, главным образом, вопросов управления ими. В качестве основных из этих документов следует назвать «Устав об управлении инородцев в Сибири», определивший как внутреннюю административную структуру нерчинских

тунгусов, так и ее место в государственной системе России в целом на протяжении всего XIX в. и сменившее его Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», утвержденное 23 апреля 1901 г.¹⁵

Особый интерес представляют архивные и опубликованные материалы по обычному праву коренного населения Южной Сибири. Материалы такого рода являются важным источником для историко-этнографических исследований, особенно в тех случаях, когда они представлены не отдельными нормами, а целостными сводами. В результате длительной работы многих исследователей в Восточном Забайкалье выявлен целый ряд таких кодексов, большинство из которых принадлежат бурятам и лишь два — нерчинским тунгусам. Как уже отмечалось, в 1822 г. в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» у них была учреждена Урульгинская степная дума. Уставом предусматривалось также создание единого законодательства для всех сибирских народов с учетом бытовавших у них норм обычного права. Это обстоятельство и было причиной составления в 1823 г. двух списков кодексов законов нерчинских тунгусов. Один из них — «Обычаи 15 Нерчинских Тунгусских родов» — был написан «...по соглашению шуленгов, зайсанов, засулов, старост, благонадежных ясашных и стариков».

Начальник тунгусских родов князь Гантимуров, возглавлявший Урульгинскую степную думу, также представил описание норм обычного права. Оно включало 88 статей в отличие от 68 статей первого списка¹⁶.

Год спустя сведения по обычному праву нерчинских тунгусов вместе с бурятскими — хоринским и селенгинским — уложениями поступили в Петербург, в Сибирский комитет, для дальнейшей работы над ними. В 1831 г. иркутским губернским переводчиком монгольского и бурятского языков А.В.Игумновым к этим материалам были написаны «Объяснения», потребовавшиеся в ходе работы над сводом «Степных законов» и явившиеся своего рода комментарием не только большой практической, но и, как отмечается в литературе, научной ценности¹⁷. В настоящее время все эти документы хранятся в РГИА в фонде I Сибирского комитета.

Собранные материалы привлекли внимание ученых и даже были опубликованы уже в XIX в., а в конце XX в. была осуществлена повторная более полная публикация¹⁸. Однако до сих пор кодексы конных тунгусов использованы далеко не в равной степени с бурятскими, хотя и анализ этих материалов, и сравнение их с уложениями забайкальских

бурят, несомненно, представляют большой интерес, так как рассмотренный источник содержит информацию для исследования практически всех сторон жизни нерчинских эвенков, к настоящему времени почти полностью слившихся с русскими и бурятами Юго-Восточного Забайкалья.

Помимо статистических и нормативных документов для этнографического исследования, особенно при выявлении специфики объекта, необходимы и различного рода сведения описательного характера о рассматриваемой этнической общности. К числу таких материалов может быть отнесена документация текущего делопроизводства Урульгинской степной думы и Урульгинской управы, прежде всего коллективные и частные рапорты и прошения. Касаясь таких повседневных дел, как споры из-за земельных угодий, вопросы заключения браков и разводов, они создают более живую картину реального и конкретного проявления в данном обществе предписанных ему административных норм и его собственного обычного права.

Еще одним источником для написания работы послужили полевые материалы, собранные в 1976, 1978 и 1979 гг. В 1976–1978 гг. были обследованы поселения, расположенные на территории бывших Урульгинской и Кужертаевской управ Урульгинской степной думы. В первую из них входили села Бургень (совр. Читинский р-н Читинской обл.); Верхняя Талача и Нарын-Талача (совр. Карымский р-н); во вторую — Дульдурга, Узон, Токчин, Чиндалей, Зуткулей (совр. Дульдургинский р-н Агинского Бурятского автономного округа). В 1979 г. сбор материалов проводился в селах, относившихся согласно дореволюционному административному делению к Маньковской инородной управе: Нижне-Гирюнинское (совр. Балейский р-н), Маньково, Кутугай, Шаранча, Шоноктуй (совр. Борзинский р-н).

Маршруты планировались таким образом, чтобы ими были охвачены районы с различными в прошлом этнокультурными ситуациями: например, для Бургени, Нижне-Гирюнинского, Маньково было характерно раннее оседание и обрусение эвенков, для Талачей, Кутугая, Шаранчи, Шоноктуя — длительное устойчивое сосуществование кочевого и оседлого эвенкийского населения; для кочевых тунгусов Кужертаевской управы — постоянные контакты с бурятами.

Современная индустриализация региона с характерной для нее активизацией миграционных процессов, этнических контактов, отчасти урбанизацией (ряд населенных пунктов, где прежде проживали эвенки —

Урульга, Карымская, Борзя — в настоящее время представляют собой современные крупные поселки городского типа) внесла коренные изменения в прежний уклад. Отмеченные обстоятельства, безусловно, затрудняют изучение традиционного быта и позволяют пользоваться, главным образом, методом опроса по подготовленному в соответствии с задачами работы вопроснику.

Часть полевых материалов представляет собой не только воспоминания и сообщения представителей старшего поколения обследованного населения о традиционном хозяйственно-бытовом укладе и обрядности, но также сохранившиеся до настоящего времени родословные, предания, легенды.

Сведения о нерчинских тунгусах имеются и в бурятских летописях, преданиях и родословных, представляющих собой, таким образом, еще один важный и интересный источник для историко-этнографического изучения эвенков Юго-Восточного Забайкалья.

Большая часть рассмотренных источников относится к XIX в. Их высокая репрезентативность обеспечивается массовым характером материалов. В работе использованы целостные архивные фонды, прежде всего Урульгинской думы и одноименной управы, складывавшиеся на протяжении всего XIX в. и включившие разнообразные документы практически по всем сторонам жизни нерчинских эвенков. Как правило, если не фондами, то достаточно обширными подборками-коллекциями представлены документы центрального архива. Достаточно полно — двумя сводами — представлено и обычное право. Помимо этого, использованные источники характеризуются большим видовым разнообразием. Рассмотренные материалы, а также сведения по более ранним этапам и полевые данные дают достаточные основания для выявления основных процессов этносоциального и этнокультурного развития нерчинских эвенков в XVIII—XX вв.

Конкретно-исторические формы этих процессов определялись постоянным длительным сочетанием нескольких факторов, важнейшие из которых:

- этнодемографическое развитие населения Юго-Восточного Забайкалья;
- включение нерчинских эвенков в социально-административную систему Российского государства;

— характер изменений двух важнейших сфер жизнедеятельности рассматриваемой группы: производственной (хозяйственная деятельность) и бытовой (семейно-бытовой уклад).

Задачи работы состоят в исследовании взаимодействия выделенных факторов, а также их влияния на степень глубины и быстроты преобразований и трансформаций этноисторических объектов, в данном случае, региональной этнической общности эвенков. Особый интерес представляет анализ этнического самосознания трансформирующейся группы по данным о языке и представлениям об этнической идентичности.

Применение в соответствии с исследовательскими задачами наряду с историческим подходом системного (структурно-функционального) анализа позволяет более полно раскрыть многомерность, разноплановость, взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние этносоциальных и этнокультурных процессов, протекавших в Юго-Восточном Забайкалье в XVIII–XX вв.

Практическая значимость работы заключается в том, что она содержит анализ и описание важных социально-политических, хозяйственно-экономических и этнокультурных изменений, происходивших в одной из групп южносибирского населения. Материалы и конкретные выводы исследования включаются в общий фонд современного сибиреведения и представляют интерес для историков и этнографов, специалистов по проблемам Сибири.

Примечания

1. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. — Ч.1.; С.П.Крашенинников В Сибири. — М., 1969; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1788. — Ч.3, половина I.; Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. — Berlin, 1966. — Т.3.
2. Кастрен М.А. Путешествие А.Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. 1838–1849 // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860. Т.6. Ч.2. С.1–482.
3. Собрания сочинений, выбранных из месцесловов на разные годы. — СПб., 1790. — Т.6; Спасский Г.И. Исторические сведения о тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. СПб., 1822. — Ч.18–22.
4. Паршин В. Нерчинские тунгусы // Журнал МВД. 1844. — Ч.5. — № 1–2. — С.114–146; Паршин В. Поездка в Забайкальский край. — М., 1844. — Ч.1–2.
5. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и др. источников. — СПб., 1906. — Ч.1–2; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. — СПб., 1911–1912. — Т.1–3.

6. Долгих Б.О. Племена и роды коренного населения Забайкалья и Южного Прибайкалья в XVII в. // КСИЭ, 1952. — Т.17. — С.29–40; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 622 с.
7. Туголуков В.А. Конные тунгусы // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. — С.78–111.
8. Степанов Н.Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. // Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им. А.И.Герцена. Т.222. Л., 1961; Его же. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973.
9. Буряева О.Е. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII — середине XIX вв./ РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии; Отв.ред. Михайлов Т.М.- Улан-Удэ, 2000. — 206 с.; Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества: (вторая четверть XVIII — первая половина XIX вв.) / Вост.-Сиб. гос. технол.ун-т. — Улан-Удэ, 2003. — 205 с.
10. Дамдинов Д.Г. Говор читинских хамниган в свете сравнительно-исторической монголистики. Автореф. дис. ...канд.филол.наук. — Улан-Удэ, 1967; Дамдинов Д.Г. К вопросу о происхождении оонских хамниганов // Труды Бурятского комплексного НИИ. Улан-Удэ, 1962. — Вып.10. — С.169–179; Дамдинов Д.Г. Закаменские (армакские) хамниганы // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1976. — Вып.6. — С.50–55; Дамдинов Д.Г. Улигеры оонских хамниган — Новосибирск: Наука, 1982. — 272 с. ; Дамдинов Д.Г. Оонские хамниганы : (Вопросы духовной культуры). — Улан-Удэ, 1993. — 145 с.
11. Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. М., 1964. — Т.83.; Ее же. Der mongolisch-hamniganische Dialekt von Dadal-Sum und die Frage der Mongolisierung Tungusen der Nordmongolei und Transbaikalien // Acta Orientalia. Budapest, 1959. — Т. 9. — N 2.
12. Janhunen J. The languages of Manchuria in Today's China // Northern Minority Languages: Problems of Survival. Osaka (Japan): National Museum of Ethnology, 1997. —P. 123–146. (Senri Ethnological Studies 44); Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Mongol — Helsinki,1990. — 110 p. — (Castrenianumin toimitteita 37); Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki— Helsinki,1991. — 120 p. — (Castrenianumin toimitteita 41); Janhunen J. On the Position of Khamnigan Mongol // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki. 1992. — Vol.83. — PP.115–143.
13. Сибирское общество в контексте модернизации XVIII—XX вв.: Сб. материалов Всерос. конф. «Сиб. об-во в контексте модернизации XVIII—XX вв.» (Новосибирск, 22–23 сент. 2003г.) / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, Новосиб. гос. ун-т.; Редкол.: Ламин В.А. (отв.ред.) и др. — Новосибирск, 2003. — 323 с.; Сибирь. Проблемы сибирской идентичности /С.-Петерб. Гос. ун-т. Фак. социологии и др.; Под ред. Бороноева А.О. — СПб.: Астерион, 2003. — 274 с. ; Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). — М.; Улан-Удэ,1995. — Вып.1. — 147 с.; Этнокультурные взаимодействия в Сибири: (XVII–XX вв.): Тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф., Новосибирск, 19–20 июня 2003 г. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др.; Редкол.: Ламин В.А. (отв.ред.) и др. — Новосибирск, 2003. — 304 с. — (Этнокульт. взаимодействие в Евразии: Прогр. фундам. исслед. СО РАН).

14. Материалы комиссии по исследованию землевладения и землепользования населения Забайкальской области. — СПб., 1898. — 16 вып.; Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1916 г. — Иркутск: Издание статистического отд. Забайкальского переселенческого р-на, 1917. — 164 с.; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1917 г. — Чита: Издание Статистического отд. Забайкальского переселенческого р-на, 1918. — 197 с.; Разумов Н.И. Забайкалье. Свод материалов Высочайше учрежденной комиссии для исследования земледелия и землепользования под председательством Куломзина. — СПб.: Канцелярия комитета министров, 1899. — 373 с.; Сельскохозяйственная перепись на Дальнем Востоке. — Хабаровск, 1925. — Вып.3. Поселенные итоги по Забайкальской губернии.
15. Учреждение для управления Сибирских губерний. — СПб., 1822; РГИА, ф.1274, оп.1, д.8.
16. РГИА, ф.1264, оп.1, д.370, л.2, 26; Там же, д.373, л.14 об.
17. Пахман С.В. История кодификации гражданского права. — СПб., 1876. — Т.2. — С.480; Пучковский Л.С. Очерки по истории русского востоковедения. — М., 1960. — Сборник III. — С.186.
18. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / Сост.и автор комментариев Карлов В.В.; Отв.ред. Семенов Ю.И. — М., 1997. — 262 с.; Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. — Новосибирск: Наука, 1992. — 237 с.

Глава 1

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1.1. Формирование русского населения региона

С середины XVII в. социально-экономическое и этническое развитие коренного населения Юго-Восточного Забайкалья в значительной и все более возрастающей степени определялось присоединением его к Российскому государству. На основе развернувшихся здесь хозяйственных, социально-политических и этнодемографических процессов происходило формирование нового этнического массива, обусловленное заселением и разносторонним освоением этой территории русскими людьми. Особая роль в этом процессе принадлежала земледельческой колонизации края и складыванию местного крестьянства, составлявшего, как установлено исследователями, подавляющее большинство русского населения Восточного Забайкалья в дореволюционный период¹, а также имевшего в силу своей хозяйственной деятельности непосредственные, наиболее широкие контакты с рассматриваемой группой коренных жителей края — нерчинскими эвенками. Характер этих контактов определялся многими факторами, в первую очередь такими, как численность, размещение, сословная принадлежность, точнее, обусловленная ею специфика занятий складывавшегося на протяжении второй половины XVII — начала XX в. сельского русского населения рассматриваемого региона.

Первые сведения о Восточном Забайкалье и его населении начали поступать от русских служилых и промышленных людей, осваивавших восточные районы Якутии и Прибайкалья, с конца 30-х годов XVII в. В начале 40-х годов они поступили от отряда И.Москвитина, дошедшего от Бутальского острога на Алдане до побережья Охотского моря, отряда М.Перфильева, прошедшего из Олекминского острога на Лене вверх по Витиму и его притоку Ципе до Баунтовского озера в Забайкалье, и, вероятно, в то же время от промышленника С.Косого, добравшегося до устья Аргуни и попавшего в плен к даурским «князцам»².

Проникновение в Забайкалье первых русских казачьих отрядов началось с середины 40-х годов с запада, из Прибайкалья. Отряды В.Колесникова и И.Похабова положили начало освоению Западного Забайкалья, и только в 1649 г. казаки из отряда И.Галкина перевалили через Яблоновый хребет и добрались до реки Шилки. В следующем 1650 г. отсюда в Москву впервые поступил ясак от принявших русское подданство тунгусов³. В 1653 г. енисейским воеводой Афанасием Пашковым «...на дальнюю службу на озеро Иргень и на великую реку Шилку...» была отправлена первая крупная партия в составе 100 казаков под командованием сотника П.Бекетова, чтобы «поставить два острога в самых крепких и угрожих местах и приводить иноземцев в ясак и проводить серебряную руду»⁴. Переплыв Байкал, Бекетов поднялся по рекам Селенге и Хилку и, дойдя до озера Иргень 24 сентября (3 октября) заложил Иргенский острог, затем перевалил через Яблоновый хребет и вошел в долину Ингоды. Так как из-за ледостава сплавиться по ней было уже нельзя 8 (18) октября Бекетов поставил на Ингоде при устье реки Читы зимовье, и здесь партия разделилась. Два десятка казаков были оставлены на Читинском Плотище, основная часть отряда вернулась на зимовку в Иргенский острог, а десятник М.Урасов с небольшой партией был отправлен на Шилку и здесь, недалеко от устья впадающей в нее реки Нерчи месяц спустя 8 (18) ноября 1653 г. заложил Шилкинский острог и собрал ясак с местного тунгусского населения. Весной 1654 г. сюда с основным отрядом прибыл П.Бекетов, и в Енисейск с казачьими десятниками Поповым и Урасовым были посланы отписки, что на Шилке и Иргене поставлены остроги, а с местных тунгусов получен ясак. Осенью того же года казаки этой партии вынуждены были спуститься по Шилке на Амур. Посланные из Енисейска к П.Бекетову служилые люди уже не застали его отряда; однако ими был собран ясак с тунгусов на озере Иргень и реках Чите, Ингоде и Шилке в 1655–1656 гг.⁵.

Создание серьезной опоры для укрепления позиций Московского государства в Забайкалье и дальнейшего продвижения на Амур возлагалось на экспедицию енисейского воеводы А.Пашкова. 18 июля 1656 г. он выступил из Енисейска с отрядом в 556 казаков. Весной 1657 г. казаки отплыли из Читы к сожженному Шилкинскому острогу. В 1658 г. недалеко от места его прежнего расположения, на левом берегу Шилки, был построен Нерчинский острог, ставший административным центром нового Нерчинского уезда. Одновременно с ним был основан Телембинский, а позднее, в 1665 г. — Селенгинский и Верхнеудинский остроги⁶.

Однако численность служилых людей в Восточном Забайкалье продолжала оставаться крайне незначительной. К моменту приезда в Даурскую землю нового воеводы Л.Толбузина (май 1662 г.) в Нерчинском, Иргенском и Телембинском острогах оставалось всего 75 казаков (по другим данным — 114 человек)⁷. В 1675 г., по наблюдениям следовавшего в Китай российского посла Н.Спафария, в Нерчинске проживало около 200 служилых людей⁸. Их численность не увеличилась и в начале 80-х годов: в 1683 г. в распоряжении Нерчинского воеводы было лишь 46 казаков, остальные 150 находились в разных посылках⁹.

Всего в Забайкалье в это время, включая район Нерчинска, проживало около 350 служилых людей и примерно столько же мирного населения — промышленников, «гулящих людей», крестьян. Восточно-забайкальское казачество пополнялось и формировалось, в основном, за счет «гулящих» и промышленных людей¹⁰.

Сложность и неустойчивость политической обстановки в связи с агрессивными планами маньчжурской династии настоятельно требовали более значительного увеличения служилого сословия в порубежном Нерчинском уезде. В связи с этим в 1684 г. правительство предусматривало большой набор «охочих» людей в городах и уездах Западной (600 человек) и Восточной (400 человек) Сибири из местных служилых людей и их родственников для отправки их за Байкал. В результате предпринятых мер в декабре 1687 г. в Нерчинске насчитывалось 400 казаков; к августу 1689 г. их число достигло 600¹¹. В условиях военно-административного управления краем служилые люди выполняли обязанности приказчиков острогов и пашенных слобод, транспортировали и охраняли казенные грузы, конвоировали ссыльных людей, занимались «рудознанием», собирали ясак, обороняли уезд от «немирных» соседей. Защищая свои «породные» земли в ответ на притязания маньчжурских и монгольских феодалов, совместно с русскими казаками выступало бурятское и тун-

гусское население края¹², что можно рассматривать как одну из первых, специфическую для служилого сословия форму сотрудничества русского и коренного населения.

Однако успешная оборона Сибирской земли от иноземных вторжений и признание включения территории Юго-Восточного Забайкалья в состав Российского государства (Нерчинский договор 1689 г.)¹³. были обусловлены не столько учреждением здесь русского административного аппарата и приходом отрядов служилых людей (их силы были для этого слишком незначительны), сколько интенсивным заселением и хозяйственным освоением края мирным русским населением, на основе многообразной деятельности которого утверждались неразрывные экономические связи с местным населением.

Партии русских промышленников, как уже говорилось, находились в Забайкалье с середины XVII в. в результате стихийного переселения из Байкало-Илимского края. Эти миграции были уже вторичным явлением по отношению к переселенческому движению в Сибирь из Европейской части России, т.е. из Поморья¹⁴. Деятельность промышленников стала первым этапом в установлении экономических связей между русским и местным населением края, так как элементы производственного сотрудничества возникли, прежде всего, в таких сферах как пушной промысел, обеспечение перевозок товаров на внутренних и внешних торговых путях, поиски полезных ископаемых¹⁵. Так, в 1676 г. евенки братья Аракжа и Мани указали нерчинскому приказчику Павлу Шульгину серебряное месторождение в горе Култук, над реками Алтачей и Мунгачей. В 1681 г. неподалеку от этого месторождения был заложен Аргунский острог, а 13 апреля 1689 г. вышел правительственный указ о построении Аргунского сереброплавильного завода¹⁶.

Гораздо большее значение для глубокой качественной перестройки традиционного уклада местного кочевого населения имело земледельческое освоение края, хотя его последствия в достаточно широких размерах начали сказываться, как мы увидим, значительно позднее — с конца XVIII в.

Первые пашни в Восточном Забайкалье создавались, в основном, силами служилых людей, сосредоточенных вокруг возведенных на пути к верховьям Амура острогов. Процесс окрестьянивания рядовой массы казачества Нерчинского уезда, как и повсеместно в Сибири, шел уже в XVII в. Попытки заняться земледелием около Шилкинского острога были предприняты казаками из отряда П.Бекетова еще в 1654 г.¹⁷. В 1657 г.

нерчинский воевода А.Пашков, используя имевшихся у него служилых людей, запахал на казенные нужды под яровой и озимый сев до 120 десяти¹⁸. Обеспечение Восточного Забайкалья хлебом было очень затруднительным, и поэтому не только местная, но и центральная администрация обычно шли навстречу хозяйственной инициативе служилых людей, рекомендуя наделять их, в соответствии с челобитными казаков, «пахотной землей и сенокосными угодьями вместо хлебного жалования»¹⁹.

Появление в Восточном Забайкалье государевой (десятинной) и «собинной» крестьянской пашни относилось только к началу 80-х годов XVII в.²⁰. Специальные досмотры служилых людей по рекам Шилке, Нерчи, Уюрге, около основанного в 1681 г. Аргунского острога позволили нерчинскому воеводе Ф.Воейкову рекомендовать переселение в Забайкалье 500 крестьянских семей из Илимского и Братского острогов и устраивать их на десятинной государственной пашне. Первые 17 семей ссыльных крестьян он поселил в 1681 г. близ Нерчинска по реке Шилке²¹.

Причину относительно медленного развития земледелия в Нерчинском уезде во второй половине XVII в. по сравнению с другими районами Сибири исследователи видят в слабом оседании там, в связи с неурегулированностью отношений с северомонгольскими ханами и тайшами, вольных переселенцев, которых, кроме того, более привлекали земли по берегам Амура в районе Албазина²².

В 1697–1698 гг. в Нерчинском уезде, по официальным документам, насчитывалось только пять слобод (Урульгинская, Куенгская, Городищенская, Ундинская, Алеуровская). Однако в последующие полтора-два десятилетия район г. Нерчинска и Аргунского острога заселялся достаточно интенсивно, причем, как отмечают исследователи, стала резко возрастать численность именно крестьянского населения, все более приближавшаяся в начале XVIII в. к численности служилых людей²³. Так, к 1710 г. в Нерчинском уезде насчитывалось 1162 душ мужского пола крестьян и 1656 душ мужского пола служилого сословия. Согласно другим данным — 1680 государственных крестьян (включая бобылей и гулящих людей) и 1670 представителей военно-служилого сословия (включая дворян и детей боярских)²⁴.

Своеобразие складывания русского населения в Забайкалье в XVIII в. — его численности, расселения, сословного состава, занятий — было обусловлено дальнейшим хозяйственным освоением этого региона. XVIII в. в истории Забайкалья связан с созданием Нерчинского горнопромышленного округа и

проведением Сибирского и Кяхтинского трактов²⁵. Нерчинский округ явился районом соединения земледельческого и промышленного освоения; горнорудная и металлургическая промышленность оказывали существенное влияние на характер и темпы заселения и степень его земледельческой колонизации²⁶.

В отличие от других областей Сибири, где большую роль играл естественный прирост населения, в Забайкалье на протяжении почти всего XVIII в. рост населения зависел в основном от переселений, вызванных нуждами промышленности и необходимостью обеспечения края хлебом, и осуществляемых правительством преимущественно с помощью принудительных мер. В результате старожильское население, сложившееся в XVII в., пополнялось многочисленными и самыми разнообразными элементами из европейской части страны и самой Сибири²⁷. Начиная с 1708 г., следовала целая серия указов о поселении в Нерчинском округе крестьян различных категорий, а также ссыльных и ссыльнокаторжных для обслуживания Нерчинских сереброплавильных заводов²⁸.

11 января 1722 г. было предписано поселить крестьян на заводских пашнях, что положило начало крестьянской «казенной пашне» при Нерчинских заводах. В 1726 г. туда было направлено 570 рекрутов из Томска и 300 ревизских душ из других районов Сибири. В 1750-х годах была издана серия сенатских указов о пополнении состава нерчинских приписных крестьян, которых предписывалось переселять в Забайкалье из Томского и Кузнецкого ведомств, а также из Иркутской провинции²⁹.

Аналогичные меры затронули население и самого Нерчинского округа: в 1759 г. к заводам были приписаны Ундинская слобода и Аргунский острог. Инструкция Екатерины II от 7 апреля 1764 г. обязывала приписать к заводам дополнительно 5 тыс. крестьян и большую часть их использовать в хлебопашестве³⁰. К 5 января 1787 г., времени издания указа о передаче Нерчинских казенных заводов в «ведомство Императорского Кабинета» вместе с приписанными к ним для отработки подушной подати крестьянами, их насчитывалось 13 492 душ мужского пола, населявших 282 деревни. Они были разделены на пять волостей: Аргунскую, Уровскую, Газимуровскую, Сретенскую и Городищенскую, которые находились в непосредственном подчинении земских управителей как агентов кабинетной власти в правовом, хозяйственном и поземельном отношении. В 20-х годах XIX в. в результате естественного прироста населения (приписок к заводам с начала XIX в. больше не проводилось) к ним добавились еще две волости — Ундинская и Читинская³¹.

Еще одну категорию сельского населения составило казачество, являвшееся вместе с тем единственной военной силой в Забайкалье на протяжении всего XVIII в. Казаки размещались, в основном, в острогах, крепостях и на караулах пограничных линий, расположенных в степных, малопригодных для занятия земледелием местностях, издавна занимаемых и освоенных местным кочевым населением. Возможности непосредственных контактов с ним были связаны также с привлечением коренных жителей после заключения Буринского договора 1727 г. к охране границы: бурятских родов — в Западном, эвенкийских — в Восточном Забайкалье (12 караулов, на общем протяжении границы 800 верст от Большиханского караула до Аргунского острога)³². В 1761 г. был образован тунгусский казачий полк пятисотенного состава, а в 1764 г. — четыре полка шестисотенного состава из селенгинских бурят. Вместе с русскими казаками они были размещены в построенных с 1764 по 1773 г. крепостях Горбиченской, Чиндантской, Кударинской, Харацайской и 60 караулах³³.

В этих условиях основной отраслью хозяйства русского казачества, особенно в пограничных районах, обычно становилось традиционное для этого региона животноводство³⁴.

По положению 1822 г. были сформированы городовые казачьи полки, и с этого времени в казачьем населении края различались две группы: городовых и станичных казаков. Городовые казаки по уставу 1796 г. получали от казны солдатское довольствие и фураж. Станичные казаки, осевшие в селениях и заимках, казенного довольствия не получали. По разъяснению 1824 г. им отводилось земли по 15 десятин на мужскую душу для хлебопашества и скотоводства³⁵. Станичные казаки сыграли большую роль в заселении Забайкалья вдоль его южных границ. Здесь был построен ряд крепостей, между которыми располагались линии пограничных постов, на месте многих из них впоследствии выросли села. Площадь пашни в пограничной линии только с 1831 по 1841 г. увеличилась со 180 до 4800 га³⁶.

Во второй половине XIX в. забайкальское казачество пополнялось, в основном, штрафованными нижними чинами гарнизонных батальонов внутренней России³⁷.

Однако по мере развития серебряно-свинцовой промышленности и роста городов, проблема обеспечения края собственным хлебом становилась все более острой и ни казацкое земледелие, ни создание «казен-

ной пашни» силами приписного к заводам крестьянства были не в состоянии ее разрешить.

В связи с необходимостью активизировать вольное переселенческое аграрное движение в Забайкалье были изданы правительственные указы от 17 октября 1799 г. «О поселении Сибирского края, прилегающего к границам Китайским» и от 29 июня 1806 г. «О производстве поселений за Байкалом»³⁸. Согласно первому из них, сибирская администрация обязывалась с сентября 1800 г. начать и в течение нескольких лет осуществить «поселение» 10 тыс. душ из отставных солдат, ссыльных и помещичьих крепостных людей, отдаваемых в зачет рекрутов в районе между Байкалом, Верхней Ангарой, Нерчинском и Кяхтой. Для поселенцев назначался «душевой» надел в 30 десятин; они освобождались на десять лет от всяких податей. Местные власти, кроме того, должны были приготовить для поселенцев срубы домов и годичный запас хлеба. Однако предусмотренные мероприятия в полном объеме осуществлены не были: с 1800 по 1819 г. за Байкалом было размещено лишь 4977 переселенцев³⁹.

После указа 1799 г. государственные крестьяне появились на территории Нерчинского заводского округа. Деревни государственных крестьян располагались несколькими компактными группами в непосредственном соседстве с угодьями нерчинских эвенков: на землях, уступленных хоринскими бурятами в 1802 г. в долине реки Ингоды, вдоль Яблонового хребта, по соседству с селениями приписных крестьян Городищенской волости; частью на свободных местах, лежавших между деревнями приписного к заводам населения Городищенской и Сретенской волостей по рекам Ингоде, Унде, Чирону и др. Из первой группы со временем образовалась Татауровская волость, из второй — Успенская. Кроме того, по притоку реки Онон — Иле — возникли поселения государственных крестьян Усть-Илинской волости⁴⁰.

К числу переселенцев по указу 1799 г., основавших в 1805 г. селения Никольское, Александровское, Танга Нерчинского округа, относились и переселенцы-украинцы. Они прибыли в Забайкалье с Северного Кавказа, куда переселились с Украины (из Полтавской и Черниговской губерний). Жители этих селений долгое время звали хохлами, капкайцами, капканцами за отличительные черты их быта, хозяйства и языка, хотя в Забайкалье они писались русскими. В 1807 г. русские новоселы основали село на берегу озера Бальзой; в 1858 г. в нем находилось 29 дворов с населением 199 человек⁴¹.

К 1810 г. в Нерчинском уезде существовало 24 поселения государственных крестьян⁴². К 1815 г. их численность достигала 1308 д. м. п.⁴³, а в 1816 — 3553 мужчин, 1257 женщин и 1767 детей, проживавших в 34 селах⁴⁴.

В 1840 г. ревизия сенатора Толстого учла в трех волостях: Успенской, Усть-Илинской и Татауровской — 7425 душ поселенцев. В 1842 г. (ревизия Черкасова) крестьяне губернского ведомства жили в 66 деревнях, и их численность составляла 9826 душ. В Сретенской и Городецкой волостях государственные крестьяне жили вместе с приписными⁴⁵.

Таблица 1*

Соотношение численности мужского населения
кабинетской и государственной деревни
в Нерчинском округе в первой половине XIX в.

Год учета	Кабинетская деревня	Государственная деревня
1816 (VII)	17 769	3553
1833 (VIII)	22 876	-
1840	-	7425
1842	-	9826
1850 (IX)	27 136	-

* Таблица составлена по материалам: Жидков Г.П. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае и в Забайкалье (до реформы 1861 г.) // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. — С. 326—327.

Хотя численность государственных крестьян в первой половине XIX в. значительно уступала численности приписного земледельческого населения в Нерчинском округе, создание здесь государственной деревни существенно повлияло на дальнейшее развитие земледелия в Восточном Забайкалье. Как показали обследования хозяйства приписного крестьянства (первое было проведено в 1820—1824 гг. вступившим в должность начальника Нерчинских заводов Бурнашевым, второе — в 1828 г. — генерал-губернатором Восточной Сибири Лавинским), основная его отрасль — земледелие — находилось в бедственном положении из-за переобременения различного рода повинностями⁴⁶.

Кабинетские крестьяне забрасывали земледелие и обращались к охоте («промыслу зверей») и разведению мерлушковых овец. В 1824 г. из 202 260 руб. денежных доходов приписной деревни

104 644 руб. были получены от продажи шкур и мерлушки, а от продажи хлеба — всего 42 427 руб.⁴⁷.

Переселенцы же по Указу 1799 г., в первую очередь с Кавказа и из Малороссии, основавшие Николаевское и Александровское села Татауровской волости, способствовали повышению уровня земледелия русского крестьянства, будучи, как отмечалось всеми авторами XIX в., лучшими хлебопашцами края. Кроме того, расположение деревень государственных крестьян в непосредственном соседстве с угодьями нерчинских эвенков создало условия для складывания в первые десятилетия XIX в. постоянных контактов между русским и коренным населением и способствовало заимствованию последним новой формы хозяйственной деятельности — земледелия.

С середины XIX в. государственные крестьяне составляли единственную категорию крестьянского населения Нерчинского округа, так как 21 июня 1851 г. 28 992 д.м.п. заводских крестьян, по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского, составили пешие батальоны Забайкальского казачьего войска. В казачье сословие они переводились вместе с землями фактического пользования⁴⁸.

Увеличение крестьянского населения Восточного Забайкалья в пореформенный период шло за счет ссыльных на поселение и отчасти вольных переселенцев. Переселенческое движение в Сибирь усилилось в конце XIX — начале XX в. после постройки Сибирской железной дороги: ее постройка дала возможность двинуться в Сибирь крестьянской бедноте. Проведение в 1910 г. Столыпинской реформы вызвало новый подъем переселенческого движения в Восточное Забайкалье.

Во второй половине XIX — начале XX в. семьи переселенцев и поселенцев Забайкалья в значительной мере были поставщиками батраков и поденных рабочих для состоятельных хозяйств. Увеличение числа переселенцев снижало стоимость наемного труда в сельском хозяйстве, способствовало развитию в нем капиталистических отношений, интенсификации аграрного освоения края.

Во второй половине XIX — начале XX в. Европейский Север и Западная Сибирь, игравшие прежде важную роль в заселении Восточной Сибири, утрачивают свое значение. Предпринятое В.И. Лениным изучение переселенческого движения показало, что «от 3/4 до 4/5 всего числа переселенцев шли из малороссийских или среднечерноземных губерний. Это — тот центр России, где всего сильнее остатки крепостничества, где

всего ниже заработная плата, где крестьянским массам живется особенно тяжело»⁴⁹.

К концу XIX в. в русском населении Читинского округа, включавшего в свой состав земли коренного населения — территории Урульгинской и Агинской степных дум, численно преобладало крестьянство: переписью 1897 г. в округе было учтено 37 962 крестьян, 9392 казаков и 5956 поселенцев (не приписанных к сословию крестьян в общинах данной местности)⁵⁰.

Постоянное увеличение русского аграрного населения Юго-Восточного Забайкалья привело к тому, что к концу XIX в. его сельскохозяйственные угодья вплотную подступали к издавна освоенной нерчинскими эвенками территории Урульгинской степной думы, окружая ее со всех сторон непрерывным кольцом.

1.2. Этнический состав, размещение и численность коренного населения

Этнодемографическая ситуация в регионе в рассматриваемый период определялась не только рассмотренным выше процессом формирования русского населения, но и многочисленными изменениями в территориальном размещении и численном соотношении основных этнических компонентов коренного населения края — бурят и эвенков. Эти изменения явились одним из факторов складывания предпосылок этнических процессов, развернувшихся здесь в XIX–XX вв.

Нерчинская Даурия* была освоена человеком со времен глубочайшей древности: возраст обнаруженных здесь палеолитических стоянок в 1970-е годы определялся в 40–30 тыс. лет. Современными естественнонаучными методами они датируются временем от 36–34 до 10–8 тыс. до н.э. и относятся к восточно-азиатской палеолитической традиции⁵¹. Материал для уверенных суждений об этнической принадлежности насельников этих мест дает только неолит. Здесь, в горно-таежных районах, примыкающих к южному берегу Байкала, около 5–3 тыс. лет тому назад сформировался культурный комплекс, который уже с конца 1930-х годов связывался целым рядом исследователей с древнетунгусской этнической общностью⁵².

Культуры эпохи металла (со второй трети 2 тыс. до н.э.) в Восточном Забайкалье были многочисленны и разнообразны, а этническая принадлежность оставивших их племен определялась в советской историко-

графии неоднозначно⁵³. По мнению академика А.П.Окладникова, поддержанному и другими учеными, археологические памятники долины реки Шилки и прилегающих к ней районов, относящиеся ко времени позднего неолита, бронзового и раннего железного века (до рубежа н.э.) свидетельствуют, что в глубоком прошлом здесь обитали народы различных этнических групп, представители алтайской языковой семьи — тунгусо-маньчжуры, монголы, тюрки. Эта точка зрения нашла подтверждение и в новейших исследованиях⁵⁴.

Такое тесное соседство создавало реальные и широкие возможности для разнообразных взаимодействий и взаимовлияний, однако некоторые древнейшие культурные традиции — элементы одежды, жилища, средства передвижения, орнамент — обнаружили удивительную устойчивость, сохранившись на этой территории ко времени проникновения сюда в середине XVII в. первых русских землепроходцев и на протяжении двух последующих веков у местного населения Забайкалья — эвенков и бурят⁵⁵.

Следует отметить, что наряду с ними некоторые исследователи включали в состав коренных жителей Даурии в первой половине XVII в. и «дауров», народ весьма спорной — монгольской или собственно маньчжурской — языковой принадлежности⁵⁶. На наш взгляд, в решении этого вопроса наиболее убедительно аргументирована точка зрения Б.О.Долгих, который, проанализировав приведенные в источниках географические сведения, а также учтя особенности перевода этнонимов с эвенкийского языка на русский (часто эвенки называли даурами бурят), высказал предположение, что на интересующей нас территории Забайкалья дауров в XVII в. не было⁵⁷. Он полагал, что в первой половине XVII в. северную часть территории Даурии занимали конные тунгусы, в составе которых выделялись три группы: первую составляли платившие ясак непосредственно в Нерчинский острог; вторую — в Телембинский острог и подчиненные последнему Еравненский острог и Акиминское зимовье; третью — в Аргунский острог⁵⁸. Таким образом, расселение тунгусов охватывало фактически всю территорию северной Даурии, хотя оно не могло, конечно, быть сплошным в силу их малочисленности (8050 человек)⁵⁹. Южная часть Даурии — истоки Газимура, низовья Унды, почти вся территория современного Агинского Бурятского автономного округа — была освоена монголами и рядом монголизированных «онкотских» групп⁶⁰.

Так же определяет этнодемографическую ситуацию в Даурии в первой половине XVII в. и С.А.Токарев: Северное Забайкалье (бассейн реки Баргузина и Баунтовского озера) занимали тунгусы, которых впервые объяснил Василий Колесников в 1647 г. Южнее в районе позднейших Нерчинского, Телембинского и Иргенского острогов жили тунгусы, но «конные» — скотоводы, по культуре, видимо, мало чем отличавшиеся от монголов, своих ближайших соседей на юге⁶¹.

С образованием в 1656 г. Нерчинского уезда и присоединением к России части Даурии, населенной тунгусами, ситуация здесь несколько изменилась. К концу XVII в., вследствие напряженности политических отношений в этом районе, северная часть территории, ранее освоенной монголами, представляла собой безлюдную пограничную полосу, своего рода нейтральную зону. В образовании этой нейтральной пустынной пограничной полосы, по мнению Б.О.Долгих, большую роль сыграли нерчинские тунгусы, которые, чувствуя поддержку со стороны русских служилых людей, стали вторгаться по Онону и Аге для охоты и отгона табунов⁶².

Именно к этому времени, ко второй половине XVII в., относятся первые попытки бурят-хоринцев выйти из Монголии в Россию в районе Даурии под Нерчинском. Появление хоринцев в Восточном Забайкалье имеет длительную предысторию, во многом еще не достаточно выясненную. Исследователь древнейших периодов истории этого бурятского племени Г.Н.Румянцев считает, что отдельные группы предков хоринцев из монгольского племени хори-тумэтов заходили в глубь Забайкалья еще за два-три столетия до Чингиса, хотя основное место их обитания тяготело к западным районам Прибайкалья. В 1207 г., после разгрома хори-тумэтов войсками Чингис-хана, какая-то часть их была уведена на юго-восток, во внутренние районы Монголии, откуда они в разное время возвратились в Забайкалье. Характеризуя расселение хоринцев до XVII в. Г.Н.Румянцев отмечал, что... «в течение веков им часто приходилось перекочевывать из одного района в другой, причем диапазон их перекочевок был очень велик — от западных берегов Байкала до владений тумэтских ханов на востоке»⁶³. В результате, как считает исследователь, к самому началу XVII в. хоринцы обитали на территории, простирающейся от реки Селенги и Кударинской степи до Нерчинска. На севере хоринцы кочевали у Еравнинских озер, а на юге их кочевья ограничивались рекой Хилок. Такое положение сохранилось до начала XVIII в.⁶⁴.

Совершенно иначе определял территорию расселения хоринцев в XVII в. С.А.Токарев. По его мнению, «...хоринцы в эпоху появления русских не только не составляли всего населения Забайкалья, но и вообще там не жили, историческая роль этого племени в позднейших легендах и историографии сильно преувеличена и искажена»⁶⁵. До 40-х годов XVII в., по его предположению, местом расселения хоринцев были северо-западный берег Байкала и верховья Лены. Острый конфликт с царской администрацией в 1644–1645 гг. вынудил хоринцев откочевать в Монголию. Их путь лежал через Урянхай в местность Барга, откуда они со временем вернулись в Забайкалье⁶⁶.

Согласно исследованию Б.О.Долгих, территория расселения хоринцев в XVII в. была расположена по обе стороны Байкала. На западном берегу они обитали у рек Большой и Малой Бугульдеих, на острове Ольхон. Большая же часть хоринцев уже в первой половине XVII в. жила по правому берегу низовьев Селенги, в Кударинской степи. Подтверждением древности расселения хоринцев в Забайкалье автор считал упоминания о баргунах-корчихолах в преданиях баргузинских тунгусов и о баргутах-хорчинах в хрониках баргузинских бурят. В 1650 г. хоринцами был убит в устье Селенги сын боярский Ерофей Заболотский, ехавший в качестве посланника к Цецен-хану, после чего они ушли через реки Ин-году и Онон в Восточную Монголию. Эти события, по мнению исследователя, завершают первый этап истории хоринцев в составе Русского государства⁶⁷.

История хоринских родов с 60-х годов XVII в. и на протяжении первой трети XVIII в. представляет собой целый ряд выходов хоринцев из Монголии, перемещений их в пределах территории России, новых возвращений в Монголию. Роль стабилизирующего фактора сыграло пограничное размежевание 1727 г. между Россией и цинским Китаем. Согласно заключенному договору, переход границы был запрещен, а переребечики выдавались властями обратно. После нескольких неудачных попыток перейти в Россию, оказавшиеся за границей хоринцы в 1735 г. переселились в низовья Керулена, Хайлара, Халхингола и здесь были включены в военную маньчжурскую «знаменную» организацию под названием «новых баргутов»⁶⁸.

Оставшиеся в России хоринцы в своем продвижении из-под Нерчинска на запад, к местам прежнего расселения, к 1683 г. осели по реке Итанце, в Кударинской степи, «у моря», «за морем», как называли тогда Байкал, в Баргузинских степях. Так как к этому времени земли на запад-

ном берегу Байкала оказались уже занятыми, местом основного сосредоточения хоринцев в конце XVII в. стало Западное Забайкалье. В своей челобитной царю Петру I они просят закрепить за собой как «породные», земли по правобережью Селенги, Кударинскую степь, земли по рекам Итанца, Уда, Хилок, Темнуй, Курба, Она, Кудун, вокруг Еравнинских озер⁶⁹.

Численность хоринцев в это время, включая оказавшихся за рубежом, составляла, по подсчетам Б.О. Долгих, 6300 человек⁷⁰.

К началу XVIII в. относится новое появление в Восточном Забайкалье хоринцев. Теперь они проникали сюда с запада, через долину Ингоды. Это отмечается в русских документах: «...а вышеозначенные хоринцы кочевьями своими кочуют между Итанцынским и Яравненским острогами, и по степям, и на Уде, и на Хилке, и по Темлюю, по Кудуну, и по Курбе речкам и Ингоды реки по вершине»⁷¹ и в бурятских хрониках: «...народ Агинский кочевал вначале по реке Ингоде и впадающим в нее речкам. Между тем он обосновался, начиная с того времени, когда в 1728 г. были поставлены пограничные знаки, по рекам Аге и Онону, а некоторые кочевали, в силу высочайше данной грамоты 1703 г., до самой монгольской границы»⁷².

Однако глубокое знание исторических событий предшествующего периода — второй половины XVII в. — и влияния их на этническое развитие региона позволило Б.О. Долгих сделать вывод о том, что в 30-е годы XVIII в. хоринцы были еще «группой, очень мало связанной с тунгусским населением и с основной территорией Нерчинского уезда. Их отношения с Нерчинском были преимущественно отношениями административного подчинения. Территориально, экономически и исторически хоринцы были связаны, главным образом, с Западным Забайкальем и даже Предбайкальем, входившими в Иркутский уезд, и в сравнительно незначительной степени с Нерчинском»⁷³.

По всей вероятности, бурятское население Восточного Забайкалья в 30-е годы XVIII в. еще не представляло собою «народа Агинского». Скорее, это были периферийные части Галзутского, Хараганатского, Хуацайского, Хубдутского, Шарайтского, Бодонгутского и Цаганского родов⁷⁴, больше тяготевшие к своим оставшимся на «породных» или уже достаточно освоенных землях сородичам, чем друг к другу.

Основным же населением Урульгинского скотоводческо-охотничьего района, выделяемого исследователями социально-экономического развития Сибири первой половины XVIII в., на территории Юго-Восточного Забайкалья по-прежнему оставались эвенки, занимавшиеся

скотоводством и охотой⁷⁵. Как уже было сказано, к середине XVII в. они населяли северную часть территории Даурии, присоединенную к России с образованием в 1656 г. Нерчинского уезда.

В первой трети XVIII в. занятая тунгусами территория расширилась в южном направлении в связи с изменением границы (по Буринскому договору 1727 г.), в результате чего многие нерчинские тунгусские роды частично заселили вновь присоединенные к России земли.

Картина расселения эвенков в начале XVIII в. выяснена исследователем Забайкалья А.С.Шубиным. В это время некоторые группы эвенкийских родов кочевали по левому берегу реки Онона от Чиндантской до Акшинской крепости. Значительная их группа осваивала район в низовьях Ингоды, охватывая долины и урочища по левым притокам рек Тамча и Алтача. Несколько родов кочевали по Нерче — от Зюльзинского селения, по рекам Олову и Курлыче. Тунгусы встречались также по верховью реки Турги, впадающей с правой стороны в Онон и по рекам Кулунгую и Унде. Кроме того, отдельные их группы были вкраплены среди большинства русского населения по рекам Газимуру, Борзе, Урулунгую, впадающим в Аргунь⁷⁶.

Основную причину рассредоточения эвенкийского населения и расселения эвенков мелкими группами в местах их кочевий А.С.Шубин видит в развитии горных работ в бывших охотничьих угодьях, а также в распашке крестьянами плодородных земель — лугов и пастбищ⁷⁷. Однако в начале XVIII в. эти факторы вряд ли могли быть определяющими: хозяйственное освоение Забайкалья русскими только начиналось, а их численность в конце XVII в. достигала всего 1500 человек⁷⁸. Более вероятно, что восстановленная исследователем картина расселения эвенков в начале XVIII в. складывалась постепенно, а не была результатом внезапного вынужденного переселения.

Можно предположить, что даже большее влияние на размещение коренного населения оказало привлечение его к охране границы. После заключения Буринского договора 1727 г. бурятские и тунгусские роды, кочевавшие у границы, находились в ведении пограничного дозорщика. Караулы были распределены следующим образом: селенгинские буряты занимали три караула по левую сторону реки Селенги и два — по правую; хоринцы содержали один караул на протяжении границы от впадения реки Лылеи в Архадоин до реки Гунгуртей у подножья Кумурюнского хребта; остальную же часть линии до Хайласту 12 караулов защищали

тунгусы (около 800 верст от Бальшиханского караула до Аргунского острога)⁷⁹.

В 1758 г. 2252 тунгуса вместе с семьями были распределены по 23 караулам. Караулы в большинстве случаев были расположены в местах, неудобных для ведения скотоводства, что отрицательно сказалось на хозяйстве местного населения. Особенно сильно пострадали семьи, привлеченные к несению пограничной службы по рекам Шилке и Онону⁸⁰.

Во второй половине XVIII в. одновременно с отмеченным А.С.Шубиным процессом дробления эвенкийского этнического массива, продолжалось освоение Даурии хоринцами. На основании обобщенных сведений исследователей — участников академических экспедиций XVIII в. — И.Г.Гмелина, Г.Ф.Миллера, П.С.Палласа, И.Г.Георги — о расселении бурятских племен М.Н.Богданов определяет местожительство хоринцев в период 3-й ревизии (1763): «...по реке Ур и в Нерчинской области, между Ингодой и Ононом»⁸¹. Общая численность ясачных плательщиков всех хоринских родов в это время определяется в 11 490 человек. Учитывая, что большая часть хоринцев и в дальнейшем продолжала оставаться в Западном Забайкалье, можно считать численность их восточной группы приблизительно равной численности конных тунгусов, число ясачных плательщиков среди которых достигало 4465 человек⁸². В 1870 г. по решению главного хоринского тайши для нерчинских хоринцев было учреждено звание «главного зайсана тех мест, который должен управлять всеми остальными»⁸³. Вероятно, это было вызвано не только большой удаленностью крайней восточной группы хоринцев, но и усилением территориальных связей внутри нее.

К концу XVIII в. хоринцы занимали кочевья по реке Ингоде, Улунге, Туре, Аге вплоть до реки Аргунь на востоке. На западе их границей была река Селенга, на севере река Итанца, Кударинская степь, южная часть Баргузинского района, окрестность Еравнинских озер⁸⁴.

В 1806 г. единство территории хоринских кочевий было нарушено. Царский указ от 9 июня скрепил соглашение с хоринскими родоначальниками о передаче 105 тыс. десятин земельных угодий по Ингоде и Чите в казну. Взамен в пользование бурятам была предоставлена Агинская степь, лежащая по левую сторону реки Онон, между ее притоками Агою и Илею.

Согласно Уставу 1822 г. «Об управлении инородцев», для управления коренным населением Даурии были образованы степные думы: Хоринская — у бурят и Урульгинская — у тунгусов. Так исторически сло-

жившееся расселение коренного населения было зафиксировано в законодательном порядке. Даурская территория Хоринской степной думы — Агинская степь — оказалась со всех сторон окруженной тунгусскими родовыми управами. Тунгусы, проживающие по левобережью Ингоды и Шилки, «...по двум речкам Талачам, по речкам же Зулзе и Нерче, по речкам Куенге, Курлычу и по лежащим между сими речками падям и отпадкам»⁸⁵ были объединены в Урульгинскую и Оловскую управы, расположенные на северо-западе и северо-востоке от Агинской степи. Лежащая по правобережью Онона Тургинская степь совместно с бурятами осваивалась тунгусами Шундуинской управы⁸⁶. В восточном и юго-восточном направлении от Тургинской степи «...по реке Борзе-ононской в разных отпадках... и по речке Газимуру с вершины до самого устья по обоим сторонам между заводскими крестьянами»⁸⁷ находились земли Маньковской управы. «Тунгусы ведомства Онгоцонской инородной управы кочуют рассеяно: вверх по реке Онону от Акшинского до Алтанского урочищ, в разных урочищах, впадающих с левой стороны в реку Онон»⁸⁸. Ниже по Онону, примыкая с юга к Агинской степи, располагалась Кужертаевская управа. Такое размещение коренного населения сохранилось на протяжении всего XIX в.⁸⁹.

Сведения о численности тунгусов и бурят за этот период, как правило, не единовременны, что затрудняет их сопоставление. Нуждаются в существенном уточнении и сами данные. В связи с этим представленная таблица с большей точностью отражает численное соотношение эвенков и бурят на территории Даурии, нежели их абсолютную численность. Согласно приведенным цифрам, в Даурии уже в первой трети XIX в. бурятское население численно превысило тунгусское. В конце XIX в. зафиксировано значительное увеличение обеих этнических групп, но вместе с тем следует отметить, что рост численности эвенков, в отличие от бурят, далеко не стабилен, а сложившееся к этому времени соотношение еще больше изменилось в сторону преобладания бурят.

Таблица 2*

Численность населения Степных дум Нерчинского округа

Ведомство	Численность населения				
	1829	1831	1850	1858	1897
	мужчин				
Агинская степная					

дума (буряты)	-	7997	-	12 384	18 943	19 030
Урульгинская степная дума (эвенки)	5800	5579	6265		11 950	12 365
по управам:						
Урульгинская	528	464	485		1500	1606
Оловская	1012	903	1590		3453	3603
Шундуинская	797	814	796		1546	1636
Маньковская	1499	1481	1477		3032	3028
Кужертаевская	1172	1164	1164		1180	1164
Онгоцонская	792	753	753		1189	1237

* Таблица составлена по материалам: Летописи хоринских бурят. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 31, 90; ГАЧО, ф. 55, оп. 1, д. 36, лл. 2, 4, 4об, 5, 7, 15об., 16. оп.2, д.42, л. 169; оп. 3, д. 57, лл. 8, 8 об.; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. — СПб., 1912. — Т. 3. — С. 565—571.

В XX в. каких-либо значительных перемещений коренного населения в Даурии не происходило, не отмечено здесь также событий, которые могли бы вызвать резкое сокращение численности жителей этих мест. Однако эвенкийское население «внезапно исчезло». В начале XX в. из общего числа конных тунгусов лишь три группы продолжали именовать себя тунгусами и говорили на родном языке: маньковские (в верховьях реки Газимур), борзинские (на реке Борзе, притоке Аргуни) — обе группы жили на территории бывшей Маньковской родовой управы — и джидинские, бывшие кучидские или еравненские (в южной части современного Баунтовского района Бурятии)⁹⁰.

В 1958 г., во время поездки по Забайкалью этнографа В.А.Туголукова, коренное население, жившее на территории бывшей Урульгинской степной думы, называло себя либо бурятами, либо русскими и практически ничем от них не отличалось. Лишь небольшие группы в Шилкинском (бывшая Оловская управа), Борзинском (бывшая Маньковская управа), Кыринском (бывшая Онгоцонская управа) районах Читинской области продолжали называть себя тунгусами, но и они не помнили эвенкийского языка⁹¹.

Аналогичные наблюдения были сделаны автором в 1976, 1978, 1979 гг. в Читинском и Карымском районах Читинской области (бывшая Урульгинская управа), Дульдургинском районе Агинского Бурятского автономного округа (бывшая Кужертаевская управа).

«Исчезновение» эвенков нашло отражение и в материалах переписей 1926 г., а затем и 1970 г. (Для большей наглядности эти данные при-

ведены в сводной таблице, включающей сведения о численности эвенков и бурят в предшествующие периоды).

Сведения о численности и размещении русского, бурятского и эвенкийского населения Юго-Восточного Забайкалья показывают значительные изменения в численном и территориальном соотношении этих этнических компонентов в данном регионе в различные исторические периоды.

К моменту проникновения сюда первых русских землепроходцев эвенки занимали северную Даурию, южная была освоена монголами и монголизированными «онкотскими» группами. Расселение эвенков уже тогда не было сплошным; они подразделялись на отдельные территориальные группы. Такой характер их расселения, по-видимому, был обусловлен потребностями и возможностями экстенсивного скотоводческо-охотничьего хозяйства, находящегося в очень большой зависимости от экологических условий.

Таблица 3*

**Изменение численности русского, бурятского
и эвенкийского населения на территории
Нерчинской Даурии в XVII–XX в.**

	1689	1762	1831	1897	1926	1970
	всего		душ м.п.	всего		
Русские	-	3233 душ м.п.	-	53310	28017 5	-
Буряты	6300	11490	7997	37973	35859	33117
	Всех хоринцев яс.пл.		только агинская группа			
Эвенки	8050	4456 яс.пл.	5568	24315	3124	177

* Таблица составлена по материалам: Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1928. – Т. 6. – С. 358; Там же. Т. 7. – С. 132; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – М., 1973. – Т. 4. – С. 128; С.М.Троицкий, В.М.Кабузан. Новые источники по истории Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Советская этнография. – М., 1966. – № 3. – С. 42–43.

Хозяйственное – аграрное и промышленное – освоение Забайкалья русскими вызвало известное сокращение пригодных для ведения традиционного хозяйства территорий и дальнейшее их дробление. Привле-

чение в начале XVIII в. эвенков к охране границы и размещение их на пограничных караулах также приводило к рассредоточению эвенкийского населения и образованию новых территориальных обособленных групп.

Буряты-хоринцы во второй половине XVII в. — 30-х годах XVIII в. не стали еще постоянным населением Даурии. Их присутствие здесь было вызвано перекочевками из Западного Забайкалья в Монголию и обратно.

Таким образом, несмотря на значительное сокращение занимаемой ранее территории, до середины XVIII в. эвенки оставались преобладающим элементом в коренном населении Нерчинской Даурии.

Но уже к началу XIX в. положение здесь существенно изменилось. К этому времени хозяйственное освоение хоринцами центральных степных районов Даурии было, в основном, завершено, при этом бурятское население представляло собой группу, отделившуюся от основной массы хоринцев и территориально, и административно. По месту своего обитания в Агинской степи эта группа бурят-хоринцев получила название агинской. Расположение земельных угодий Агинской степной думы в центральной части Юго-Восточного Забайкалья в окружении тунгусских родовых управ (из шести управ Урульгинской степной думы Агинская дума граничила с четырьмя) способствовало закреплению территориальной разобщенности эвенкийских угодий, а следовательно, и населения.

Начало XIX в. было одновременно важным этапом в заселении Восточного Забайкалья русскими. Активизация аграрного освоения края привела к непосредственному контакту хозяйственных угодий русского и коренного населения. В начале XX в. в результате административных преобразований, уничтоживших прежние сословные разграничения на «крестьян» и «инородцев», территориальная «чересполосица» русского и коренного населения усилилась, способствуя дальнейшей активизации хозяйственно-культурных контактов между ними.

Сложившееся положение создавало условия для межэтнических взаимодействий и взаимовлияний, приведших к сближению и, в конечном итоге, слиянию к началу XX в. части нерчинских тунгусов с бурятским, части — с русским населением края.

Примечания

1. Покшишевский В. Заселение Сибири. — Иркутск, 1951. — С.139; Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.) // Русское население Сибири и Средней Азии. М., 1969. — С.107.
2. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. — М.-Л., 1960. — Вып. 1. XVII век. — С.22—23; Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. — М., 1969. — С.5.
3. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.7.
4. Дополнения к Актам Историческим (далее ДАИ...). — СПб., 1849. — Т.3. — № 112. — С.390, 396.
5. Изгачев В.Г. Читинское плотбище в XVII в. // Уч. зап. Читинского гос. пед. ин-та им.Н.Г.Чернышевского. Чита, 1966. — Вып.10^а. — С.58, 60; История Сибири в 5 т. — Л., 1968. — Т.2. — С.52—53.
6. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.8; Левашов В.С. К истории Забайкальского казачества // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. — Вып. 1. — С.71.
7. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.22.
8. Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н.Спафария в 1675 г. — СПб., 1822. — С.140.
9. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.112.
10. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.23; Левашов В.С. К истории Забайкальского казачества. С.72; Леонтьева Г.А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII — начале XVIII в. Нерчинский уезд // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. — Вып. 2. — С.47, 49, 51.
11. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.116, 159, 187.
12. История Сибири. — Т.2. — С.54; Левашов В.С. К истории Забайкальского казачества. С.71.
13. Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. — М., 1958. — С.9, 10.
14. Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. // Русские старожилы Сибири. М., 1973. — С.27.
15. Александров В.А. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.) // История СССР. М., 1968. — № 2. — С.61.
16. Изгачев В.Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVIII в. // Уч. зап. Читинского гос. пед. ин-та им.Н.Г.Чернышевского. Чита, 1963. — Вып. 9. — С.66—75.
17. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.21; Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. — СПб., 1887. — С.28; Левашов В.С. К истории Забайкальского казачества. С.73.
18. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.21.
19. Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. — СПб., 1898. — Вып.5. — Прил. № 26. — С.23—24; № 28—29. — С.26—28; № 32. — С.31—32, 54.

20. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. — М.-Л., 1956. — С.195—199.
21. Изгачев В.Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVII в. С.69; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. С.216—217.
22. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. С.22; Его же. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. С.20.
23. Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. С.21; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. С.199, 205.
24. Александров В.А. Там же. С.23; Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. — С.201, 203.
25. Волков Ю.А. О некоторых исторических предпосылках развития хозяйства и формирования населения Читинской области // Проблемы краеведения. Чита, 1970. — Вып. 4. — С.71.
26. Жидков Г.П. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае и в Забайкалье (до реформы 1681 г.) // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. — С.322.
27. Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. С.46.
28. «Узаконения, по коим и на коих основаниях издавна поселены в Нерчинском краю приписанные к заводам крестьяне» (1810 г.; РГИА, ф.468, д.513, лл.27—30) включает ряд указов, не касающихся непосредственно Нерчинского округа, но имевших целью, прежде всего, увеличение численности нерчинских приписных: 1729 — закон о ссылке в Сибирь бродячих и беглых (ПСЗРИ. Собр.1. СПб., 1830. — Т.8. — № 5441); с 1754 — закон о замене смертной казни ссылкой навечно (Там же. Т.14. — № 10 306); Указы 1760-х годов о ссылке в Сибирь на поселение помещичьих крестьян в «зачет рекрутов» (Там же. Т.16. — № 12 075, 12 272).
29. Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. С.48.
30. Жидков Г.П. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения... С.323.
31. Жидков Г.П. Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX в. // Забайкальский краеведческий сборник. Чита, 1969. — Вып. 3. — С.92.
32. Материалы комиссии ... Вып. 5. — С.60; Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества: (вторая четверть XVIII — первая половина XIX в.) / Вост.-Сиб. гос. технол. ун.-т. — Улан-Удэ, 2003. — С.45—49.
33. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья... С.108.
34. Там же. С.142.
35. Там же. С.108.
36. Кремнев А.М. Читинская область. — Чита, 1955. — С.60.
37. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья ... С.109.
38. ПСЗРИ. — СПб., 1830. — Собрание I. — Т.25. — № 19 157; Т.29. — № 22 189.
39. Залкинд Е.М. Из истории крестьянской колонизации Забайкалья в XVIII — начале XIX в. // Тр. БК НИИ БФ СО АН СССР. Улан-Удэ. 1962. — Вып.10. — С.76.
40. Материалы комиссии ... Вып.5. — С.128.
41. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья ... С.118.
42. Материалы комиссии ... Вып.5. — С.127.

43. Жидков Г.П. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения... С.325.
44. Словцов П.А. О числе поселенцев, водворенных за Байкалом // Казанские известия. 1816. — № 86. — С.399.
45. Жидков Г.П. Особенности земледелия и сельскохозяйственного освоения... С.326.
46. Жидков Г.П. Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX в. С.94—95.
47. Жидков Г.П. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения... С.332.
48. Лебедева А.А. Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX в. // Русские старожилы Сибири. М., 1973. — С.56.
49. Ленин В.И. Еще о переселенческом деле. — Полн. собр. соч. — Т.23. — С.153.
50. Лебедева А.А. Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX в. С.66—67.
- * Даурия — понятие не только географическое, но и историческое. В XVII в. так называли обширную территорию, лежащую за Байкалом и в верховьях Амура (Советская историческая энциклопедия. — М., 1963. — Т.4. — С.1023). По мере освоения этих земель даурские границы уточнялись: так появилась Даурия Байкальская (от оз. Байкал до Яблонового хр.), Селенгинская (южная часть Байкальской Даурии), Нерчинская (к востоку от Яблонового хр.) (Большая советская энциклопедия. — М., 1972. — Т.7. — С.562). Именно за этой последней, точнее за южной ее частью, название Даурия сохранялось до настоящего времени. По современному административному делению эта территория приблизительно соответствует центральному и юго-восточным районам Читинской области.
51. Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. — Чита, 1973. — С.33; Историко-культурный атлас Бурятии. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. — С.91.
52. Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // Вестник древней истории. 1938. — № 1—2; Его же. Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (далее КСИИМК), 1941. — № 9; Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — М., 1958; Василевич Г.М. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров // Краткие сообщения Института этнографии (далее КСИЭ). М., 1958. — Т.27.
53. Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. — М., 1975. — С.7—20.
54. Окладников А.П. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура // Материалы и исследования по археологии (далее МИА). № 86. — М.-Л., 1960. — С.9; История Сибири в 5 т. — Л., 1968. — Т.1. — С.196—206; Историко-культурный атлас Бурятии. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. — С.91.
55. История Сибири в 5 т. — Т.1. — С.213; Кириллов И.И., Рижский М.И. Ук. соч. С.89; Окладников А.П., Деревянков А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток, 1973. — С.283; Народы байкальского региона: Древность и современность. — Новосибирск, 2002. — 91 с.
56. Г.Н.Румянцев, в частности, основываясь на отписке 1641 г. ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова о приисках служилыми людьми новых земель по рекам Витиму и прочим и о слухах про инородцев, обитающих по Шилке и на границе с Китайским государством, определяет места расселения дауров в Восточном Забайкалье

- следующим образом: «...на реке Карге, притоке Витима, жил даурский князец Батога. Дауры жили и дальше на восток, в районе Нерчинска, по рекам Ингоде, Шилке, Онону и по реке Ур» (Румянцев Н.Г. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1962. — С.215). Такой же точки зрения еще раньше придерживался В.И.Огородников (Огородников В.И.Туземское и русское земледелие на Амуре в XVII в. — Владивосток, 1927. — С.12).
57. Долгих Б.О. Племена и роды коренного населения Забайкалья и южного Прибайкалья в XVII в. // КСИЭ. М., 1952. — Т.17. — С.31.
 58. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С.334. — Труды Института этнографии (далее ТИЭ). — Т.LV.
 59. Там же. С.350.
 60. Там же. С.339.
 61. Токарев С.А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Записки Бурят-Монгольского государственного НИИ языка, литературы, истории. Улан-Удэ, 1939. — Вып.1. — С.123.
 62. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С.350.
 63. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. С.227.
 64. Там же. С.227—230.
 65. Токарев С.А. Расселение бурятских племен в XVII в. С.118.
 66. Там же. С.119.
 67. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. С.327—328.
 68. Там же. С.330.
 69. Там же. С.329.
 70. Там же. С.350.
 71. Там же. С.330.
 72. Летописи хоринских бурят. — М.-Л., 1940. — С.88. — Труды Института востоковедения. — Т.XXXIII.
 73. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С.327.
 74. Летописи хоринских бурят. С.88.
 75. История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ, 1954. — Т.1. — С.122.
 76. Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII—XX вв.) — Улан-Удэ, 1973. — С.37—39.
 77. Там же. С.38.
 78. Александров В.А. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.) // История СССР. 1968. — № 2. — С.54.
 79. Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области — С.60; Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества: (вторая четверть XVIII — первая половина XIX в.) — С.107—109.
 80. Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII—XX вв.) — С.39.
 81. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. — В.-Удинск, 1926. — С.80.
 82. Кабузан В.М., Троицкий С.М. . Новые источники по истории Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Советская этнография. М., 1966. — № 3. — С.30—31.

83. Летописи хоринских бурят. С.89.
84. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. С.230.
85. Государственный архив Читинской области (Далее ГАЧО), ф.55, оп.1, д.36, лл.4–4об.
- ...
86. Кударинцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. — М.-Л., 1940. — С.148.
87. ГАЧО, ф.55, оп.1, д.35, л.5.
88. Там же, л.2.
89. Разумов Н.И. Забайкалье. — СПб., 1899. — Приложение 1. Карта земель Агинской и Урульгинской степных дум; Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. — СПб., 1906. — Т.1. — С.117–127; Сафьянников М.А. Материалы по устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края (Инородцы Читинского округа). // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. СПб., 1899. — Т.1. — Вып.1. — С.15–16.
90. Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов. Шанхай, 1929 г. Пер. с англ. Рукопись. Архив ИЭ. Колл.2, оп.1, д.164, п.1, л.155. Цит. по: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. — С.86.
91. Туголуков В.А. Конные тунгусы // Этногенез и этническая история народов Севера. С.87.

Глава 2

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Рассматриваемый период – XVIII – начало XX в. – был временем глубокой и многосторонней перестройки как социальной структуры общества нерчинских эвенков, так и традиционных форм их социальной организации. В основе этого длительного и сложного процесса лежало социально-экономическое развитие данной группы, определявшееся с середины XVII в. присоединением ее к Российскому государству. Вместе с тем, конкретные формы его протекания, особенно на ранних этапах, в значительной степени были обусловлены целенаправленной правительственной политикой по включению нерчинских эвенков с их традиционными институтами в уже сложившуюся политико-административную систему социальной структуры более высокого порядка – Российского государства, находившегося на стадии позднефеодального, а затем и капиталистического развития.

В таком ракурсе взаимоотношения данной группы с русской администрацией, а затем и организация ее управления выступает в качестве одного из направлений интегрирования этнических и социальных общностей различного уровня в рамках единой государственности. С этой точки зрения представляется целесообразным рассмотреть общее взаимодействие указанных структур, прежде чем перейти к развернутой, в значительной степени историко-культурной, характеристике хозяйственной и бытовой сфер жизнедеятельности нерчинских эвенков.

2.1. Государственно-административная организация управления нерчинскими эвенками

Взаимоотношения Российского государства с нерчинскими эвенками, как и другими представителями коренного населения Сибири, в значительной степени были обусловлены крайней заинтересованностью русской администрации в получении ценной пушнины, что в дальнейшем во много определило и характер управления сибирскими народами.

Ясачные сборы, как отмечалось в литературе, не были русским нововведением; царское правительство заимствовало их из сложившейся ранее местной практики¹. Плата ясака предусматривалась шертями (присягами) князцов, относившимися к XVII в. и рассматривалась обеими сторонами как признание Российского подданства². Князцы подчинялись воеводам уездов — основной территориально-административной единицы. Уездное деление Сибири опиралось на систему русских военно-административных центров и крестьянских поселений, учитывая, вместе с тем, и родоплеменную организацию коренного населения края.

Сибирский уезд делился на русские «присудки» (слобода или острог с прилегающими деревнями) и на ясачные волости. Воевода управлял уездом через аппарат съезжей (приказной) избы, приказчиков слобод (острожков) и родоплеменную знать ясачного населения³.

Сохранив и используя в Сибири существовавшее до прихода русских ясачное обложение, царская администрация использовала и традиционные формы внутреннего управления коренных народов, стремясь при этом опереться на местную знать путем освобождения ее от уплаты ясака и оставления за ней всех старых привилегий. Во внутреннее устройство ясачных волостей правительство не вмешивалось, и их управление строилось на основе обычного права⁴.

Вместе с тем, помимо фискальных интересов казны, на ясачную политику правительства в Сибири и характер управления коренными народами оказывали влияние и другие многочисленные факторы общероссийского и местного значения, что наглядно отразилось во взаимоотношениях, складывавшихся между русской администрацией и расселявшимися в пограничных районах родами нерчинских эвенков.

В русское подданство часть нерчинских тунгусов — тунгусы князя Гантимура — вступили сразу же, как только в Приамурье появились русские правительственные войска, и начали платить ясак с 1651 г.⁵. В 1650-х годах маньчжурские войска, по словам Гантимура, пользуясь

численным превосходством, угнали его людей. Вслед за ними откочевал в маньчжурские пределы в район Науна и он сам. Возможно, что откочевка была вызвана также боязнью попасть в район военных действий между вторгнувшимися на Амур маньчжурскими отрядами и русскими войсками. Маньчжурские власти пытались использовать Гантимура для упрочения своего влияния над угнанным населением, пожаловали его ежегодным денежным жалованием и в какой-то степени сохранили за ним владельческие права; в русских документах указывалось, что он служил «богдойскому царю четвертым боярином» (т.е. обладал в служилой маньчжурской иерархии четвертым чином)⁶.

На известия об активизации русского заселения берегов Амура в 1660-х годах и основании Албазина, правительство императора Канси реагировало враждебно. Как и в 1650-х годах, при принятии амурским населением русского подданства, оно решило действовать военным путем, причем прежде всего использовать силы местного населения. Оно приказало Гантимуру начать военные действия на Амуре против русских. Однако Гантимур уклонился от выполнения этого приказа и при первом же удобном случае в 1667 г. со всем своим родом вернулся в русские пределы⁷.

Сведения о взимании ясака с тунгусских родов отрывочны. Известно, что в 1669 г. ононские ясачные тунгусы разных родов отказались платить ясак. Когда же к ним на Онон были отправлены ясачные сборщики, те заявили, что дадут ясак только с разрешения соседних монгольских тайшей, а «без приказа» последних будто бы платить ясак не смеют, ибо «их Мунгальская земля многолюдна, а великих государей служилых ратных людей в Нерчинских острогах мало и оборонить нас от мунгал некем»⁸. Через четыре месяца сборщики ясака вновь были посланы к ононским тунгусам, но те, не ссылаясь уже на этот раз на сильных соседей, не только отказали в ясаке, но даже хотели их перебить.

В 1670—1680 гг. тунгусы, кочевавшие по реке Аргуни и подчиненные ясачному ведомству Нерчинского острога, по словам приказчика, стали жить «самовольно и безстрашно, государеву указу чиниться непослушны и шерть свою позабыли». Непослушники стали платить ясак «по своей воле», вместо соборей давали «лошаденками худыми или рогатым скотишкой мелким и то не со всего своего рода, которые в окладных ясачных книгах имена написаны»⁹. Не довольствуясь этим, они постоянно угрожали ясачным сборщикам, не веля к себе ездить за ясаком. В

1681 г. с тунгусов Намясинского рода, живших по реке Аргуни, собирался оклад по три соболя с человека¹⁰.

После того, как тунгусы чемчагиры и онкоты, находившиеся в монгольском подданстве, приняли участие в осаде Нерчинска, «князец» Гантимур, чтобы подтвердить свою лояльность, в июне 1684 г. со своим старшим сыном Катанаем выразил желание креститься. Их крещение и поверстание в службу имело очень большое значение, так как окончательно лишало оснований притязания на них маньчжурского двора. Старик Гантимур (в крещении Петр) не выдержал трудного пути и умер в Нарыне. Его сын Катанай (Павел) благополучно был доставлен в Москву, где его наградили дорогим оружием и одеждой и с подарками для 12 братьев и 9 сыновей в марте 1685 г. отправили назад. Русское правительство придавало настолько большое значение Гантимуру, что сохранило за ним и его потомками княжеский титул и записало их в состав российского дворянства по наиболее привилегированному «московскому» списку. Это был единственный случай официального включения представителей родоплеменной верхушки народов Сибири в состав дворянства России¹¹. Кроме того, указами 1681 и 1695 гг. было предписано: «А впредь никому и воеводам тех тунгусов без нашего великих государей указу не казнить и не вешать, а ясачным сборщикам наказание не чинить»¹².

Политика центрального правительства в управлении коренными народами Сибири сохранила свои специфические особенности и в XVIII в. Правительственные документы этого периода, так или иначе касавшиеся сибирских народов, были, главным образом, связаны с урегулированием порядка взимания ясачных сборов.

В 1728 г. посольской канцелярией графа Саввы Рагузинского была подготовлена инструкция пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву для управления приграничным населением Забайкалья, бурятами и тунгусами. Согласно этому документу, некоторым родам было официально разрешено вносить ясак через своих представителей без въезда в их волости ясачных сборщиков¹³.

В 1733 г. Указом императрицы Анны «высочайшая милость и признание» были объявлены князям и прочим ясачным Якутского ведомства и на Камчатке. Манифестом от 20 июля 1748 г. сообщалось об отправлении в Сибирь для расследований местных вопросов, в том числе и ясачных платежей, «сыщиков» — полковника Вульфа со штаб-офицерами. Однако положения указов проводились в жизнь непоследовательно¹⁴.

В Нерчинском крае с 1762 г. сбор ясака с ононских и шилкинских эвенков был передан эвенкийскому родоначальнику П.Ганти-мурову, занимавшему также должность начальника Нерчинского участка границы. К Павлу Гантимурову были определены в помощники: Андрей Гантимуров, осуществлявший сбор ясака с Дулигагирского, Баягирского и Улятского эвенкийских родов; Иван Гантимуров, собиравший ясак с бурят и эвенков Еравнинского и Телембинского острогов; Павел Гантимуров (младший), назначенный ясачным сборщиком с инородцев на территории, прилегающей к Аргунскому острогу. Князь Иван Андреевич Гантимуров с 1757 г. ведал сбором ясака с Подгородных ясачных эвенков¹⁵.

В 1763 г. императрицей Екатериной в Сибирь была послана комиссия секунд-майора Щербачева для расследования злоупотреблений местных властей и установления наилучших способов взимания ясака¹⁶. Первая ясачная комиссия (1763—1769) внесла важные изменения в ясачное обложение и порядок сбора ясака. Она ввела групповой (породовой) принцип ясачного обложения, отменила аманатство и институт ясачных сборщиков из служилых людей, возложив функцию последних на родоплеменную верхушку ясачного населения¹⁷.

При проведении обследования коренного населения Восточного Забайкалья ясачной комиссией в 1763 г. «...Нерчинского ведомства тунгусских родов зайсаны и прочие старшины обязались ясак платить на избранных вновь двух цугланов. Кочующие от города Нерчинска в западной стороне вверх по Ингоде при князь Гантимуровой деревне, называемом Урульгинским Цугланом. Кочующие от города Нерчинска к восточной стороне при Курлыченском цуглане...»¹⁸.

Сугланы, как особо назначенные места для сбора ясака и пункты товарообмена, были известны и у других народов Сибири: хантов, якутов, бурят. Помимо этого назначения сугланы имели еще одно, касавшееся вопросов внутреннего управления. Так, у ближайших соседей нерчинских тунгусов, бурят, во время родовых съездов для уплаты ясака производились суд и расправа, на основании обычая решались все важнейшие дела по управлению¹⁹.

Официальное санкционирование этого традиционного института явилось наглядным подтверждением того, что в области внутреннего управления коренным населением в XVIII в. не произошло никаких принципиальных изменений.

Ясачные волости возглавлялись шуленгами — представителями родовой знати, система титулов и званий которой у нерчинских эвенков

была аналогична восточно-бурятской (тайши, зайсаны, шуленги, даруги, засулы). Они избирались ясачными и утверждались воеводами. Права и обязанности их напоминали права и обязанности мирских приказчиков²⁰ — сбор податей (в данном случае ясака), вынесение решений по всем мелким хозяйственным, административным и судебным делам. После передачи сбора ясака в руки князцов и зайсанов помощниками шуленг стали выборные сборщики ясака из состава коренного населения²¹.

Ясачная реформа 60-х годов XVIII в. не изменила принципа управления коренных народов Сибири, усилив лишь роль верхушки аборигенов. Расширение судебно-административных прав родовых старшин и передача в их руки сбора ясака теснее связали их с русской администрацией, превратив в верную опору колониальной политики русского самодержавия, которое использовало верхушку аборигенов в качестве бесплатного придатка бюрократического аппарата²².

Вместе с тем следует отметить, что после учреждения сугланых мест для нерчинских тунгусов были предприняты и другие шаги для усиления над ними административного контроля. В Указе 1779 г. из Нерчинского комиссарства старшинам Баягирского, Дулигарского, Чипчинутского и Намятского родов предписывалось «и при том цугланном месте определено вам стоять в близости и вдаль раскочевки не иметь, да и род с родом не смешивать...»²³.

Кроме того, помимо официального санкционирования традиционных институтов внутреннего управления коренного населения к XVIII в. относятся первые попытки включения в эту систему новых элементов, носивших на первых порах, вероятно, чисто номинальный характер.

С 1751 г., судя по имеющимся документам, была учреждена занимавшаяся представителем семьи Гантимуровых должность начальника эвенкийских родов²⁴. Однако в это время нерчинские тунгусы, по всей вероятности, не рассматривались еще как какое-либо целостное административное образование. Косвенным свидетельством этого является порядок проведения третьей ревизии (1762 г.), согласно которому тунгусские роды или даже раздельно кочевавшие части родов учитывались только по территориальному признаку: по уездам или ближайшим к местам их расселения острогам.

В конце XVIII в. у других народов Сибири, в частности, у бурят, для управления ими были образованы родовые конторы, составленные из зайсанов, под председательством главного тайши и подчиненные земскому суду²⁵.

Введение общих оснований для управления коренным населением Сибири и унификация его организационных форм относится к первой четверти XIX в. Большая подготовительная работа была завершена разработкой «Устава об управлении инородцев Сибири», принятого в 1822 г. Коренное население Сибири было подразделено на разряды оседлых, кочевых и бродячих.

По Уставу 1822 г. конные нерчинские тунгусы были отнесены к разряду «кочевых инородцев». Сословие «кочевых инородцев» юридически приравнялось к крестьянам, но имело особое родовое управление с выборными должностными лицами.

Каждое стойбище или улус «кочевых инородцев», состоявшее не менее чем из 15 семей, имело особое «родовое управление». Власть в родовом управлении осуществлялась «выборным старостой» и одним-двумя помощниками «из почетных родовичей». «В зависимости от местных условий» звание старосты могло передаваться по наследству, причем «только лицам мужского пола». При учреждении Урульгинской степной думы у нерчинских тунгусов было образовано 34 родовых управления в соответствии с образованием 34 административных родов. Каждое из родовых управлений, таким образом, соответствовало роду, насчитывавшему от 155 до 600 человек и состоявшему, обычно, из нескольких кочевых групп.

Средним звеном родового управления была инородная управа, объединявшая несколько родовых управлений. Урульгинская дума состояла из шести управ: Урульгинской, Оловской, Маньковской, Шундунинской, Кужертаевской и Онгоцонской, каждая из которых включала несколько родов. Должностными лицами управы были голова, два выборных и письмоводитель. Должности были выборными, относительно головы имелась оговорка, что он мог получить эту должность по наследству «при существовании такого обычая».

Головы инородных управ входили вместе с заседателями в Степную думу, возглавлявшуюся «главным родоначальником», должность которого занималась одним из представителей семьи Гантимуровых. Главный родоначальник вступал в свою должность после утверждения его генерал-губернатором.

Степная дума понималась как «общественное», т.е. представительное собрание. На деле же ее функции ограничивались «народоисчислением» (демографической статистикой), раскладкой сборов и повинностей, «распространением земледелия и промыслов». К собственно «об-

шественным» функциям думы относилось лишь «ходатайство перед высшим начальством о нуждах родовичей».

Политика администрации в вопросе перемещения населения из рода в род не была последовательной. В 1824 г. Комитет по делам инородцев разрешил свободный переход при условии наличия уважительных причин и согласия заинтересованных сторон на увольнение и прием. В связи с обсуждением проекта свода степных законов в 1837 г. этот вопрос опять обсуждался, а в 1838 г. генерал-губернатор Восточной Сибири запретил переходы. Позднее, в 1858 г. Совет Главного управления Восточной Сибири составил Правила для перечисления, утвержденные Сибирским комитетом²⁶.

Вплоть до 80-х годов XIX в. в Сибири действовало изданное в 1822 г. «Учреждение для управления Сибирских губерний». Согласно реорганизации, проведенной в 80-х годах, губернии и области делились на округа. Во главе окружных управлений стояли исправники и их помощники. Округ разделялся на участки, которыми заведовали земские заседатели. Они наблюдали за волостными и сельскими управами. В 1890-х годах земских заседателей сменили приставы. В 1897 г. учреждены должности крестьянских начальников; они соответствовали земским начальникам, действовавшим в европейской России²⁷.

В конце XIX в. в Забайкалье началось проведение работ по землеустройству. В 1896 г. в столице было учреждено особое Совещание по этому вопросу под председательством сенатора Куломзина. Высочайшим повелением от 27 октября 1897 г. Совещанию поручалось одновременно рассмотреть вопрос и о будущем административном устройстве забайкальских «инородцев». В 1900 г. Совещание подготовило «Главные основания поземельного устройства населения Забайкальской области», а 23 апреля 1901 г. было утверждено Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области».

В 1902–1904 гг. среди коренного населения Забайкалья была проведена административная реформа, согласно которой Степные думы и инородные управы заменялись органами волостного управления, устроенными по русскому типу²⁸.

Прежние административные единицы, устроенные по родовому принципу, заменялись непосредственно территориальными, санкционируя полную отмену прежних «родовых отношений». Вновь учреж-

денные волостные и сельские правления находились под надзором «крестьянских и инородческих» начальников.

Реформа проводилась одновременно с землеустройством, направленным к изъятию земель у инородцев, еще раз подтверждая, таким образом, ленинское замечание: «Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»²⁹.

Включение группы нерчинских эвенков в политико-административную систему Российского государства представляло собой, как мы видели, целый ряд последовательно сменявшихся управленческо-организационных форм, от характеризовавшихся традиционностью и некоторой «автономностью» (ясачные волости, административные роды, степные думы) до полностью унифицированных с волостями и сельскими обществами русского крестьянства края.

2.2. Административный род

На протяжении рассматриваемого периода низовыми административными звеньями у нерчинских эвенков были родовые управления, каждое из которых ведало родом. Формирование административных родов началось еще до учреждения в 1822 г. Урульгинской степной думы.

Так, в третью ревизию (1762 г.) тремя группами был учтен Почегорский род — в Доронинском, Нерчинском и Баргузинском уездах; Луникирский — в тех же уездах, Баликагирский — две группы на территории Баргузинского уезда (одна из них близ Еравнинского острога) и в Нерчинском остроге. Таким же образом размещались части Баягирского рода. По две группы было в составе Шунинского, Сартоцкого, Долотского, Вакасылского родов³⁰. В 1770 г. в Нерчинскую воеводскую канцелярию поступил указ из Канцелярии правления пограничных дел, согласно которому было «...велено всем братским и тунгусским родам кочевье иметь при своих родах и на определенных им местах в другие ведомства далее 30 верст от родов не откочевывать»³¹.

Выполнение указа, как показывают материалы последующих ревизий, было достигнуто не за счет ликвидации уже сложившейся практики раздельного кочевания частей ряда родов, но за счет фактического наделения каждой из них статусом административного рода, компактность которого предоставляла большие удобства для осуществления над ним фискально-административного контроля со стороны властей уезда

или острога его приписки. Появление «номерных» родов одного названия в материалах IV (1783) и последующих ревизий явилось, вероятно, отражением начавшегося процесса формирования административных родов, составивших низовое административное звено социальной организации нерчинских эвенков на протяжении всего XIX — начала XX в.

По данным IV (1783) ревизии у нерчинских эвенков было три Почегорских, Луникирских, Шунинских рода, по два — Баликагарских и Сортоцких рода. Помимо территории кочевания каждого из них указывалась их принадлежность к Урульгинскому либо Курлыченскому сугланам. В первый из них входили роды, расселявшиеся в Нерчинском уезде: Дулигатский, Улятский, Почегорский, Увакасийский, первый Луникирский (Келтегирский), Чимчагирский, Кунцелютский, Баликагирский, Намятский, Намясинский, Долотский, Челкагирский, первый Сартоцкий, Гуновский (Гуновский с Тупчинским), Узоновский Инозейский (Узоновской Козенской) роды. К Урульгинскому суглану относились также кочующие в Баргузинском уезде близ Еравнинского острога третий Почегорский, третий Луникирский, третий Шунинский, второй Баликагирский, Тавангутский, Желтоцкий роды. В Курлыченский суглан входили Дулигарский, Баягирский, Чемчелойский (вероятно, Чепчинутский — Т.Уварова), Дуликагирский, Дуларский, еще один Баягирский, Намясинский, Конурский, Долотский роды Баргузинского уезда. Для тунгусских родов Доронинского уезда, живших близ Телембинского уезда: второго Почегорского, Луникирского, Краинского, второго Шунинского, Баягирского, Казеиского, Мунгальского, Сортоцкого — принадлежность у суглану не указана³².

В промежутке между IV (1783) и V (1815) ревизиями родовой состав Курлыченского суглана оставался неизменным. К V ревизии в суглане было учтено три Дулигарских рода и выделившиеся из первого Дулиганского рода отдельные десятки Суханова и Домаева. Баягирский род также разделился на первый и второй³³.

В состав Урульгинского суглана в 1815 г. также входили номерные роды: по два Улятских, Келтегирских, Баликагирских, Челкагирских, Мунгальских. Помимо этого в данных V ревизии у нерчинских эвенков впервые упоминаются Телембинский и Яравненский роды, сформированные из кочевавших в районе Телембинского и Яравнинского острогов тунгусских групп из различных родов³⁴.

С учреждением у нерчинских эвенков в соответствии с Уставом об управлении инородцев (1822) Урульгинской степной думы роды были

объединены в шесть управ, родовой состав которых по данным 1829 г. оказался следующим: Урульгинская родовая управа: Перводулигарский, Княже-Дулигатский, Домуев, Келтегирский, Мунгальский, Телембинский, Яравнинский; Оловская родовая управа: Перводулигарский, Второбаягирский, Келтегирский, Почегорский, Узонский; Маньковская родовая управа: Перводулигарский, Втородулигарский, Дуларский, Первобаягирский, Второбаягирский, Чипчинутский, Намятский, Конурский, Долоцкий; Шундуинская родовая управа: Улятский, Намятский, Челкагирский, Желтоцкий, Долотский; Кужертаевская родовая управа: Узонский, Тукчинский, Балакагирский, Гуновский, Чимчагирский; Онгоцонская родовая управа: Вакасийский, Луникирский, Сартоцкий³⁵.

Хотя номерные названия сохранились только за двумя родами, Дулигарским и Баягирским, фактически шесть родов оказались разделенными. Перводулигарский род вошел в состав Урульгинской, Оловской и Маньковской управ; Второбаягирский — в состав Оловской и Маньковской, Келтегирский — в Урульгинскую и Оловскую, Узонский — в Оловскую и Кужертаевскую, Намятский и Долотский — в Маньковскую и Шундуинскую управы.

Изменения в родовом составе управ в первой половине XIX в. были незначительными: с 1839 г. нет сведений о Желтоцком роде, включенном, вероятно, в состав какого-либо из более крупных административных родов. В 1870-х годах в состав Оловской управы были включены получившие статус административных родов Нироновское, Мальцевское и Сухановское общества оседлых тунгусов³⁶.

Более поздние изменения родового состава управ были связаны не с формированием новых родовых единиц, а с перемещением родов из одной управы в другую.

Формирование административных родов происходило на протяжении почти столетия: с 70-х годов XVIII в. по 70-е годы XIX в. Этот процесс осуществлялся в различных формах, основными из которых были разделение и объединение традиционных генеалогических общностей и их частей. Аналогичные явления были свойственны и «естественному» развитию родов у коренного населения Забайкалья. Раздел рода, совершавшийся без какого-либо давления русской администрации и сопровождавшийся, кроме того, определенной обрядностью, свидетельствовавшей о традиционности этих действий, известен у бурят³⁷.

Таким же обычным и неизбежным в условиях ведения кочевого хозяйства было присоединение мелких родовых групп к более крупным ро-

дам с постепенным включением в их генеалогию. Вероятно, так произошло ко времени образования Урульгинской степной думы с Шунинским, Вакасильским, Кайзойским родами, последний из которых в списках конца XVIII в. постоянно числился вместе с Тукчинским родом³⁸.

Появление «номерных» родов и наделение статусом отдельного рода его частей, вошедших в разные управы, не имело ничего принципиально отличного от уже известных явлений в развитии традиционных генеалогических общностей.

В большей степени с новыми социальными условиями, в частности, с включением в сословную систему Российского государства (пожалование дворянства) было связано выделение из Дулигатского рода в особый — Князе-Дулигатский — семьи Гантимуровых, представители которой практически наследственно занимали должность главы тунгусской Урульгинской степной думы.

По своему составу сформированные таким образом административные роды были в основе своей однородны. Гораздо более смешанным составом характеризовались административные роды, возникшие в результате объединения различных родовых групп, кочевавших в непосредственном соседстве. Чисто «географический» характер таких образований зафиксирован и в их названиях: Яравненский и Телембинский роды. Вероятно, еще более дробными были Мальцевский, Нироновский и Сухановский административные роды, преобразованные из земледельческих обществ перешедших к оседлости и принявших крещение нерчинских эвенков из всех родов.

Таким образом, большая часть административных родов была сформирована на основе какой-либо одной из традиционных генеалогических общностей — родов или их частей.

Во второй половине XIX в. изменения родового состава управ были связаны с перемещением родов и, главным образом, отдельных их членов из одной управы в другую. Согласно переписи 1897 г., Чемчагирский род числился к концу XIX в. в Кужертаевской, а не Онгоцонской, как прежде, управе; Почегорский переместился из Оловской в Урульгинскую (данные по родовому составу управ Урульгинской степной думы приведены в конце раздела). Основную массу населения в каждой из управ составляли члены родов, вошедших в них при образовании Урульгинской степной думы. В наибольшей степени это было характерно для Оловской, Маньковской и Шундуинской управ. Здесь было зафиксировано и наивысшее число людей, не показавших своей родовой принад-

лежности. Такие лица отмечены и в Урульгинской управе, но совершенно отсутствуют в управах, сохранивших кочевой уклад — Кужертаевской и Онгоцонской. Вместе с тем, в трех последних управах родовой состав стал к концу XIX в. более разнообразным за счет своего рода взаимообмена между этими управами представителями различных родов, входивших в них со времени образования Урульгинской думы.

Однако данные конца XIX в. по родовому составу управ далеко не полно отразили картину реальных перемещений населения из-за получившей широкое распространение практики перечислений из рода в род, способствовавшей дроблению генеалогических родов и ослаблявшей преемственность состава между ними и административными родами³⁹.

Перечисления из рода в род осуществлялись внутри управ, как например, при переводе в 1887 г. «инородческого малолетка» Почегорского рода Якова Петрова Павлова в Мунгальский род в семейство усыновившего его Владимира Яковлева Гантимурова⁴⁰. Возможны были перечисления и из управы в управу, в частности из Намятского рода Шундуинской управы в Дулигатско-Домуевский Урульгинской⁴¹. Более того, такие переходы осуществлялись даже из ведомства в ведомство. К 1876 г. относится докладная записка начальнику нерчинских тунгусских родов князю Гантимурову «...с просьбой выдать приемное свидетельство через кое следует, так как прежде было принято же 55 душ, теперь желает перечислиться 45 душ мужского пола с семейством». На нее был дан ответ, «что на принятие означенных докладной запиской Хоринских инородцев... препятствий нет». В 1881 г. в Телембинский род Урульгинской управы перечислились несколько семей из Хорганатского рода Цугольской управы Агинского ведомства⁴².

В 1885 г. инородцы Баргузинской степной думы ходатайствовали о перечислении их «в числе 80 душ м.п. и 76 душ ж.п. в разные ведомства Урульгинской думы»⁴³.

Перечисления были как семейными, так и групповыми. Обычно инициатива исходила от переходившей группы и была связана с ее хозяйственными потребностями. Несколько необычный характер, по сравнению с другими перечислениями, носило возникшее в 1854 г. дело об отчислении инородцев Дулигатского рода Урульгинской управы. Обстоятельства его были таковы:

«1854 г. декабря 13 дня мы нижеподписавшиеся быв сего числа на общем сходе имели совещание в следующем: во-первых, что по 9 народной ревизии считается в роду нашем 142 души мужского пола и из этого

числа мы более 80-ти душ постоянно и наследственно находимся жительством в селениях и улусах состоящих в окрестностях означенной инородной управы, а прочие родовичи наши 53 ревизские души при 21 работнике, Борзинским десятком наименованные, находятся жительством почти все в ведомстве Маньковской инородной управы, а именно в селении Кондуйском.

Между тем как в нашем родовом управлении старостою постоянно ежегодно как равно и при Инородной управе членом через один год, а ныне через одно трехлетие по три года служат всегда уже не среди нас, из того Борзинского десятка, хотя избираем, но только по одному человеку головой или выборным в инородную управу, и то через 10 и более лет, а в родовые старосты никогда не избираем, тогда как по числу душ должно было избирать и оных в общественные должности судя по прежнему порядку по крайней мере на два года по одному человеку. Таковое снисхождение оказываем мы собственно из уважения того только, что они проживают как от нас, так равно и от инородной управы нашей на весьма дальнем расстоянии, ибо отнесение ими общественных должностей судя по числу душ поочередно с нами будет для них очень затруднительно по случаю отдаленности мест жительства, но для нас отнесение за них подобных должностей весьма обременительно и сопряжено с безповоротными убытками, во-вторых, что они за удаленностью жительства следующие с них подати и повинности платят в каждый раз несвоевременно и допускают недоимку, через что родовой староста нередко вынужден был ехать в особенности в конце года или позаимствовать от частных людей деньги или от собственности своей с понесением убытков пополнять часто таковые недоимки и, наконец, в-третьих, что хотя прежде сего многократно мы убеждали их, чтобы просили начальство о перечислении их куда пожелают, но они не соглашались на то, а по какой причине неизвестно, то по сим обстоятельствам вынужденными найдясь, мы покорнейше просим начальство... о перечислении их по местности в ведомство Маньковской инородной управы, переход которых для самих их, так равно и для нас будет совершенно удобно»⁴⁴.

В качестве причины отчисления из Дулигатского рода одной из его административных групп выдвигается обременительность выполнения должностных обязанностей.

Система родового управления в Урульгинской степной думе имела некоторые незначительные особенности по сравнению с предусмотренной Указом 1822 г. об управлении инородцев, как видно из датированного

1854 г. дела об избрании в общественные должности: «1854 года июня 20 дня мы нижеподписавшиеся Забайкальской области Нерчинского округа ведомства Урульгинской степной думы, состоящие в управлении того же наименования инородной управы шести родов от обществ доверенные, быв сего числа в означенной выше инородной управе, на общем сходе учинили сей приговор, в том, что на место служащих в оной инородной управе головы Афонасия Абрамова; выборных: Тунгуса Каракубунова, Семена Золотухина и в родовых управлениях старост родов: Телембинского Шагдура Наранова, Яравнинского Бурула Хувитуева, Дулигатского Наждона Очирова, Келтегирского Николая Степанова, Мунгальского Афонасия Макавеева, Дулигарско-Домуева Александра Щукина избрали мы из среды себя на трехлетие, то есть с 1855 по 1858 год как то: в головы Дулигатского рода Ивана Беломестнова от роду 35 лет, вероисповедания православного, в выборные: Келтегирского рода Андрея Лиханова 49 лет, вероисповедания православного, и Яравнинского рода Хувитуя Шагдурова 43 лет, вероисповедания шаманского; родовыми старостами: в роде Телембинском ныне служащего Шагдура Наранова, 43 лет, вероисповедания ламского, Яравнинском ныне служащего Бурула Хувитуева, 39, вероисповедания шаманского, Дулигатского Марху Абидаева 22 лет, вероисповедания ламского, Келтегирского Ивана Забелина, 31 год, вероисповедания православного, Мунгальского Константина Михайлова, 47 лет, вероисповедания православного, Дулигатско-Домуева Багдарона Серенова, 24 лет, вероисповедания ламского, которые поведения хорошего под судом и в штрафах не бывали и ныне такому не подлежат, наград никогда и ни за что не получали; от избираемых же должностей они никаких отзывать не имеют, и означенные должности сносить они могут в надлежащей исправности, а противу чаяния нашего, если кто-либо из них окажется похитителем в собираемых с нас и обществ наших денег в ясак, повинности и прочие платежи, или казенного и партикулярного имущества, хранящегося на нашей ответственности, если же по каким-либо случаям будет ими потрачено, то в таком разе обязуемся пополнить без всякого предисловия, если на то не будет доставать у них собственности, а самих похитителей предадим к законному суду»⁴⁵.

Таким образом, в Урульгинской думе родовой староста избирался в целом роде, а не поселке или «стойбище», а инородная управа объединяла несколько родов. Вероисповедание не являлось препятствием для избрания в должностные лица, по возрасту — от 22 до 49 лет — они не вхо-

дили в почетную в традиционных генеалогических общностях группу старейшин. Как следует из приведенного документа, сородичи воспринимали должностную систему думы как организацию, ведающую внутренними делами, сбором податей, распределением повинностей.

Вместе с тем, у коренного населения края сохранились представления и о действительных родах. «Родом у монголов, бурятов, тунгусов разумеется какое-либо одно племя, колено, фамилия, в обширном смысле, происходящая от одного известного имени праотца, жившего за несколько веков, и потому в некоторых многолюдных племенах считается уже по несколько тысяч душ налицо, и каждый от него происшедший человек, прозывается одною и тою же фамилией, прибавляемой к его собственному имени и имени его родного отца. Сие коренное правило между бурятами, тунгусами и монголами не подвергается никакому изменению: ни по перемещению и ни по приписке к другому племени или обществу, ведомству.

Первые из бурятов и монголов, поддавшиеся России, не переписывались из одного племени в другое, или говоря по употреблению Русских из рода в род, потому что считали это не натуральным, противным самой природе поступком. И тогда племя, колено называлось по-монгольски обók или ясу-кость. Но когда Россиянами небольшие Монгольские и Бурятские племена были соединены в одно общество, для удобства в управлении их, тогда оное слово обók было переименовано бурятами на слово отók, что означает уже станицу, становище, стан, наслег, как сие слово употребляется и поныне у якутов.

Когда Российское управление подало повод кочевым перемещаться из одного племени в другое, новоприписанные принимали название того рода, в который вступали; но своей родней почитали истинные роды по мужской линии и непрерывно навсегда»⁴⁶.

Принадлежность к той или иной традиционной генеалогической общности сохраняла свое значение на протяжении XIX в. в сфере семейно-брачных отношений. В первую очередь это было соблюдение родовой экзогамии.

Обычным правом нерчинских эвенков родовая принадлежность учитывалась при регламентации таких ситуаций как, например, положение вдовы. Сородичам мужа предоставлялось преимущественное право на брак с нею (хотя принуждать ее к такому браку уже не могли); вопрос о выходе ее замуж в чужой род рассматривался старшинами рода мужа⁴⁷.

Родовые начала сохранялись еще в одной сфере жизни кочевых тунгусов — отправлении религиозных культов, а также обрядности, в том числе и семейной. Центральным обрядовым действием свадьбы было поклонение невесты старшим родственникам, очагу и онгонам — изображениям духов-покровителей — семьи мужа, а, следовательно, и его рода. Однако включение женщины в религиозную жизнь нового коллектива было далеко не полным. Это отразилось в полном отстранении ее от обрядов изготовления и кормления родовых онгонов, неучастии в родовых тайлаганах. Тайлаганы, как особый вид отправления религиозного культа, в наибольшей степени сохраняли свой родовой характер.

Некоторые необходимые качества истинного рода, глубоко укоренившиеся в традиционных представлениях, как, например, наличие родового шамана и родового святилища (обб) были, вероятно, перенесены на административный род, судя по совпадению в управах числа родов с числом шаманов и обб.

Култ обб вместе с тем имел уже не только родовой или межродовой, но и территориальный характер, как следует из его описания начала XIX в. «Обон-купа, по произношению монголов обб. Делается из стоящих слег и прутьев, конусообразная куча внутри пустая. Поставляется обыкновенно на вершущке круглой горы или холма. В июне месяце, когда немного поправится скот от подножного корму, собираются тут окрестные кочевые жители с съестными своими припасами и молочным их вином. Причем, сперва отправив богослужение свое духам хранителям страны, и потом пируют и отправляют игры борьбою, стрельбою из луков и скачкою на беговых лошадях с торжественным провозглашением победителей. Один околосок, на 10 или 30 верст распространяющийся и состоящий из нескольких сотен юрт на летних их стойбищах, имеет свой обб, и ежегодно собираясь к оному буряты, тунгусы и монголы делают при нем годовой свой праздник, как початок лета с новым возрождением природы, возвращающий им земные блага»⁴⁸.

Таблица 4

Родовой состав и численность эвенков Урульгинской степной думы (по родовым управам) в XIX в.

	1829 г. ⁴⁹	1897 г. ⁵⁰
1	2	3

Урульгинская управа:		
Теленбинский	109	177
Мунгальский	102	504
Княжедулигатский	97	80
Яравнинский	77	346
Килтегирский	43	235
Дулигатский-Домуев	36	-
Домо-Дулигатский	-	198
Почегорский	-	569

Продолжение табл. 4

1	2	3
Домуевский	-	45
Дулигатский	-	516
Дулигарский	-	29
Сартутский	-	10
Вакасийский	-	6
Узонский	-	5
Гуновский	-	4
Улятский	-	3
Челкагирский	-	2
Не показан род	-	141
Потомственные дворяне Гантимуровы	-	266
	464	3136
Оловская управа:		
Первудулигарский	350	1632
Почегорский	219	82
Второбаягирский	184	431
Узонский	81	776
Килтегирский	89	623
Мальцевский	-	1089
Нироновский	-	224
Сухановский	-	872
Первобаягирский	-	56
Не показан род	-	252
	903	7037

Маньковская управа:		
Первобаягирский	104	377
Второбаягирский	256	1411
Первудулигарский	290	1130
Втородулигарский	148	250
Намятский	245	771
Чимчинутский	196	613
Конурский	114	551
Дуларский	86	321

Продолжение табл. 4

1	2	3
Долоцкий	42	161
Челкагирский	-	6
Уляцкий	-	4
Не показан род	-	455
	1481	6050
Шундуинская управа:		
Улятский	369	666
Намяцкий	206	178
Челкагирский	181	499
Долотский	58	72
Дулигатский	-	50
Яравнинский	-	5
Не показан род	-	1712
	814	3182
Кужертаевская управа:		
Узонский	577	1375
Гуновский	241	343
Тукчинский	224	310
Баликагирский	78	48
Чимчагирский	44	-
Гучитский	-	154
Сартутский	-	20
Сартольский	-	15
Луникерский	-	14
Дулигатский	-	10

Потомственные дворяне Гантимуровы	-	45
	1164	2334
Онгоцонская управа:		
Сартоцкий	436	-
Сартутский	-	794
Сартольский	-	390
Луникирский	251	476
Вакасийский	66	471

Продолжение табл. 4

1	2	3
Чимчагитский	-	146
Гучитский	-	51
Узонский	-	42
Тукчинский	-	7
Яравненский	-	2
Не показан род	-	1
	753	2378
Итого:	5579	24 117

2.3. Соседские и территориальные связи

Структура социальной организации нерчинских эвенков в XIX в. не исчерпывалась учрежденными у них ведомствами-думами, состоявшими из управ и административных родов, которые, будучи в первую очередь административно-фискальными единицами, не могли выполнять целого ряда важнейших для населения экономических и социальных функций: производственных, хозяйственных, бытовых.

Две последние из них были тесно связаны и осуществлялись в основном в рамках такой устойчиво сохранявшейся на протяжении всего рассматриваемого периода социальной общности, как кочевая группа. В конце XVIII – начале XIX в. она в некоторых случаях совпадала с большесемейной общиной (ее хозяйственно-бытовой уклад рассмотрен ниже). Единство большесемейного улуса подчеркивалось определенной планировкой: старший из семейства занимал «переднюю стоящую к полудню юрту», перед которой устанавливалась коновязь.

Однако к середине XIX в. поселения кочевых тунгусов утрачивают не только «односемейный», но и однородовой характер. Уже в 40-х годах отмечалось, что в Забайкалье «инородцы одного племени кочуют не отдельно по родам, а смешанно, так что в одном и том же улусе проживают инородцы разных наименований»⁵¹. Отчасти это отразилось и на внешнем облике традиционных поселений. В это время «правильности в расположении юрт в тунгусских улусах нет никакой; инородец ставит юрту свою там, где кажется удобнее»⁵².

В конце XIX в. по сравнению с началом улусы увеличились от 2–10 (наибольшее количество) юрт до 10–15 (в среднем), а максимальная величина их в летнее время достигала 25–40⁵³.

Улусы тунгусской Урульгинской степной думы в конце XIX в. редко менялись в своем составе и в этом отношении мало отличались от оседлых населенных мест. Большой «неопределенностью» (изменения в составе и численности) характеризовались улусы тунгусских Онгоцонской и Кужертаевской управ и бурятской Улдургинской.

К концу XIX в. при значительных различиях в численности и составе кочевая группа или улус по-прежнему характеризовался совместным выпасом скота, принадлежавшего входившим в него семьям, коллективным выполнением наиболее трудоемких хозяйственных работ. Таким образом, кочевая группа сохраняла свою роль основной хозяйственно-производственной ячейки, претерпев, вместе с тем, коренные изменения во внутренних связях, которые были уже не узкосемейными, а родственно-групповыми, а затем и соседскими.

На протяжении всего XIX в. каждая из входивших в кочевую улус семей располагала обычно постоянными зимниками и летниками. Однако кочевые группы не были замкнутыми, а также совершенно обособленными в отношении землепользования единицами, они входили в состав более крупных социальных единиц, характеризовавшихся совместным использованием постоянных угодий, прежде всего пастбищ.

Еще при образовании Урульгинской степной думы и даже раньше, при учреждении сугланов и формировании первых административных родов были, как уже упоминалось, предприняты попытки закрепить каждый из родов на определенной территории, в некоторых случаях — на «породных землях» генеалогических родов⁵⁴.

Однако к концу XIX в. границы территорий административных родов, как правило, не совпадали с многочисленными и разнообразными образованиями общинного типа, сформировавшимися к этому времени.

В 1897 г. в Забайкалье было проведено обследование, центральную задачу которого «должно было... составить выяснение распределения населения области (отдельных селений) по фактическим земельным общинам, то есть группам домохозяев, объединенных общностью пользования известной частью территории, с установлением, для возможно большего числа таких групп размеров их землепользования; при этом должны быть изучены в главных чертах, и существующие в общинах земельные распоряжки и вообще, относящиеся к землепользованию нормы обычного права»⁵⁵. В связи с этим первой задачей стало выяснение распределения населения по населенным пунктам.

В «Объяснениях к спискам населенных мест и дач» отмечалось, что ввиду «неопределенности» хотонов или улусов у кочевников невозможно было пользоваться разделением населения на эти единицы и в основу деления его был положен «булук» (часть, участок); деление на булуки было принято в двух самых обширных степных думях края — Хоринской и Агинской. «Под “булуком” разумеется известная часть территории ведомства, проживающее на которой население связано между собою отбыванием подворной повинности или междубулучной гоньбы: для равномерного, более или менее, распределения этой последней между всем населением ведомства и установлено думами деление на булуки»⁵⁶.

Важнейшим признаком булука является именно связь его населения с определенной территорией, хотя отмечается, что в некоторых случаях, как, например, в годы недорода трав или недостатка «ветоши» (в зимы с глубоким снегом) временные выкочевки за пределы булука — явление довольно частое. «Связь выкочевавшего члена с булуком при этом не порывается, так как он не освобождается от обязанностей, налагаемых на него постоянным проживанием среди известного контингента лиц. Выкочевки из пределов одного булука в пределы другого “навсегда”, т.е. полная перемена места постоянного жительства... случается немногим чаще переходов крестьян из одних сельских обществ в другие, причем сопровождается такая перемена совершенно теми же, как и у крестьян, последствиями по отношению к правам и обязанностям, так как переселившееся лицо непременно теряет их в прежнем месте жительства и приобретает в новом»⁵⁷.

Часто булук представлял собой объединение не только по отбыванию подворной повинности, но и, например, «по городьбе поскотины, когда население его совместно огораживает свои покосы и распределяет

между собою участие в городьбе. Иногда булук пользуется совместно всеми или частью покосов, находящихся на его территории, и регулирует при помощи булучного схода это пользование; в этом случае булук — уже покосная община»⁵⁸. У хоринских и агинских бурят булуки обычно состояли из нескольких таких покосных общин.

Исследование, проведенное несколько лет спустя, в 1900 г., подтвердило, что «данные 1897 г. представляются безусловно верными и инородцы действительно, разгруппированы по территории ведомств в отдельные хозяйственные единицы, имеющие свои определенные угодья, за пределы которых население этих единиц выходит, при своих кочевках, лишь в исключительных обстоятельствах, как-то: неурожаи трав, мало-снежные зимы и т.п.»⁵⁹. Кроме того, обследование подтвердило также, что «взаимосвязь» населения с определенной территорией могла осуществляться в крайне разнообразных формах.

Булуки в управах Урульгинской степной думы отличались от бурятских. Наибольшее сходство с ними обнаружилось в бурятской Улдургинской и тунгусских Онгоцонской и Кужертаевской управах, хотя часто булуки совпадали здесь с улусами.

Относительно других управ Урульгинского ведомства отмечалось, что улусы или хотоны здесь редко менялись в своем составе и в связи с этим мало отличались от оседлых населенных мест. Для булуков этих управ было характерным, когда кочевое население группировалось около селений практически оседлых инородцев. Часто и оседлые, и кочевники входили в состав одного и того же булука. Кочевники могли составлять и самостоятельные общины, обычно не только покосные, но вообще земельные⁶⁰.

Землевладение булуков, т.е. распределение между ними земельных участков-дач, отличалось большим разнообразием. На территории Онгоцонской управы было две дачи, одна из которых находилась в пользовании оседлого населения, другая — в совместном пользовании 12 одноулусных булуков⁶¹.

В Кужертаевской управе картина распределения дач между булуками и поселками была значительно сложнее. Один из участков был в «единственном пользовании» крещеных тунгусов села Новотулутаевского и деревни Хариостай. Еще одна дача находилась в общем пользовании булуков: Гуновского, Хусутуевского, Зуткулеевского, Чиндалейского, Адагулицкого, Кужертаевского. Четыре участка находились

в общем пользовании Улан-Загантаевского, Тулутаевского, Жипкошинского, Акшинского булуков⁶².

Из четырех булуков Шундуинской управы один состоял из поселения деревень Шундуи и Шивии, в общем пользовании которых находилась одна из дач. Три остальных булука были смешанными, включая как поселки оседлого населения, так и улусы кочевого. В Большой Соктуевский булук входило четыре села и пять улусов; булук пользовался отдельной дачей. Еще одна дача находилась в пользовании Каракасарского булука; он состоял из трех селений и такого же количества улусов. Хара-Быркинский улус занимал три дачи: одна осваивалась всем булуком, включавшим селение и пять улусов. Вторым земельным участком пользовались только кочевые улусы; третьим — они же, но совместно с двумя булуками бурят Агинского ведомства⁶³.

Из 18 населенных пунктов Урульгинской управы восемь представляли собой кочевые улусы; десять — оседлые поселения. На территории управы в результате обследования было выявлено 19 участков-дач. Четыре улуса пользовались отдельными дачами; два участка использовались двумя улусами каждый. Среди оседлых поселений дачи были распределены следующим образом: одна находилась в пользовании трех селений, в совместном пользовании селений Урульга и Княже-Поселье находилось еще пять дач. Остальные пять населенных пунктов владели отдельными дачами, причем селу Карымскому принадлежало два участка⁶⁴.

В Маньковской управе 14 отдельных земельных участков были распределены между 14 селениями и девятью одноулусными булуками следующим образом: два находились в «единственном пользовании тунгусов селения Усть-Начинского; две дачи числились за селением Засуланским (одна из них использовалась совместно с бурятскими булуками). Отдельными участками пользовались по два селения и улуса, пять дач использовались двумя населенными пунктами каждая, одна была общей для четырех селений и семи улусов⁶⁵.

Из 27 населенных пунктов Оловской управы лишь два представляли собой кочевые улусы. Один из них составлял булук, пользовавшийся отдельной земельной дачей, второй входил в состав булука, включавшего, помимо его, и оседлое население. Как правило, каждый из населенных пунктов управы пользовался отдельным земельным участком. Только две дачи находились в общем пользовании двух селений каждая, а одна — пяти⁶⁶.

Булуки обычно не представляли собой полностью обособившиеся территориальные единицы и прежде всего по отношению к таким экстенсивно используемым угодьям, как выгон и лес. Относительно Урульгинской управы было, например, выявлено, что тунгусы «полюбовно разделили между общинами доставшиеся им покосы, все же остальные покосы и угодья остались в общем пользовании всех тунгусов»⁶⁷. Такой же характер имело землевладение булуков в Маньковской управе; в Онгонской управе 12 булуков, составив в отношении покосов каждый отдельную общину, «прочими угодьями пользуются сообща, причем в этом отношении пределы их пользования регулируются лишь расстоянием и естественными условиями местности»⁶⁸.

Кужертаевская управа распадалась на ряд булуков, в которых общность пользования угодьями, в принципе признаваемая, совершенно исчезла по отношению к покосам и совершенно не проявлялась по отношению к другим угодьям. На практике члены покосной общины пользовались и выгоном, и лесом по преимуществу в районе расположения своих покосов, неподалеку от которых группировались и летние юрты тунгусов данного булука. «На деле выходит, как отмечали участники обследования 1897 г., что вся земельная площадь Кужертаевской управы, как бы поделена на несколько участков, находящихся в пользовании того или иного булука, причем тунгусы одного и того же рода по большей части группируются в одном каком-нибудь определенном районе дачи, образуя несколько смежных булуков»⁶⁹.

Попутно необходимо отметить, что по данным местного исследования 1897 г. из 405 булуков, выявленных на территории Забайкалья, лишь 74 (18,3%) из них, включавшие 5137 (16,9%) хозяйств, характеризовались однородным составом⁷⁰. Как показывают эти данные, в основе формирования булуков лежали не родовые, а, прежде всего, хозяйственно-территориальные связи.

В Оловской управе каждое из 27 входивших в ее состав селений представляло собой «совершенно обособленную общину», и только в отношении выгонов пользование было совместным для небольших групп соседних селений⁷¹. В конце XIX в. общины Оловской управы находились еще в стадии обособления: в 1895 г. по взаимному соглашению окончательно разделились между собой селения Зюльзинское и Зюльзи-канское, составлявшие до того времени одну покосную общину; в то же время разделились и деревня Мильгидунская с выселками Кумакандой, также составлявшие прежде покосную общину⁷².

Активно протекавший в Забайкалье в конце XIX в. процесс дробления сложных общин выразился в том, что «полная общность владения сохранялась в большинстве инородческих ведомств только по отношению к пастбищам; сенокосами и пахотными землями кочевые инородцы владеют уже на совершенно других основаниях: ведомства почти везде уже успели раздробиться на множество пахотных и покосных общин»⁷³.

Покосная община определялась «пользованием покосами в определенном месте, а равно и единством покосных распоряжков, городьбы покотины и булучного старосты»⁷⁴. Распределение покосов между членами такой общины обычно происходило следующим образом: «все лица, согласившиеся пользоваться в одном месте или в смежных падах сенокосами, решают, кому какое количество сажень покотины следует городить, а потом уже делят покосы приблизительно пропорционально количеству принятой каждым на себя городьбы. Пропорционально — потому, что тот, кто городил большее число сажень, получает и больший покос; приблизительно потому, что строгой пропорциональности между размерами городимой части покотины и величиною покосного участка нет, по мнению кочевников, каждый имеет право косить травы «столько, сколько ему нужно», городить же «каждый должен по своему состоянию». Связь хозяев с занимаемыми ими покосными участками, по-видимому, еще довольно непрочна ибо при неурожае трав на известной площади сенокосения все косят там, где трава родилась хорошо, каждый пропорционально своей потребности, которая определяется членами всей покотины»⁷⁵, т.е. булучным сугланом.

Роль булучного суглана в распределении покосов во многом зависит от местных условий. Так, в булуке Кутугайском Маньковской управы (состоявшем из селения Кутугай и улуса Бильчир) «косят хотя и вольно, но перед сенокосом собирается суглан, которому каждый и указывает, где он будет косить; так как покосов довольно, то споров не бывает»⁷⁶.

Булуки Гуруханский Маньковской управы обычно косит вольно по пади Гурухан, но в неурожайные годы он с соседним булуком Мыгнэнно-Озерским, имеющим покосы впади Озерной, соединяется для косьбы сена в одной какой-либо из названных падей или даже в обеих, причем вся пригодная для сенокосения площадь делится между домохозяевами обоих булуков или по числу их самих, или по числу рабочих душ⁷⁷.

Все покосы булука Адагулицкого Кужертаевской управы находятся в общей валовой покотине и состоят в захватно-наследственном

пользовании. Величине покосного участка соответствует размер городьбы покотины.

В булуке Нижне-Кыренском Онгоцонской управы все покосы огорожены и состоят в захватном пользовании. Беспокосные неоднократно жаловались булучному суглану, и он отводил им пустопорожние участки. Одному из не имевших покоса был отведен участок укочевавшего на сторону, бросившего исправлять покотину хозяина, но вернувшись через два года, он занял свой прежний участок, причем суглан стал на его сторону⁷⁸.

Помимо суглана, служившего для решения и рассмотрения внутренних хозяйственных вопросов в булуках, каждый из них обычно имел своего «доверенного», обязанного выяснять и защищать перед Степной думой интересы представляемого им булука. Дума собирает сугланы из доверенных от групп инородцев, проживающих в разных пунктах всей территории ведомства, выслушивает их и принятые этим незаконным сугланом решения санкционирует в виде собственных постановлений. Местные власти, в виду необходимости, признают этот порядок и для известных категорий дел прямо предписывают созывать суглан доверенных⁷⁹.

Количество приведенных примеров может быть значительно увеличено, однако и приведенные, как наиболее типичные, убедительно свидетельствуют о ведущей роли в рассмотренных образованиях общинного типа — булуках — хозяйственных по своему функциональному назначению, территориальных по форме и соседских по социальному содержанию связей.

Примечания

1. Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI—XVII вв. // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Серия общ. наук. — 1965. — Вып. 3. — С. 82.
2. История Сибири в 5-ти тт. — Т. 2. — С. 310.
3. Там же. С. 128.
4. Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления... С. 87; Степанов И.И. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. — М., 1973. — С.20.
5. Копылов А.Н., Мясников В.С. Рец. на кн. Яковлевой П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. // История СССР. — 1959. — № 4. — С. 179.
6. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. — С. 14—15.

7. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. — С. 50.
8. Дополнение к актам историческим (далее: ДАИ). — Т.6. — № 15.
9. ДАИ. — Т. 8. — № 101.
10. Там же.
11. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. — С. 125.
12. Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. — Л., 1936. — С. 246. Цит. по: Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена. — С. 119.
13. Прутченко С. Сибирские окраины. — СПб., 1899. — Приложение. — С. 176.
14. Полное собрание законов Российской империи (Далее: ПСЗРИ). — Т. 9. — № 6407; Там же. — Т. 12. — № 9519.
15. Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества: (вторая четверть XVIII — первая половина XIX в.)— С. 105.
16. ПСЗРИ. — Т. 16. — № 11748.
17. Копылов А.Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Изв. Сиб. отд. АН СССР. — 1969. — № 1. Серия обществ. наук. — Вып. 1. — С. 59.
18. ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 7.
19. Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. — Иркутск, 1921. — С. 20.
20. 3-я областная реформа 1727–1728 гг. установила трехстепенное административно-территориальное деление — губерния—провинция—уезд, — просуществовавшее без значительных изменений до 80-х годов XVIII в. Основание пирамиды разветвленного аппарата управления в Сибири составляла сельская администрация. Волостную приказную избу возглавлял приказчик. До середины XVIII в. он назначался городовым воеводой. С ликвидацией десятинной пашни приказчик стал выборным — мирской приказчик. История Сибири. — Т. 2. — С. 305.
21. Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в 20–80-е гг. XVIII в. Автореф. дис. — Новосибирск, 1968. — С. 20.
22. Там же.
23. ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 7.
24. К этому году относится наиболее ранний документ специального фонда (300) Начальника эвенкийских родов в ГАЧО.
25. Прутченко С.М. Сибирские окраины. — С. 175.
26. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в. — С. 144, 145.
27. История Сибири. — Т.3. — С. 72.
28. История Сибири. — Т.3. — С. 107.
29. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. — Полн. собр. соч. — Т. 17. — С. 70.
30. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Сов. этнография. — М., 1966. — № 3. — С. 28.
31. ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 7.

32. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники... С.29; Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы. — СПб., 1790. — Ч. VI. — С. 323.
33. РГИА, ф. 1264, л. 249.
34. РГИА, ф. 1264, д. 265, лл. 249, 249об., 250.
35. ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 57, лл. 8, 8об.; ф. 29, д. 3, л. 34; ф. 55, оп. 1, д. 36, лл. 23–28.
36. ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 57, лл. 15–16.
37. Для обряда разделения родов (ясу-халахо — разделение костей) собираются старики и старшие в роде и назначают день торжественной церемонии, которая заключается в том, что на границе земли родов ломают надвое котел и лук. (Петри Б.Э. Элемент родовой связи у северных бурят. — Иркутск, 1924. — С. 2).
38. О тунгусах вообще. — С. 323.
39. На бурятском материал аналогичный процесс рассматривается в статье Асалханова И.М. Бурятский род в XIX в. // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1965. — Вып. 1. — С. 68–84.
40. ГАЧО, ф. 29, д. 278, л. 2, 3.
41. Там же, д. 274, л. 1.
42. ГАЧО, ф. 29, д. 198, л. 3.
43. Там же, д. 253, л. 2.
44. ГАЧО, ф. 29, д. 31, лл. 430, 436.
45. ГАЧО, ф. 29, д. 31, л. 396.
46. РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 285, лл. 417об.-418.
47. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. — Варшава, 1876. — С. 46.
48. РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 285, л. 410.
49. ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 57, лл. 8, 8об.
50. Патканов К.С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. — СПб., 1912. — Т. 3. — С. 578–582.
51. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. — С. 20.
52. Там же.
53. Материалы комиссии... Вып. 2. — С. 23.
54. Становление особой формы землепользования у кочевников, которая может быть названа родовой, рассматривается в исследовании Шахматова В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. — Алма-Ата, 1964. — С. 35–42.
55. Материалы комиссии... Вып. 1. — С. V.
56. Там же. С. 301.
57. Там же. С. 304.
58. Там же.
59. Петерсон Н. Возможность и условия поземельного устройства Забайкальских кочевых инородцев. — МПб., 1901. — С. VII.
60. Материалы комиссии... Вып. I. — С. 304.
61. Там же. — С. 239, 240.
62. Там же. — С. 230, 231.
63. Там же.

- 64. Там же. — С. 222.
- 65. Там же. — С. 232, 233.
- 66. Там же. — С. 224, 225.
- 67. Материалы комиссии ... Вып. 8. — С. 159.
- 68. Там же. — С. 174, 182.
- 69. Там же. — С. 104.
- 70. Материалы комиссии... Вып. 6. — С. 110.
- 71. Материалы комиссии... Вып. 8. — С. 165.
- 72. Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье. — Иркутск, 1900. — С. 87.
- 73. Материалы комиссии... Вып. 10. — С. 8.
- 74. Материалы комиссии... Вып. 8. — С. 71.
- 75. Материалы комиссии ... Вып.10. — С. 12.
- 76. Петерсон Н. Возможность и условия поземельного устройства... С. 23.
- 77. Петерсон Н. Указ. соч. — С. 24.
- 78. Там же. — С. 25.
- 79. Там же. — С. V, VI.

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВА НЕРЧИНСКИХ ЭВЕНКОВ

Важным признаком этнической общности любого уровня является характерная для нее этнокультурная специфика, иными словами, культура данного этноса, свойственная каждому этапу его исторического развития, а во временной протяженности отражающая происходящие в нем этнические процессы, обусловленные как внутренним его развитием, так и контактами с иноэтнической средой. Из всей совокупности элементов культуры в работе рассматриваются те, которые связаны с наиболее значимыми, повседневными сферами жизнедеятельности любой этнической общности — производственной и бытовой. В связи с этим в качестве одного из объектов исследования выбрана хозяйственная деятельность нерчинских эвенков, представлявшая собой основу как общественного производства в целом, так и домохозяйства каждой семьи.

На протяжении XVIII — начала XX в. хозяйственная деятельность коренного населения Восточного Забайкалья определялась изменением соотношения таких занятий, как издавна традиционные для этого региона скотоводство и охота, с одной стороны, и новое как для нерчинских эвенков, так и для агинских бурят земледелие — с другой.

Учитывая, что развитие последнего за рассматриваемый период отличалось большей динамичностью, а его распространение имело крайне значительные последствия для изменения этнокультурной специфики нерчинских эвенков в целом, целесообразно начать характеристику хозяйственной деятельности именно с земледелия, с точки зрения выявле-

ния его специфики у коренного населения (присущих ему агротехнических показателей, орудий труда); определения некоторых связей между распространением хлебопашества среди нерчинских эвенков с развитием земледелия русского крестьянства края; установления различий в темпах внедрения нового занятия в хозяйство территориальных групп нерчинских эвенков и связанных с этим изменений их бытового уклада.

3.1. Земледелие

Наиболее ранние сведения о земледелии у нерчинских эвенков относятся к концу XVIII в. Согласно источникам, новая форма хозяйственной деятельности в первую очередь начала распространяться среди тунгусов, принявших крещение, что было связано, конечно, не с изменением их религиозных воззрений, которые зачастую долго еще продолжали оставаться прежними, а с коренной ломкой традиционного уклада — переходом от кочевания к оседлости. Так, в 1772 г. купцом Кириллом Сухановым «построением нескольких домов крестьянских и помещением в них оных тунгусов» было основано первое селение крещеных тунгусов¹. Несколько позже возникли села Мальцевское и Нироновское. Первое из них получило название от фамилии сельского старосты, второе — «в память иркутского преосвященного Иннокентия Нироновского, который, будучи в Нерчинске, положил начало крещению здешних тунгусов»². Ко времени IV ревизии (1782) в Сухановской слободе, названной так в честь своего основателя, а впоследствии и священника, проживало 310 душ мужского пола оседлых тунгусов из разных родов, в Мальцевском и Нироновском селениях — соответственно 169 и 129 д.м.п.³.

Обращение в конце XVIII в. к земледелию отмечалось еще в одной группе тунгусского населения — среди казаков. Начало формированию казачества из коренного населения положил Указ правительствующего Сената от 17 октября 1760 г. Сибирскому губернатору Соимонову об образовании казачьего тунгусского пятисотенного полка из «нерчинских грамотных». Перемещения, вызванные необходимостью военной службы, лишили их возможности вести прежнее хозяйство, и в новых условиях лицами командного состава, в частности прапорщиком Разгильдеевым, были предприняты попытки распространить среди своих подчиненных хлебопашество. Источник, к сожалению, не позволяет судить об отношении к этой инициативе ее рядовых исполнителей⁴.

Основная же масса нерчинских тунгусов в 80-х годах XVIII в. земледелием еще не занимались. Отмечая некоторые успехи в распространении хлебопашества среди крещеных тунгусов, автор статьи «О тунгусах вообще», основываясь на своих личных наблюдениях, весьма категорично утверждал, что «...тунгусы (проживающие в Нерчинской области. — Т.У.) не имеют ни малейшего понятия о земледелии и употреблении огородных овощей, и сколько мне обитаемые ими места объезжать случалось, не заметил я ни малейших следов, чтоб и предки их в том искуснее своего потомства были»⁵.

Не располагая данными для проведения какого-либо количественного анализа процесса распространения земледелия среди нерчинских тунгусов в конце XVIII в., можно дать лишь описательную и в связи с этим весьма приблизительную характеристику эвенкийского хлебопашества того времени как ограниченного узкими рамками групп, имевших над собой постоянный контроль со стороны русской администрации в лице различных ее представителей — от священников до кадровых военных, — содействие которых распространению новой отрасли хозяйства зачастую могло перерасти в прямое принуждение без учета необходимых для занятия земледелием условий. Такая позиция активного внедрения земледелия в хозяйственный комплекс коренного населения не была следствием личной инициативы: она находилась в прямом соответствии с проводимой правительством политикой создания местной восточно-забайкальской базы производства хлеба, как указывалось в рапорте за 1796 г. главы сибирской администрации иркутского губернатора Л.Нагеля. Он сообщал, что «во исполнение высочайшего повеления о распространении хлебопашества за Байкалом он побуждал к этому занятию хоринцев ведения тайши Иринцева и тунгусов, подведомственных князю Гантимурову, снабдив их зерном на посев»⁶.

Начало освоения новой формы хозяйственной деятельности обеими этническими группами коренного населения Юго-Восточного Забайкалья нерчинскими эвенками и крайней восточной группой бурят-хоринцев — было почти одновременным. Так, первые опыты тунгусского земледелия, по всей вероятности, можно отнести к началу 70-х годов XVIII в., времени основания первых поселений; у хоринцев же начало хлебопашества датируется 1793 г.⁷.

В описаниях нерчинских тунгусов начала XIX в. (из архива I Сибирского комитета: записки «О состоянии промышленности и выгодах ясачных народов Иркутской губернии» 1821 г. и «О кочевых инородцах

восточной Сибири» 1825 г.) наряду с традиционными для нерчинских тунгусов ранее скотоводством и охотой называлось и земледелие, с той правда, оговоркой, что «производство хлебопашества у них незначительное» и «4528 душ возделывают только 812 с половиной десятин земли»⁸.

Очень важно при этом отметить, что судя по «Расписанию 1823 г. о разделении инородцев пяти уездов Иркутской губернии на разряды оседлых, кочевых и бродячих», оседлое население существовало уже в каждом из 30 тунгусских родов (за исключением четырех: Луникагирского, Гучитского, Желтоцкого и Яравнинского), а это значит, что земледелие в той или иной степени вошло в хозяйственный быт практически всех нерчинских тунгусов, что, в частности, подтверждается и «кодификацией» норм землепользования, связанных с хлебопашеством, в обычном праве этой этнической группы⁹.

Заметные успехи новой отрасли хозяйства в первые десятилетия XIX в. во многом, вероятно, были связаны с развитием земледельческого хозяйства русского крестьянства Забайкалья.

Возникнув и распространившись под влиянием русской деревни, хлебопашество у тунгусов с точки зрения его основных агротехнических характеристик совершенно не отличалось от этой отрасли крестьянского хозяйства; во всяком случае, в материалах авторов и исследователей XIX в. не выявлено таких особенностей тунгусского земледелия, которые могут быть связаны с проявлением каких-либо иных этнокультурных традиций.

В начале XIX в. основными возделываемыми злаковыми культурами в Восточном Забайкалье были ярица (яровая рожь) и пшеница. Система земледелия даже лучших, по мнению современников, хлебопашцев Нерчинского уезда — переселенцев с Кавказа и из Малороссии, основавших Николаевское и Александровское села Татуровской волости, — была примитивной залежно-переложной. Пашни считались неудобными и оставлялись в залежь уже на третий год обработки «из-за неумения истреблять диких трав и поправлять тошающие земли»¹⁰. Обработка почвы сводилась к одноразовому осеннему вспахиванию поля, которое весной при севе только боронили. При однородности приемов хозяйствования колебания в размерах запашки даже среди русского населения были очень велики. По подсчетам П.А.Словцова, примерная норма для 60% государственных или, как он называет их, земских, крестьян достигала всего одной четверти десятины на душу, тогда как некоторые хозяйства засеивали до 25—30 десятин¹¹.

В 40–50-х годах XIX в. интерес к местному земледелию значительно возрос в связи с практическими потребностями дальнейшего экономического освоения Дальнего Востока, для которого до создания собственной сельскохозяйственной базы эту роль должно было сыграть Забайкалье. В работах авторов того времени — Л.Львова, Н.С.Щукина — появились новые, гораздо более подробные сведения, позволяющие судить о дальнейшем, по сравнению с началом века, развитии рассматриваемой отрасли хозяйства.

Богаче стал набор возделываемых культур: к ярице и пшенице прибавились овес, ячмень, греча, которой, по наблюдениям Н.С.Щукина, «здешний крестьянин засеивает непременно четвертую часть своей пашни»¹².

Наиболее распространенным пахотным орудием была одноконная соха — «роголюха» с двумя сошниками. Уже упоминаемые крестьяне-переселенцы деревни Николаевской при пахоте пользовались более совершенным орудием — плугом-сабаном. В отличие от сохи, он был снабжен колесным передком, а несколько иное, чем в сохе, крепление одной из деталей — грядиля — позволяло регулировать глубину вспашки. В пограничных районах Нерчинского округа целинные земли обрабатывались плугом с одним лемехом, в который запрягали от четырех до восьми волов¹³.

Ни удобрение полей навозом, ни орошение их в середине XIX в. в Восточном Забайкалье, в отличие от Западного, еще не применялись¹⁴. Однако к этому времени относится начало распространения новых для этого региона более интенсивных способов обработки почвы — передвонного и кислого пара. Первое из этих понятий означает двухразовую вспашку участка в предшествующий севу сезон; второе — паровую обработку земли в течение двух лет¹⁵. В связи с этим пахоте отводилось все больше места в общем цикле сельскохозяйственных работ, который включал следующие операции:

Поле под озимый хлеб	Поле под яровой хлеб
с 20 мая пашут 1-й раз с 10 июня начинают боронить 1 раз с 10 июля пашут во 2-й раз	
1 августа сеют рожь и боронят 2-й раз по семенам	15 августа боронят 2-й раз и оставляют до следующей весны 20 апреля сеют и по семенам пашут 3-й раз,

	после чего 3-й раз боронят
15 августа жнут	20 августа жнут ¹⁶

Уборка продолжалась до 10 сентября; обычным орудием жатвы был серп; только гречу убирали косой с приделанными к ней грабельками¹⁷. Скирдование убранных хлеба для подсушки включало несколько этапов: сначала снопы складывались в суслоны из нескольких снопов, накрытые сверху еще одним, потом перекладывали их в скирды, оставшиеся до зимы на открытом воздухе и прямо отсюда брали для обмола, в отличие от Западного Забайкалья, где после уборки хлеб хранился в ригах и овинах. Молотили хлеб в течение всей зимы ручными цепями на ледяных — естественных или специально приготовленных — токах¹⁸.

Приведенные сведения о технике земледелия в Нерчинском округе характеризуют хлебопашество как русского, так и коренного населения, и при всей полноте и подробности им свойственна некоторая «усредненность», так как, по замечанию Н.С.Щукина, «... в Сибири в каждом округе, даже в каждой волости, есть своя особенная сноровка в земледелии, свой порядок в относящихся к полевому хозяйству работах»¹⁹. Естественно, что все это многообразие не могло быть учтено одним автором, даже хорошо знавшим местное земледелие.

Единственным установленным различием земледелия русского крестьянства и эвенков можно считать величину приходящейся на одну душу запашки. У основной массы эвенкийского населения в 40-х годах XIX в. этот показатель был несколько ниже, чем у русского. Только оседлыми эвенками Сухановского, Городового и Нироновского обществ — они возникли из разросшихся первых селений крещеных тунгусов — земли обрабатывалось даже больше, чем в русских волостях.

Таблица 5*

Величина запашки на душу населения в Нерчинском округе

Название волостей и степных дум Нерчинского округа	Десятин земли на одну душу
в волостях: (русские)	11
Успенской	16

Усть-Илинской	$\frac{14}{16}$
Татауровской	$\frac{11}{16}$
в отдельных обществах: (эвенки) Сухановском	$\frac{13}{16}$
Городовом	$\frac{15}{16}$
Нироновском	$\frac{14}{16}$
в ведомстве степных дум: Агинской (буряты)	$\frac{1}{16}$
Урульгинской (эвенки)	$\frac{2}{16}$

* Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.56.

В конце XIX в., согласно данным обследования 1897 г., набор возделываемых в Восточном Забайкалье сельскохозяйственных культур остался прежним: ярица, ячмень, гречиха, пшеница, овес²⁰. Не изменились и сроки основных работ: сева, паровой пахоты, уборки²¹.

Говоря о дальнейшем развитии земледелия в регионе, в первую очередь следует указать на совершенствование орудий труда. Основным, повсеместным для Восточного Забайкалья и в том числе для Урульгинской степной думы, пахотным орудием стал сабан, распространение которого в 40–50-е годы XIX в. было еще очень ограниченным²². В конце XIX в. для обмолота хлеба, наряду с ручными цепами, начали применять новое орудие – молотилку. Она представляла собой толстую деревянную цилиндрической формы чурку, приводящуюся в движение лошадьё при помощи оглобель, приделанных к концам стержня, проходящего сквозь цилиндр. На чурке в 8–10 параллельных рядов насаживались «кулаки» или тонкие, идущие во всю длину деревянные брусья-вальки²³.

Обследованием было зафиксировано также применение искусственного орошения полей, имевшее наибольшее распространение в бассейне реки Ингоды. В селах Верхне-Талачинском и Карымском Урульгинской инородной управы орошалось от 10 до 50% пашни. Устройство ирригационной системы здесь было аналогично западно-забайкальскому, описанному в работах, относящихся еще к первым десятилетиям XIX в.²⁴. При таком способе орошения «...прежде всего так или иначе запирают реку, вследствие чего вода направляется по магистралям; в них воду задерживают, также путем запруды, против тех пашен, поливка которых стоит на очереди: магистральная канава сообщается с пашней бороздами, проведенными сохой. Орошение производится весною, всего чаще в период времени с половины апреля до половины мая, а иногда в первых числах июня; иногда пашня поливается второй раз — летом; орошается по большей части паровое поле, которое затем засеивается под соху и заборанивается»²⁵. Гораздо более примитивной была система поливки в Шундинской инородной управе (здесь орошалось всего 36 десятин земельных угодий) и в селах Засуланском и Нарынском Маньковской управы. Она осуществлялась по большей части без каких бы то ни было оросительных сооружений и заключалась в том, что смежная с пашней горная река запруживалась, вследствие чего вода, выйдя из берегов, попадала по какой-нибудь случайной бороздке на поле, по которому распределялась по другим таким же бороздкам²⁶. В этих же селах — Нарынском и Засуланском — начали применять унавоживание полей²⁷.

Однако, несмотря на рассмотренные изменения, результаты обследования 1897 г. показали, что в целом система земледелия в Забайкалье осталась прежней, залежно-паровой. Располагая массовыми материалами, Н.Бутович, автор очерка «Земледелие в связи с характеристикою естественных условий пахотных угодий», выделил несколько вариантов этой системы в зависимости от соотношения площади посева по нови, залежи, жнивью и пару, что отражало степень интенсивности обработки почвы. Согласно этому показателю, земледелие эвенкийского населения Оловской, Маньковской, Шундуинской и Кужертаевской управ Урульгинской степной думы было залежно-паровым, с большим приближением к залежному, так же как и во всех соседних с ними крестьянских волостях и казачьих станицах Читинского округа; а хлебопашество в Урульгинской и Онгоцонской управах, находившееся на переходной стадии от залежного к залежно-паровому, не отличалось от этой отрасли хозяйства бурят Агинской степной думы и русских крестьян

Икаральского отдельного общества. Следовательно, по такой важной агротехнической характеристике как интенсивность обработки почвы, земледелие тунгусов Урульгинской степной думы практически не отличалось от земледелия соседнего русского населения, оказавшегося в одинаковых с ними природно-климатических условиях, хотя уровень обеспеченности эвенкийских хозяйств сельскохозяйственными орудиями был несколько ниже, чем в русских хозяйствах²⁸.

Различия в величине запашки, по сравнению с однородностью приемов техники земледелия, были гораздо более значительны. По-прежнему этот показатель был выше у русского крестьянства края (лишь в Оловской и Маньковской управах он достиг минимальной для крестьянской пашины нормы — от трех до шести десятин)²⁹. В эвенкийских управах средняя величина приходящейся на одно хозяйство запашки была следующей (табл. 6).

Таблица 6*

Средняя величина запашки на одно хозяйство

Управа	Оловская	Маньковская	Урульгинская	Шундинская	Кужертаевская	Онгоцонская
Количество десятин пашины	5,4	3,3	2,7	2,7	1,1	0,3

* Материалы комиссии по исследованию землевладения и землепользования населения Забайкальской области. — СПб., 1898. — Вып.3. — С.17.

Такая неравномерность свидетельствовала о далеко не одинаковом значении земледелия в хозяйстве эвенкийских территориальных групп в конце XIX в.

Однако складывание этих различий началось гораздо раньше и относилось уже к началу столетия. Отчасти они были зафиксированы в имеющихся материалах по обычному праву, запись которых относится к 1823 г. Статья кодекса, представленного председателем Урульгинской степной думы «начальником тунгусских родов» князем Гантимуровым совершенно аналогична касающейся хлебопашества статье из Уложения 1775 г. селенгинских бурят, распространение земледелия среди которых относится к гораздо более раннему времени, чем среди нерчинских тунгусов. Напротив, нормы, регулировавшие земледелие из «Описания обыча-

ев 15 Нерчинских тунгусских родов», составленного «зайсанами, шуленгами, засулами, старостами, благонадежными ясашными и стариками», более близки к Уложению 1823 г. хоринских бурят, которые даже несколько отставали от тунгусов в освоении новой формы хозяйственной деятельности³⁰.

Основное внимание в рассматриваемых статьях уделялось урегулированию различного рода конфликтов, неизбежно возникавших при близком сосуществовании скотоводства и земледелия. Первый из названных выше тунгусских кодексов ставил владельцев пашни в более благоприятные, по сравнению со вторым кодексом, условия. Например, в случае гибели скота при потраве хлеба на поле, городьба которого не соответствовала установленным в этом же кодексе нормам, хозяин поля возмещал половину стоимости этого скота согласно первому списку тунгусских законов, и полную стоимость — согласно второму³¹. Возможно, это было отражением более высокого статуса земледелия в хозяйственном комплексе одной из эвенкийских территориальных групп.

Довольно наглядно распространение хлебопашества среди нерчинских эвенков отражают сведения о численности среди них оседлого населения. Отказ от необходимого для ведения скотоводческого хозяйства кочевания неизбежно требовал освоения нового вида хозяйственной деятельности, и, таким образом, история земледелия этой небольшой группы неразрывно связана с историей ее постепенного оседания. Следует оговорить, что хотя использованным статистическим данным в полной мере свойственны указанные выше недостатки, можно считать, что основное направление протекавших в регионе процессов они все-таки отражают.

В 1823 г. в тунгусских родах, «кочевавших с 1763 г. при Курлыченском суглане (месте, назначенном для сбора ясака — Т.У.), от города Нерчинска к восточной стороне», из которых с учреждением Урульгинской степной думы были образованы Маньковская и частично Оловская и Шундуинская управы, оседлое население составляло 906 человек из 2144 или 42% от общей численности; а в расселенных «от города Нерчинска в западной стороне вверх по Ингоде при князе Гантимуровой деревне, называемой Урульгинским сугланом» и составивших Урульгинскую, Кужертаевскую и Оловскую управы — только 765 человек из 3406 или 22%³².

В 1840 г., согласно данным ревизии Государственных имуществ, проведенной сенатором Толстым, соотношение кочевого и оседлого населения в управах было следующим (табл. 7).

Таблица 7*

Численность кочевого и оседлого населения Урульгинской степной думы

Управа	Кочевое население	Оседлое население	% оседлого населения от общей численности
Оловская	579	324	35,9
Шундуинская	682	124	15,4
Маньковская	1031	365	26,1
Урульгинская	357	118	24,8
Кужертаевская	875	73	7,7
Онгоцонская	706	11	1,5

* Вычислено по: РГИА, ф.1579, оп.1, д.548, лл.7–9.

Практически полное отсутствие земледелия в середине XIX в. в Онгоцонской управе вполне подтверждается «Выписками на все произведения сельского хозяйства по ведомству Онгоцонской управы за 1845–1848 гг.», согласно которым «ведомства сего тунгусы хлебопашеством не занимаются» и «никаких у тунгусов земледельческих орудий не имеется»³³. По «Сведениям для военно-статистического описания Нерчинского округа» при единственном в управе «селении на русский образец» Бырчинском, состоявшем из девяти дворов, в 1852 г. распахивалось всего шесть десятин земли³⁴.

Несколько большими, хотя также незначительными, были в это время успехи земледелия в Кужертаевской управе, где в двух селениях (всего 29 дворов) возделывали 119 десятин пашни³⁵.

Оседлое население Шундуинской управы размещалось в пяти деревнях с общим числом хозяйств — 122.

В Урульгинской и Маньковской управах оседлые эвенки образовали по девять селений в каждой, которые состояли соответственно из 146 и 158 хозяйств³⁶.

К 1850 г. численность оседлого населения превысила численность кочевого только в Оловской управе: 888 человек из 1590³⁷. Это произошло вследствие включения в состав управы отдельных обществ тунгусов-

земледельцев, в которые выросли их первые поселения — Сухановское, Нириновское, Мальцевское. Общества, каждое из которых к тому времени состояло из нескольких деревень, сохранив свои прежние названия, были приравнены к входившим в управу родам. В 16 населенных пунктах в общей сложности насчитывалось 252 хозяйства³⁸.

В конце XIX в., по сравнению с 40–50-ми годами, соотношение кочевого населения с оседлым все более изменялось в сторону преобладания последнего, и в соответствии с этим росло число деревень (табл. 8).

Таблица 8*

Соотношение кочевого и оседлого населения Урульгинской степной думы

Управа	Число деревень	% оседлого населения от общей численности
Оловская	29	94
Маньковская	12	82
Урульгинская	22	66
Шундинская	10	66
Кужертаевская	4	21
Онгоцонская	2	9

* Вычислено по: Патканов С.К. Статистические данные, показывающие язык и роды инородцев. — СПб., 1912. — Т.3. — С.564–571.

Тенденция оседания наиболее полно реализовалась в Оловской и Маньковской управах; в Урульгинской и Шундинской около трети населения продолжало по-прежнему оставаться кочевым; а в управах Кужертаевской и Онгоцонской кочевники составляли подавляющее большинство.

Процесс оседания эвенков, будучи закономерным следствием прогрессивного преобразования их скотоводческого хозяйства, был ускорен постоянными контактами со сформировавшимся в крае русским крестьянством. В конечном же итоге различия в темпах этого процесса в отдельных территориальных группах зависели от экологических условий обитания этих групп.

3.2. Скотоводство и охота

В начале рассматриваемого периода наиболее важным и распространенным занятием коренного населения Юго-Восточного Забайкалья, как агинских бурят, так и нерчинских тунгусов, все относящиеся к этому времени источники называют кочевое скотоводство, во многом обусловившее традиционные для данного региона бытовой уклад и формы социальной организации.

Предварительно следует хотя бы кратко оговорить, что этот вид хозяйственной деятельности издавна распространен в Восточном Забайкалье, однако его значение в хозяйстве эвенкийского населения региона не было неизменным и на более ранних этапах. По мнению одного из исследователей нерчинских конных тунгусов, этнографа В.А.Туголукова, «...до XII—XIII вв. они были оленеводами, но затем испытали на себе длительное воздействие дауров и монголов...», следствием чего и был переход к новым формам хозяйства, продолжавшийся и в XVII—XX вв.³⁹.

Несколько иным представляется этот процесс по результатам исследования хозяйства и материальной культуры конных тунгусов XVII в. историком Н.Н.Степановым. Как считает этот автор, «скотоводство (в том числе и коневодство) в этих районах, несмотря на благоприятные естественные условия, еще не стало основной отраслью производства. И в степных районах тунгусы оставались в значительной степени охотниками-звероловами и рыболовами»⁴⁰. Основным занятием значительной их части в это время была охота на крупного мясного зверя, которая в степных условиях становилась особенно продуктивной при использовании верховых лошадей⁴¹.

Настоящими «скотными тунгусами» в XVII в. были лишь их южные группы, непосредственно соприкасавшиеся с монголоязычными скотоводами — собственно монголами и бурятами, от которых, как отмечает Н.Н.Степанов, заимствована и вся терминология коневодческо-скотоводческого хозяйства тунгусов⁴².

На основании археологических данных предполагается, что начиная с позднего неолита некогда единые пути исторического развития древнего населения «даурской культурно-исторической общности» начали расходиться. В период бронзового века, наступившего в Предбайкалье и в Забайкалье в XVIII столетии до н.э., этот процесс приобретает все более четкие формы.

Традиция охотничье-рыболовецкого хозяйства в циркумбайкальском регионе в эпоху бронзы была продолжена племенами гладковской культуры, сложившейся на местной серовской основе.

Что касается Южного Забайкалья и Северной Монголии, то период бронзового века здесь до сих пор остается одним из самых малоизученных в древней истории края. Группы населения разных культур той эпохи: даурского типа, плиточных могил, вероятно, были скотоводами⁴³.

По-видимому, освоив лошадь, переселились в степи и жившие на ее окраине отдельные лесные охотничьи племена. Переход в степи, после заимствования лошадей, тунгусских охотничьих племен в Забайкальско-Верхнеамурском регионе датируется началом II тыс. н.э.⁴⁴.

В настоящее время крайняя ограниченность источниковой базы периода до середины XVII в. не позволяет достаточно полно и подробно рассмотреть вопросы эволюции хозяйства как эвенкийской этнической общности в целом, так и одной из ее частей — нерчинских конных тунгусов, известных по русским источникам лишь с середины XVII в. Относительно этой группы пока лишь в самой общей форме может быть высказано предположение, что именно процесс освоения эвенкийским населением Восточного Забайкалья различных видов степного скотоводства, а затем и переход к нему как к основной форме хозяйственной деятельности лежит в основе формирования рассматриваемой этнографической группы. Различия в путях освоения этого вида хозяйства ее более мелкими локальными подразделениями отчасти обусловили некоторую культурную неоднородность, свойственную ей и на протяжении XIX–XX в..

Коренное население Юго-Восточного Забайкалья на протяжении XVIII–XX вв. разводило лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и верблюдов, причем две последние категории животных были немногочисленны⁴⁵. Видовая структура поголовья скота по управам Урульгинской степной думы к середине XIX в. имела некоторые различия (см. табл. 9). Так, у тунгусов Онгоцонской управы конское поголовье превосходило, хотя и незначительно, поголовье крупного рогатого скота, очень близким было их соотношение и в Кужертаевской управе. Преобладание лошадей в общем поголовье отмечается как характерная особенность охотников-скотоводов таежно-степной зоны (часть бурят, монголов)⁴⁶. В остальных управах держали больше крупного рогатого скота, чем лошадей, причем в равной степени это относилось как к кочевому, так и к оседлому земледельческому тунгусскому населению, довольно значительному в этих управах уже к середине XIX в. Большую часть общего поголовья скота по всем территориальным группам нерчинских тунгусов к середине XIX в. составлял мелкий рогатый скот.

Для второй половины — начала XX в. общей тенденцией как для кочевого, так и оседлого населения по всем территориальным группам Урульгинской степной думы было увеличение (в процентном отношении к общему количеству) поголовья крупного рогатого скота и сокращение стада овец, причем в довольно большом количестве хозяйств их не разводили вовсе.

Различий в средних величинах похозяйственной обеспеченности теми или иными видами скота ни по территориальным группам, ни по типам тунгусских хозяйств (оседлых или кочевых) с достаточной определенностью не обнаруживается. Следует отметить также, что средние величины далеко не точно отражают реальную картину. Как уже говорилось, существовали хозяйства, совершенно лишенные овец и имевшие всего 1—2 лошади и 2—5 коров. Максимальные величины в использованных материалах достигали: 55 лошадей, 80 коров, 180 овец в одном из кочевых хозяйств и соответственно 49, 82, 194 — в другом. Аналогичные данные по хозяйству оседлого населения ниже: 36 лошадей, 50 голов крупного рогатого скота, 30 овец⁴⁷.

Видовая структура поголовья скота у тунгусов %-ное соотношение

Управа	Урульгинская			Оловская			Маньковская		
	ло-ша-ди	круп. рог. скот	овцы	ло-ша-ди	круп. рог. скот	овцы	ло-ша-ди	круп. рог. скот	овцы
Год									
1839									
1840	25,5	33,9	40,6						
1849	23,4	38,9	37,7	24,2	30,1	45,7	12,6	31,6	55,8
1850 общие данные по коче- вому и оседло- му насе- лению									
	25,1	42,0	32,9	33,9	32,7	33,4	24,2	29,4	46,4
1852									

оседлые	16,9	33,2	49,9	17,4	22,9	60,0	29,9	37,6	32,6
1893	кочевые								
	17,5	48,2	34,3						
	оседлые								
	19,9	43,7	36,4						
1897 общие	18,2	45,6	36,2	24,7	46,4	28,9	17,1	29,0	53,9
1897 выбо- рочные данные	кочевые			оседлые			оседлые		
	22,6	44,6	32,8	33,8	44,5	21,7	42,3	57,6	0,1
1926 выбо- рочные данные	оседлые								
	23,2	43,3	33,5						
	кочевые								
	19,2	64,9	15,8						

Таблица 9

**Урульгинской степной думы (по управам):
основных видов скота**

Шундуинская			Кужертаевская			Онгоцонская		
лоша- ди	круп. рог. скот	овцы	лоша- ди	круп. рог. скот	овцы	лоша- ди	круп. рог. скот	овцы
23,6	25,2	51,2						
			13,1	21,0	65,9	24,5	20,1	55,4
25,7	28,3	46,0	18,4	20,1	61,5	25,2	21,2	53,6
28,0	30,8	41,2	51,1	21,7	27,8	27,2	23,1	49,6

23,4	32,3	44,2	19,5	23,6	56,9	9,9	19,7	70,4
29,0	33,7	37,3	15,7	44,1	40,2	18,6	54,6	26,8
оседлые			кочевые			кочевые		
29,6	56,0	14,4	16,9	48,5	34,6	22,0	64,6	13,4

Средняя похозяйственная обеспеченность основными видами скота у

Управа	Урульгинская			Оловская		
	лошади	круп. рог. скот	овцы	лошади	круп. рог. скот	овцы
Год						
1840 кочевые	2,1	2,8	3,3			
1849—1850						
1852 оседлые	3,3	6,5	9,8	3,2	4,1	11
1893	кочевые (все виды)					
	7,0	19,3	13,8			
	оседлые					
	6,8	14,9	12,8			
1897	кочевые			оседлые		
	из 23 хоз. — 11 без овец			из 29 хоз. — 12 без овец		
	10,0 (43—1)	18,9	14,5	7,6	9,9	4,8
1897 общие	3,5	11,1	13,4	4,8	7,5	6,7
1926	оседлые					
	2,5	4,7	3,7			
	кочевые					
	2,8	13,2	7,6			

Табл. 9—10* вычислены по: ГАЧО, ф.55, оп.1, д.91. л.17; д.182. лл.71, 73, 74, 77, 78, 81; оп.2. д.56. лл.100, 100об., 105, 105об., 109об., 110, 126, 128об.; ф.29. д.337. лл.156об., 157, 160об.; РГИА, ф.1290, оп.6. д.404. лл.847—856. д.407. лл.995—1021. д.408.

Таблица 10

тунгусов Урульгинской степной думы (по управам)

Маньковская			Шундуинская			Кужертаевская			Онгогонская		
лошади	рог. круп. скот	овцы	лошади	рог. круп. скот	овцы	лошади	рог. круп. скот	овцы	лошади	рог. круп. скот	овцы
						3,1	5,0	15,6	4,8	3,9	10,9
6,7	8,5	7,4	2,8	3,2	4,4	2,2	2,7	6,6	2,3	4,6	16,6
оседлые			оседлые			кочевые			кочевые		
из 30 хоз. — 28 без овец			из 26 хоз. — 20 без овец			из 37 хоз. — 11 без овец			из 23 хоз. — 15 без овец		
6,2	8,5	0,3	7,2	13,7	3,5	8,9	25,4	18,1	10,9	32,0	6,7
3,5	8,0	26,1	3,8	5,9	11,7	3,3	12,5	17,6	3,0	11,7	7,7

лл.863—888; д.400. лл.1—12; д.401. лл.553—583; д.403. лл.927—957.

Материалы комиссии... Вып.3. — С.212, 214, 226, 227, 230.

Кочевание носило сезонный характер, основной перекочевкой был переход с летников на зимники и затем обратно. По свидетельству автора конца XVIII в., «тунгусы располагают их (свои стойбища. — Т.У.) в летнее время на холмах и открытых местах, или близ рек, речек, ключей и озер, в пространных междугориях (падах). Зимую же, по причине холода, останавливаются в лесах, или на покатосях и долинах, открытых к солнцу, и менее подверженных западным и северным холодным ветрам»⁴⁸. Согласно источнику первой четверти XIX столетия, «в летнее время семейства располагались вдоль какой-либо открытой реки, речки, для поила своих скотов и разделялись по ней семьями, заключающими в себе от двух до десяти юрт, известными постоянными урочищами. В зимнее же время удалялись в горы или леса, довольствуясь там снежной водою, называя такие отдельные по семьям пространства стойбищами утук. Стойбища сии у богатых скотом разделяются еще на осенние и весенние. И таким образом кочевые свои места переменяют четыре раза в один год, а иногда и более, смотря по нужде в подножном корме для скота их»⁴⁹.

Порядок кочевания, судя по источникам, оставался прежним и в середине XIX в.: «инородцы, хозяйство которых преимущественно состоит в скотоводстве, несмотря на то, что они занимаются и хлебопашеством, перекочевывают два и четыре раза в год; каждый бурят или тунгус, имеет свой летник и зимник, у многих есть еще осенники и весенники. Зимние кочевья их находятся в расстоянии от 2-х до 20 верст от летников и бывают расположены обыкновенно в лесу, или в падах (логах) между горами. Инородцы перекочевывают на летники с мая месяца, на зимники в конце сентября. Переменяя таким образом место жительства, единственно с целью приискать лучший подножный корм для скота своего, они скорее могут быть признаны оседлыми, чем кочевыми: ибо, как хлебопашцы, они обрабатывают одну и ту же землю, имеют на зимниках постоянные дома и помещения для скота (последнее относится к бурятам западного Забайкалья. — Т.У.), не оставляя урочищ, однажды ими избранных»⁵⁰. Сроки перекочевки сохранялись неизменными до конца XIX в.: в конце 80-х годов, как и ранее, «выкочевывали на летники первого числа июня»⁵¹; на рубеже XIX—XX вв., по-прежнему, «кочевник, имеющий небольшое количество скота, меняет свое местопребывание всего только два раза в год — он имеет только летник (“засулан”) и зимник (“угульжден”); более богатый имеет уже четыре места кочевки —

еще весенник “намурджан” и осенник “хабуржен”, наконец, самые богатые меняют место стойбы своего скота 10–12 раз»⁵².

Для скотоводческого хозяйства нерчинских тунгусов на протяжении рассматриваемого периода было характерно, таким образом, циклическое кочевание по замкнутым устойчивым маршрутам с более или менее постоянными сезонными стоянками, прежде всего зимниками. Согласно имеющимся в литературе классификациям скотоводческих хозяйств, хозяйства такого типа относятся к кочевым формам⁵³.

В летнее время скот, за исключением овец и коз, выпасали без присмотра пастухов. С появлением сенокосения и земледелия такая практика выпаса потребовала обязательного огораживания новых видов сельскохозяйственных угодий — пашен и сенокосов. Возможно, первоначально, в конце XVIII в., изгороди сооружались отдельными хозяевами вокруг возделываемых ими участков⁵⁴. По сравнению с этим временем, когда «сенокосение было очень редкое, а хлебопашеством вовсе не занимались»⁵⁵, к концу первой четверти XIX в. значение изгородей — поскотин для хозяйственной деятельности населения в связи с распространением в крае земледелия, вызвавшего сокращение необходимых для традиционного скотоводства угодий, возросло. В относящихся к этому времени материалах по обычному праву коренного населения зафиксировано появление наряду с горожниками, сооруженными отдельными хозяйствами, общих поскотин, «поставленных совместно с другими людьми»; устанавливались также сроки загороживания и открытия поскотин: соответственно 9 мая и 15 сентября⁵⁶.

В середине XIX в. наличие общих поскотин отмечается современниками как характерная черта, присущая скотоводству как кочевого, так и оседлого населения Забайкалья. У оседлого населения поскотина, как правило, огораживала общий выгон, окружавший деревню «на расстоянии двух с половиною верст во все стороны от жилья»⁵⁷. У кочевого населения, по описанию 1870-х годов, относящемуся к агинским бурятам, валовая поскотина могла иметь несколько иную форму: она «...городится народом в одну линию через горы, долины и поперек рек, оставляя верховья долин и речек для покосов, полей и зимников, а низовья для летовища, куда должны выкочевывать без исключения все»⁵⁸.

Содержание скота в летнее время у кочевого и оседлого земледельческого населения края было практически одинаковым: «на летнем выгоне скот пасли с мая по октябрь, держа в это время поскотины за-

крытьями. После окончания жатвы или сенокоса их частично разгораживали и до первого снега скот пасся на озимых и ветошах»⁵⁹.

Большие различия были присущи зимовке. Основное из них заключалось в стационарном, стойловом содержании скота в зимнее время у оседлого населения, в то время как у кочевого «...остаются на своих местах жительства старые, малые и бессильные с остальным имуществом на коренных стойбищах (зимниках. — Т.У.) и с некоторым слабым, отделенным скотом для кормежа или имеющие мало скота, бедность»⁶⁰. Основная часть поголовья скота кочевала и в зимнее время; маршрут и удаленность кочевки определялись климатическими условиями года; выпас в этом сезоне обязательно осуществлялся под постоянным присмотром пастухов. В зимних перекочевках со скотом участвовало, как правило, только взрослое мужское население⁶¹.

Содержание скота на зимниках почти не отличалось от содержания его у оседлого населения. Кроме того, как отмечали авторы середины XIX в., крестьяне часто устраивали в лесах «по примеру кочевых инородцев, заимки, куда выгоняют скот на зиму для прокормления». Эта практика, судя по более поздним источникам и сообщениям информаторов, сохранилась здесь до конца XIX — начала XX в.⁶²

Сходным в хозяйствах обоих типов — как кочевых, так и оседлых — на протяжении всего рассматриваемого периода было также и крайне простое устройство помещений для зимнего содержания скота. В середине XIX в., по наблюдениям современников, «у большей части жителей Забайкалья... скотские сараи, хлева и навесы в самом жалком положении, и как инородцы, так и крестьяне не заботятся об улучшении их... помещение для скота состоит из плетня или даже просто из жердей, покрытых древесною корою»⁶³. Материалы обследования 1897 г. показали, что и к концу XIX в. прогрессивных сдвигов в этой области не произошло: помещения для зимовки скота по-прежнему представляли собой простые жердяные загородки, для лошадей — совершенно открытые, для рогатого скота — с соломенной крышей⁶⁴.

Относительно такой важной характеристики скотоводческого хозяйства как заготовление кормов, сведения по нерчинским эвенкам крайне ограничены и отрывочны. В своде материалов обычного права упоминается о практикуемом ими сенокосении, но, по-видимому, оно не играло большой роли, так как даже в более поздних источниках отмечается, что заготовка кормов в крае была крайне незначительной, особенно у кочевого населения⁶⁵. Более подробные сведения относятся только к концу XIX в. У оседлого земле-

дельческого населения сенокосные работы приходились обычно на время с 8 июля по 15 августа. «У тунгусов же и бурят, а равно и казаков из тунгусов сенокос начинается несколько позднее (в большинстве общин) с 20 июля (Ильина дня) и затягивается до 1 сентября и даже иногда, смотря по погоде, и до 10 числа этого месяца»⁶⁶. Как правило, покосы кочевого населения находились поблизости от зимников. Можно также отметить несколько большую интенсивность использования сенокосных угодий скотоводами-кочевниками по сравнению с земледельцами. Так, например, в нескольких зимниках Кужертаевского булука Урульгинской управы практиковалось удобрение покосов навозом, в булуке Нарынском Маньковской управы часть покосов орошалась, чего не отмечалось в крестьянских хозяйствах⁶⁷.

При значительном сходстве целого ряда важнейших характеристик, приемов и методов животноводства у кочевого и оседлого населения Урульгинской степной думы, кочевое скотоводство, тем не менее, продолжало служить основой существования специфического, издавна традиционного для данного региона бытового уклада. Прежде всего и с наибольшей наглядностью это нашло отражение в сохранении вплоть до начала XX в. характерной для кочевников формы расселения, обусловленной хозяйственной целесообразностью совместного кочевания небольшими группами хозяйств. Авторы конца XVIII — начала XIX в. отмечают, что «...в тунгузских стойбищах редко бывает по десяти юрт, но большою частью менее», причем «кочевали они отдельными семьями особняком»⁶⁸.

По данным конца XIX в. размер кочевых улусов значительно увеличился. (Более подробно этот вопрос, также как и внутренняя структура улусов, будет рассмотрен ниже.)

Из своеобразных черт, несколько отличающих поселения нерчинских тунгусов от другой группы коренного населения — агинских бурят — можно отметить большее количество в них деревянных юрт по сравнению с войлочными. По данным 1840 г. их соотношение в Агинской и Урульгинской степных думах было следующим (табл. 11).

Таблица 11*

Виды и число жилищ степных дум Нерчинского округа

	Юрт		Домов
	войлочных	деревянных	
Агинская дума	4343	19	6

Урульгинская дума	1478	280	490
-------------------	------	-----	-----

* Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. — № 9–10. — С.20.

Таблица 12*

Виды жилищ Урульгинской степной думы

В середине XIX в. по управам Урульгинской думы было учтено:

	Домов	Юрт	
		войлочных	деревянных
Урульгинская	139	130	
Оловская	667	24	132
Маньковская	-	313	-
Шундуинская			
Кужертаевская	24	240	11
Онгоцонская	9	166	7

* ГАЧО, ф.55, оп.2, д.42, л.79об., 90, 109, 139об., 166 об.

Охота. Скотоводству у эвенков постоянно сопутствовала охота. По мере того, как возрастало значение скотоводства, а с конца XVIII в. и на протяжении XIX–XX вв., и земледелия в хозяйстве эвенков, роль охоты все более и более сокращалась. Если в XVII в. она была основой существования значительной части степных тунгусов, то к началу XX в. стала только одним из подсобных промыслов.

Эти изменения нашли отражение, прежде всего, в самой организации охотничьего дела. Так, прежде главное средство обеспечения населения запасом мяса — облава — к 70-м годам XVIII в. являлась уже, по мнению наблюдателей, лишь «...первейшим почти увеселением мунгалов и по чистым степям обитающих тунгусов»⁶⁹. Обычно такая охота устраивалась осенью, участвовали в ней от 50 до 200 человек.

Падение значения облавной охоты в Забайкалье в начале XIX в. было повсеместным, характерным не только для эвенков, но и для хоринских и селенгинских бурят. Бурятские Уложения 1823 г., по сравнению с предшествовавшими им кодексами (селенгинским 1775 г. и хоринским 1808 г.), утратили статьи об облаве⁷⁰. В одном из списков степных законов «Нерчинских тунгусских родов» отсутствуют какие-либо упоминания

нения об облаве, в «Обычаях Тунгусов ведомства князя Гантимурова» ей посвящены две из шести «охотничьих» норм⁷¹.

В XIX в. организация этого вида охоты у тунгусов и бурят сделалась, по всей вероятности, привилегией лишь высшего слоя их общества, «забавой для нойонов»⁷².

По свидетельству современника, у нерчинских тунгусов в 40-е годы XIX в. «облава есть род охотничьего праздника. Ее назначает обыкновенно старший и уважаемый тунгусами родоначальник. Это уважение, разумеется, недешево ему обходится. Охотники, собравшись, охватывают цепью одно какое-нибудь известное место и стягиваются к центру. Это зрелище тем более интересно, что тунгусы вообще отличные охотники и ловкие наездники. Стрела, их старое оружие, также верна, как и грозная винтовка»⁷³. Именно в такой облаве, устроенной председателем Урульгинской степной думы князем Гантимуровым в начале 40-х годов XIX в., принимал участие Л.Львов, автор статьи «О звероловстве Забайкальского края»⁷⁴.

Быт тунгусских охотников во время упоминаемых в обычном праве многодневных облав был, вероятнее всего, аналогичен быту в таких же условиях охотников-хоринцев⁷⁵. На ночь облавщики располагались по огнищам, а чтобы они попали на свое огнище, галчи (заведывавший станом — буквально огнем) выкрикивал от времени до времени присвоенный его огнищу клич. Ночь обыкновенно проходила в гулянии, пении, взаимном угощении между родами, что придавало облаве хоринских бурят — аба-хайдак (в отличие от зэгэтэ-аба — облавы бурят Иркутской губернии, или северных) — скорее характер празднества, нежели серьезного предприятия⁷⁶.

Охота на крупного зверя к концу XIX в. приобретала все более индивидуальный характер. Уже с середины XIX столетия основным способом добычи лосей и изюбрей стало либо устройство засады — сидьбы (шалаша) или лабаза (специально сооруженного приподнятого помоста) на естественных и искусственных солонцах и солнопеках (южных склонах гор, где в первую очередь появлялась новая трава), либо осенняя охота с трубой⁷⁷.

Весною последний способ — подражание голосу животного (в данном случае, пisku молодых козлят) — использовали для охоты на коз, которых добывали в течение всего года⁷⁸.

Право охотника на добычу реализовывалось в полном соответствии с общим значением для хозяйства охотничьего промысла и его орга-

низацией. Ни в обычном праве, ни в свидетельствах современников не упоминается об обычаях, подобных нимату — уравнительному распределению крупной дичи — у эвенков-оленьеводов тайги⁷⁹. Лишь согласно Селенгинскому Уложению 1823 г., охотник, по своему усмотрению, мог отдать за так называемую «мергэ» (меткость) шкуры передних ног соболя, лисицы, волка или стегно крупной дичи встреченному им человеку⁸⁰. К концу века и это обыкновение в Забайкалье уже не выполнялось.

Охота на пушного зверя в Восточном Забайкалье в XIX в. носила сезонный характер. По главному виду промыслового зверька ее называли «белкованием», хотя попутно охотились и на другую дичь — соболей, коз, лосей, медведей, кабанов. Охотничий сезон начинался с 1 октября и продолжался до середины ноября — времени выпадения глубокого снега⁸¹.

Белковщики составляли артели от четырех до десяти промышленников и ездили в одни и те же места, где каждый ходил по известному ему направлению. Все добытое в тайге артельно делилось на равные части между ее членами⁸². Нормы артельной организации были зафиксированы еще в начале XIX в. в обычном праве коренного забайкальского населения, но в равной мере соблюдались и русскими промышленниками⁸³.

Одинаковыми у русского и коренного населения были не только организация промысла, но и быт артельщиков: явным заимствованием можно считать такую деталь костюма русских охотников как шапка из шкуры с козьей головы — арогда; основной пищей во время белкования (при отсутствии, конечно, дичи) им зачастую служили издавна традиционные для местных скотоводов карым (кирпичный чай), заправленный молоком, сметаной, маслом, или затуран (поджаренная на сковороде мука с маслом)⁸⁴.

Большое сходство обнаруживается также в целом ряде охотничьих обычаев, обрядов, представлений, связанных своим происхождением с культурой коренного населения и в трансформированном виде воспринятых пришлым русским населением. Так, например, перед отправлением на охоту считали необходимым очищение, но если у эвенков оно обеспечивалось определенным религиозным обрядом, то русские «...сибиряки, идя надолго на промысел, всегда накануне бывают в бане; они говорят, что нехорошо нечистым отправляться на охоту», при сборе на медведя «...каждый из промышленников молится усердно богу, но каждый по своей вере»⁸⁵.

Однако отмечалось, что у коренного населения старинные обычаи сохранились в большей силе; не всякий из них решился бы охотиться на зверя с трубой, т.е. пользоваться обманом и хитростью для привлечения добычи под выстрел. Бить маток, по их взглядам, нехорошо, точно так же — бить быка (изюбра) без пантов, только ради мяса и шкуры, грешно, потому что изюбр — зверь драгоценный⁸⁶.

Кроме активных способов охоты в Восточном Забайкалье в XIX в. широко использовались различного рода ловушки. В кодексах по обычному праву (1823) и тунгусов и бурят называются самострелы и ямы⁸⁷. К середине века применялись приспособления давящего типа: слопцы, плашки, пасти, кулемы; обыкновенный капкан только начал распространяться, и, в первую очередь, среди русских сибиряков⁸⁸.

До конца XIX в. охота имела большее экономическое значение в хозяйстве нерчинских эвенков, нежели русского населения, а сами они неизменно назывались лучшими охотниками края⁸⁹.

В заключение следует заметить, что довольно длительное, на протяжении почти полутора столетий тесное сосуществование двух различных типов хозяйства у нерчинских эвенков было сложным и противоречивым, порождало целый ряд конфликтов и, вместе с тем, элементов хозяйственной кооперации. Реальные взаимоотношения кочевого и оседлого населения нашли довольно наглядное отражение в документах Урульгинской степной думы. Типичную конфликтную ситуацию зафиксировал, например, рапорт «инородцев Среднеталачинского селения» в Урульгинскую управу, в котором сообщают, что «...тунгусы ведомства оной управы... самопроизвольно и единственно к стеснению нашему, производя кочевку свою вблизи наших жительств, каждое лето отравливают скотоводством своим принадлежащие нам сенокосные места, впуская на оные свой скот без всякого присмотра и надзора»⁹⁰.

В 80-х годах XIX в. как оседлые (казачьи поселковые и инородческие сельские), так и кочевые улусные общества Оловской инородной управы были уже связаны системой взаимных обязательств по загораживанию каждым из них общих валовых круговых покотин «для ограждения сенокосных и хлебопахотных земель и вообще всех угодий». Невыполнение этих обязательств двумя обществами улусных тунгусов — Верхне-Хилинских и Дилионинских — вынудило земледельческое население Кокуйского, Богомяковского и Комогорцевого поселков из-за постоянных потрав оставить «...удобные и самолучшие хлебородные па-

хотные прежде занимаемые земли и часть сенокосных удобных остречных дач»⁹¹.

Необходимость определенной сбалансированности кочевого и оседлого хозяйства наглядно подтверждается тем, что нарушение традиционного порядка кочевания — невыезд на летник — всего лишь одной семьи нанесло «...вред и убытки в сенокосных дачах и хлебо-посевных полях» инородцам селения Кокуй Оловской инородной управы и казакам села Богомягковского. В отличие от рапорта среднеталачинцев, которые обращались в управу с просьбой о выселении кочевников, в более позднем рапорте речь идет только об обязательном соблюдении ими единых сроков перекочевки.

Примечания

1. О тунгусах вообще // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. — Т.6. — С.307—308.
2. О тунгусах вообще. С.307; Архив Всесоюзного Географического общества (далее Архив ВГО...). р.55, оп.1, д.49, л.124; Словцов П.А. Обзорение Сибири. — СПб., 1889. — Кн.2. — С.13—14.
3. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // СЭ. 1966. — № 3. — С.30.
4. Архив ВГО, р.55, оп.1, д.49, л.127об.; Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества: (вторая четверть XVIII — первая половина XIX в.). С.44—48.
5. О тунгусах вообще. С.284.
6. Российский Государственный архив древних актов (далее РГАДА...), ф.1329, оп.3, ч.III, д.59316, лл.16—17; Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX вв. — М., 1970. — С.32.
7. Залкинд Е.М. Указ. соч. С.32.
8. РГИА, ф.1264, оп.1, д.265, л.271 об.; д.280, л.169 об.
9. РГИА, ф.1264, оп.1, д.265, л.280, лл.74—75; д.370, л.130б.; д.373, л.9, Ст.58; Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. С.32—33, 57.
10. Словцов П.А. О состоянии Нерчинского уезда вообще // Казанские известия. 1816. — № 75. — С.355.
11. Там же. С.356.
12. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. — № 9—10. — С.61; Шукин Н.С. Земледелие в Даурии // Журнал МВД. 1849. — Ч.27. — С.174, 179.
13. Львов Л. Указ. соч. С.59; Шукин Н.С. Указ. соч. С.175.
14. Шукин Н.С. Очерк земледельческой промышленности в Восточной Сибири // Журнал МВД. 1853. — Ч.42. — С.183.
15. Шукин Н.С. Земледелие в Даурии. С.175.

16. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.60.
17. Шукин Н.С. Земледелие в Даурии. С.177.
18. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.62; Шукин Н.С. Указ. соч. С.177.
19. Шукин Н.С. Очерк земледельческой промышленности в Восточной Сибири. С.389.
20. РГИА, ф.1291, оп.84, д.49, ч.III (Почвенные бланки): лл.203, 355об., 377, 480об., 533, 547.
21. Материалы комиссии... Вып.11. — С.134—137.
22. Разумов Н.И. Забайкалье. — СПб., 1898. — С.261.
23. Материалы комиссии ... Вып.11. С.116.
24. Геденштром М. Отрывки о Сибири. — СПб., 1830. — СС.60, 65; Шукин Н.С. Буряты // Журнал МВД. 1849. — Ч.25. — С.75—76.
25. Материалы комиссии ... Вып.11. С.110.
26. Там же. С.111.
27. РГИА, ф.1291, оп.84, д.49, ч.5 (Программы по земледелию), л.266.
28. Материалы комиссии ... Вып.11. — С.89, 124.
29. Разумов Н.И. Забайкалье. С.234—235.
30. Цибилов Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. — Улан-Удэ, 1970. — С.46—47; Самосквасов Д.Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. С.32—33, 57, 133—134.
31. Согласно Селенгинскому уложению 1823 г. хозяин погибшего при потраве скота, не смотря на понесенный ущерб, «должен участвовать в выплате половины потравленного хлеба». Цибилов Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С.72.
32. РГИА, ф.1264, д.280, лл.74—75.
33. ГАЧО, ф.35, оп.2, д.42, лл.192—196.
34. ГАЧО, ф.55, оп.2, д.56, л.126.
35. Там же, л.105об.
36. Там же, л.109об.—110, 128об.
37. ГАЧО, ф.55, оп.2, д.42, л.90.
38. ГАЧО, ф.55, оп.2, д.56, л.100об.—103.
39. Туголуков В.А. Конные тунгусы // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. — С.109; Его же. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. — С.175.
40. Степанов Н.Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири // Вопросы истории Сибири. Л., 1961. — С.234.
41. Именно в хозяйстве конных и оленных охотников-тунгусов, а также древних монголов («не просто номад, а кочевник-охотник». Владимирцов В.Я. Общественный строй монголов. — Л., 1934. — С.41) считает возможным видеть ближайшие аналогии хозяйству индейских коневодов-охотников исследовательница коренного населения Северной Америки Ю.П.Аверкиева. Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. — М., 1970. — С.170.
42. Степанов Н.Н. Указ. соч. С.234.
43. Историко-культурный атлас Бурятии. — М.: Дизайн, Информация. Картография, 2001. — С.94—96.
44. Вайнштейн С.И. Проблема происхождения и формирования хоз.-культ. типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии: Доклад на IX Международном конгрессе антро-

- пологических и этнографических наук. — М., 1973. — С.7; Вайнштейн С.И., Семенов Ю.М. Рец. на кн.: Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. // СЭ. М., 1977. — № 5. — С.164.
45. О тунгусах вообще. С.312; Исторические сведения о Сибирских тунгусах вообще и о Забайкальских в особенности // Сибирский вестник. 1822. — Ч.XX. — С.314; Ковалевский О.М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. 1839. — Ч.XXVIII. — Кн. III. — С.287; Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. — № 9—10. — С.74; Шукин Н. О скотоводстве в Восточной Сибири // ЖМВД. 1849. — Ч.27. — № 7—9. — С.375; Материалы комиссии... Вып.13. — С.1.
 46. Вайнштейн В.И. Историческая этнография тувинцев. — М., 1972. — С.16.
 47. РГИА, ф.1290, оп.6, д.400 (листы не нумерованы); д.408.
 48. Исторические сведения о Сибирских Тунгусах вообще и о Забайкальских в особенности // Сибирский вестник. СПб., 1822. — Ч.XX. — С.56.
 49. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, лл.421, 421об.
 50. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. — № 9—10. — С.21—22; Шукин Н. Буряты // ЖМВД. 1849. — Ч.25. — № 1—3. — С.437.
 51. ГАЧО, ф.29, оп.1, д.291, л.11.
 52. Материалы комиссии... Вып.13. — С.74.
 53. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С.71—73.
 54. Селенгинское уложение 1775 г. // Обычное право селенгинских бурят. — Улан-Удэ, 1970. — Ст.117. — С.46—47.
 55. Там же. С.51.
 56. Селенгинское уложение 1823 г. — С.155. С.72; Ст.164. С.73; Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Хоринское уложение 1823 г. Р.Х. Ст.3. С.134; Обычаи 15 Нерчинских Тунгусских родов. Ст.34. С.32.
 57. Шукин Н. Быт крестьянина Восточной Сибири // ЖМВД. Ч.34. — 1859. — № 2. — С.30.
 58. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. — Улан-Удэ, 1963. — С.60.
 59. Шукин Н. О скотоводстве в Восточной Сибири // ЖМВД. Ч.28. — 1849. — № 7—9. — С.358.
 60. Асалханов И.А. Указ. соч. С.60.
 61. Подробно о зимнем кочевании и быте пастухов см.: Материалы... Вып.13. — С.77—80.
 62. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.21-22; РГИА, ф.1291, оп.84, д.49, ч.4, л.203; Материалы комиссии... Вып.12. — С.56.
 63. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.82.
 64. РГИА, ф.1291, оп.84, д.49, ч.4, лл.204об., 205, 207об., 209об.
 65. Самоквасов Д.Я. Обычаи 15 Нерчинских Тунгусских родов. Ст.35. С.33; Обычаи Тунгусов ведомства князя Гантимурова. Ст.59. С.58; Шукин Н. О скотоводстве в Восточной Сибири. С.186.
 66. Материалы комиссии... Вып.13. — С.56.
 67. Там же. С.43, 54, 55.

68. Исторические сведения о Сибирских тунгусах вообще и о Забайкальских в особенности. Ч.XX. — С.56; О тунгусах вообще // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы. СПб., 1790. — Ч.VI. — С.302.
69. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1788. — Ч.III. — С.279—282. Автор наблюдал облаву у станицы Акшинской.
70. Кроль М. Охотничье право и звериный промысел у забайкальских бурят // ИВСОРГО. Иркутск, 1895. — Т.XXV. — № 4—5. — С.62.
71. РГИА, ф.1264, оп.1, д.373, ст.30. 83; Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. С.50, 83.
72. Кроль М. Охотничье право и звериный промысел у забайкальских бурят. С.54.
73. Паршин В. Нерчинские тунгусы // ЖМВД. 1844. — Ч.5. — № 1—3. — С.139. Статья представляет собой извлечение из рукописи чиновника особых поручений Иркутского Общего Губернского управления В.Паршина «Историческое, географическое, статистическое и этнографическое описание Нерчинского округа». Архив ВГО, р.59, оп.1, д.13.
74. Львов Л. О звероловстве Забайкальского края // ЖМВД. 1849. — Ч.10.
75. Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С.50. Ст.30.
76. Вамбоцыренов И. Аба-хайдак, облава у хоринских бурят // ИВСОРГО. Иркутск, 1890. — Т.XXI. — № 2. — С.31.
77. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. — СПб., 1888. — С.130.
78. Там же. С.136.
79. Василевич Г.М. Эвенки. — Л., 1969. — С.69.
80. Цибилов Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. — Улан-Удэ, 1970. — С.70.
81. Геденштром М. Отрывки о Сибири. — СПб., 1830. — С.59; Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.93.
82. Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири (1856—1863). — Чита, 1958. — С.302.
83. Самоквасов Д.Я. Указ. со. С.137; Цибилов Б.Д. Указ. соч. С.70.
84. Черкасов А.А. Указ. соч. С.37, 304.
85. Василевич Г.М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // Этнография. М.-Л., 1930. — № 3. — С.27; Черкасов А.А. Указ. соч. С.307, 308.
86. Кузнецов А. Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области. // Записки ВСОРГО. Чита, 1898. — Вып.3. — С.91.
87. Цибилов Д.Я. Указ. соч. Уложение 1775 г. Ст.87, 130, 131; Уложение 1823 г. Ст.139, 140; Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С.35, 59, 141.
88. Львов Л. О звероловстве Забайкальского края. С.14; Черкасов А.А. Указ. соч. С.117.
89. Геденштром М. Указ. соч. С.55; Крюков Н.А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. — СПб., 1895. — С.71; Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.99.
90. ГАЧО, ф.29, д.31, лл.62—62об.
91. ГАЧО, ф.29, д.291, лл.11—12.

Глава 4

КУЛЬТУРНО-БЫТОВАЯ СПЕЦИФИКА И ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ НЕРЧИНСКИХ ЭВЕНКОВ

XVIII–XX вв. стали для нерчинских эвенков временем значительной и глубокой перестройки традиционного быта. Сфера его распространения постоянно сокращалась в связи с тем, что из нее исключалось население, переходившее к оседлому образу жизни и, как правило, быстро перенимавшее новый, свойственный русскому населению, бытовой уклад.

У кочевников Юго-Восточного Забайкалья на протяжении XVIII–XX вв. организация быта была неразрывно связана с семьей, о чем свидетельствовали свойственные их обществу и представления, и практика. У коренных жителей Забайкалья «...для каждого мужчины было почти священной обязанностью не дать погаснуть огню в очагах своих предков», т.е. обзавестись собственной семьей и продолжить свой род¹.

Семья выступала основной хозяйственно-бытовой единицей, именно в ней осуществлялись не только производство необходимых средств существования, но и их распределение и потребление. Вместе с тем быт семьи не исчерпывался одними материальными элементами. Наряду с производственно-хозяйственной деятельностью, а также обусловленным и максимально приспособленным к ней (в данном случае к кочевому скотоводству) комплексом материальной культуры (традиционные поселения, жилища, утварь, одежда, пища, режим питания) семейный быт включал и социально-духовную сферу. Ее составляли повседневный

уклад традиционных взаимоотношений членов семьи: их положение в семье, права и обязанности по отношению друг к другу; связанная с важнейшими семейными событиями (рождение ребенка, свадьба, похороны, домашние моления) обрядность. Именно в семье осуществлялась передача основных производственно-хозяйственных, а также поведенческих и установочных (ориентационных) навыков, т.е. осуществлялся процесс сохранения и передачи этнокультурной специфики. Эти обстоятельства позволяют выделить семью как своего рода микроэтническую среду в качестве второго важного объекта исследования, органично интегрирующего целый ряд разнородных явлений культуры этноса.

По наблюдениям современников, одинокие, потерявшие свои семьи люди, так же, как и не вступившие еще в брак, обычно не имели ни отдельного жилья, ни тем более собственного хозяйства и жили вместе со своими родственниками, в их семьях. Традиционные формы семейной организации эвенков в XVIII–XX вв. существенно изменились. Изменения коснулись размеров семьи, ее структуры, формы, внутрисемейных отношений, связей с функционировавшими в то время более крупными социальными единицами — хозяйственными кочевыми группами, традиционными генеалогическими родами, административными родами и активно формировавшимися территориальными общинами.

В связи с этим, приступая к рассмотрению бытового уклада, необходимо хотя бы кратко коснуться основных характеристик семьи и их изменений у нерчинских эвенков в XVIII — начале XX в.

4.1. Семейно-бытовой уклад и обрядность

По данным конца XVIII — начала XIX в. семья у нерчинских тунгусов представляла собой группу совместно проживавших и ведущих совместное хозяйство родственников по мужской линии с их женами и детьми. В состав такой семьи или семейной общины входили супруги со своими взрослыми женатыми сыновьями, племянниками и внуками². Семейная община обычно составляла отдельную кочевую группу и характеризовалась общей собственностью на скот и правом пользования постоянными угодьями, прежде всего, зимником.

Обычно «при живом деде или отце, каждый внук или женатый неотделенный сын, имеющие свои особые войлочные юрты, а также и овдовевшие их жены с детьми их, живали совокупно, пользуясь одним и тем же выгоном для их общего скота. И таким образом, одна семья, со-

стоящая из нескольких юрт (от двух до десяти), занимала между другими известное отдельное пространство земли... Такой род жизни ведут и поныне Южно-Байкальские Буряты и Тунгусы, сколько то позволяют новые заселения на уступленных и взятых от них землях»³. Еще в начале XIX в. для кочевых поселений была характерна определенная планировка, при которой «переднюю стоящую к полудню юрту» занимал старший из семейства. Эта юрта выделялась также тем, что перед ней устанавливался коновязный столб — цэргэ — к которому «как домашние, так и все приезжающие спешди с лошади привязывают своих лошадей»⁴.

Процесс разложения данной формы семейной организации в начале XIX в. нашел свое отражение как в статистических материалах, так и в сводах законов нерчинских тунгусов. Обычным правом предусматривался раздел семейных общин, который мог осуществляться как в форме выдела самостоятельных хозяйств семей старший сыновей, так и полного ее раздела в случае смерти главы общины. В качестве наследников выступали, прежде всего, сыновья — прямые потомки по мужской линии — причем приемные дети пользовались равными правами с родными. В число наследников могли быть включены по особому письменному или устному завещанию некоторые из внуков или племянников. Имущество делилось между наследниками поровну⁵. Единственным упомянутым преимуществом одного из наследников было право старшего из сыновей «взять из лучшей оружейности, малой котел и тамгу, если то есть»⁶.

Недостаток источников не позволяет подробно проанализировать процесс разложения семейной общины у нерчинских тунгусов. Можно только предполагать, что по своему содержанию и по хронологическим рубежам он совпадал с аналогичным процессом у забайкальских бурят, прежде всего, агинцев и хоринцев. Исследователями семьи у бурят этот процесс датируется по-разному. По заключению Е.М.Залкинда, отдельная малая семья становится основной формой семейной организации в конце XVIII — начале XIX в. К.Д.Басаева, основываясь на материалах преимущественно по западнобурятской семье, считает, что «...господствующей формой в этот период продолжает оставаться большая патриархальная семья. Только к середине XIX в. ... в связи с интенсивным разложением натурального хозяйства преобладающей формой становится малая семья»⁷.

У нерчинских эвенков в начале XIX в. число семейных общин, составлявших отдельные кочевые группы, было еще довольно велико и они охватывали значительный процент населения: Гуновский род — 47%; Тукчинский —

60,5%; Первудулигарский — 37,8%; Чемчагирский — 49%. По составу они были, как правило, двухпоколенными, и, таким образом, представляли собой не столько семейные общины, сколько неразделенные семьи. Об этом свидетельствуют и данные по максимальным и средним размерам малых, расширенных и неразделенных семей (табл. 13).

Таблица 13*

Формы и численность семьи у нерчинских эвенков

	Малая семья		Расширенная		Неразделенная	
	мах.	ср.вел.	мах.	ср.вел.	мах.	ср.вел.
Гуновский род		5,5	5	5	15	10
Тукчинский род	9	5	12	7,5	21	10
Первудулигарский род	6	4,5	11	9	14	12,5
Чемчагирский род	7	5	6	6	17	6,3

* Вычислено по: ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 2 (именные списки по родам) лл. 3–6; 7–18; 21–31; 32–35; 55–61.

В процентном отношении малые семьи составляли 53% в Гуновском роде, 38% — в Тукчинском, 60% — в Первудулигарском и 38% — в Чимчагирском среди кочевников, и абсолютном преобладали у перешедших к оседлости⁸.

К концу XIX в. эта форма семьи стала преобладающей и у большинства кочевого населения. Обычно такая семья включала родителей с их несовершеннолетними детьми и иногда кого-либо из родственников по мужской линии, не имевших собственной семьи⁹. Каждая брачная пара в составе кочевой группы обычно имела отдельную юрту (само понятие «жениться» означает по-бурятски «обзаводиться юртой»)¹⁰, что и создавало условия для некоторой обособленности их повседневного домохозяйства.

Так, у нерчинских эвенков как и у других центральноазиатских кочевников, прежде всего монголов и бурят, обычно каждая женщина самостоятельно занималась заготовкой топлива для своего жилья, приготовлением пищи, шитьем платья и обуви для своих мужа и детей¹¹. Наиболее трудоемкие из домашних промыслов: катание войлоков, одновременная выделка большого количества кож, выгон тарасуна (алкогольного напитка из кислого молока. — Т.У.), — наряду с основными хозяйственными работами по выпасу скота, выполнялись совместными

усилиями членов семейной общины, составлявшей кочевую группу. Данной форме семейной организации было присуще сочетание общинных и семейных форм труда, что обеспечивало выполнение всех необходимых для ведения натурального кочевого хозяйства работ и делало ее основной производственно-хозяйственной единицей.

Сопоставление источников конца XVIII в. и середины XIX в. показывает, что, несмотря на изменение в размере и составе семьи, в ней устойчиво сохранялись все основные элементы хозяйственно-бытового уклада, т.е. оставались прежними хозяйственные занятия, материальный быт семьи, посезонный и ежедневный распорядки жизни семейного коллектива и распределение основных хозяйственных обязанностей¹². Традиционно сложившаяся в обществе нерчинских эвенков с его уровнем социально-экономического развития система половозрастного разделения труда выступала в качестве первичной и естественной основы семейных взаимоотношений и взаимообязанностей, определявших, помимо этого, также целым рядом общественных норм, в первую очередь брачных.

Первой из них, хотя и неписаной, была строгая экзогамность рода у эвенков, так же как и у их монголоязычных соседей — монголов и бурят, что отмечалось во всех исследованиях, касавшихся вопросов брака и семьи коренного населения Восточного Забайкалья. Она осознавалась как представление о том, что «одного и того же названия племени или колена считаются между собою, все как мужчины, так и женского пола, кровною роднею, до неопределенного времени и навсегда. Они не женятся на невестах и не выходят в замужество за человека одного и того же племени или поколения, считая это непростительным кровосмешением, хотя бы то случилось от первого праотца в сотом колене и далее»¹³. По данным полевых материалов Ю.Янхунена, полученных в 1990—1991 гг. у маньчжурских эвенков-хамниган, предками которых были нерчинские тунгусы, вступление в брак представителей одного рода не запрещалось при условии, что они не состоят в прямом родстве по меньшей мере в трех поколениях. Раньше ограничения распространялись на пять поколений¹⁴.

Заключение браков в условиях экзогамности рода делало их важным средством и своеобразной формой установления и поддержания регулярных межродовых связей, основанных на заключении взаимных браков между представителями определенных родов. Действительно, у коренного населения Восточного Забайкалья, как тунгусов, так и бурят,

считалось предпочтительным «засватывать сыновьям своим невест... чаще из жениной родни». Такие эти «два племени, соединенные взаимно (по-нашему) родством, но только по женитьбе, не считаются и не называются между собою в точном смысле роднею, но только сватовьями худа, а обоюдные тесть, теща, свекор и свекровь хадам, вообще же урук, урукчут, то есть свойственники по женитьбе»¹⁵.

На всех уровнях социальной организация — малая семья — семейная община — род — основная цель и ценность брака определялась одинаково — продолжение рода. С этой традиционной установкой была связана и высокая престижность у кочевого населения Восточного Забайкалья многодетности.

Значимость брака для такого внутривидового подразделения как семейная община определялась, помимо этого, заинтересованностью основного хозяйственного коллектива в достаточной обеспеченности крайне важной в условиях кочевого скотоводства женской рабочей силой (возможность «употреблять невесток своих к вспомоществованию в домашнем хозяйстве своим свекровьям» также выступала в качестве одного из мотивов заключения брака).

Центральное место в брачном праве нерчинских тунгусов занимали нормы, связанные с имущественным обеспечением вновь создаваемой семьи. «Обычай давать по требованию нареченного тестя еще прежде свадьбы скота и прочего...» получил «...название калыма». Общее мнение русских понимает под словом калым цену за отдаваемую от отца в замужество дочь свою и потому вообще думают, что кочующие Буряты, Монголы и Тунгусы дочерей своих женихам будто бы продают»¹⁶.

Однако представителями коренного населения такая практика связывалась с тем, «дабы облегчить расходы обеих сторон, как жениховой, так и невестинной: первого в приготовлении себе для особого сожительства с женой юрты, со всеми домашними к ней принадлежностями, а во-вторых, чтобы не причинить тестевой стороне тягостных убытков в обиду братьев невесты, сват при первом высватывании невесты подносит тестю небольшой подарок, белого цвета платок в знак чистосердечия и по-старинному шкурку животного, и просит в замужество его дочь. При чем договариваются с ним о количестве и звании скотов, сколько и какого рода, нужно ему на исправление цзасал его дочери. Под сим условием разумеется то, что отец невесты обязан к выдаче в замужество своей дочери приготовить и во-первых: всю домашнюю утварь как-то: всякую мебель и постелю без недостатка, во-вторых, заготовить ей весь гарде-

роб впредь на несколько лет, и наконец, в-третьих, готовую юрту со всеми к ней принадлежностями, как только должно войти в полное новоселье без всякого недостатка даже до чашки и ложки. Когда же условятся о количестве и роде сговорного скота, тогда утверждается уже и просватание. И сей-то на исправление (экипировку) невесты получаемый скот, прозванный рассиянами калымом, который по-монгольски собственно называется сговорным скотом»¹⁷.

Зажиточные монголы и буряты, как отмечает автор, «употребивши весь полученный по первому сговору скот на принадлежности невесты, сверх того дают ей еще под именем приданного инчми, смотря по своему состоянию так же скотом»¹⁸. Имущественные взаимоотношения сторон при заключении брака были гораздо сложнее, чем простая уплата выкупа за невесту. Полученный скот был предназначен для обеспечения ее необходимым имуществом, в первую очередь личными вещами — верховой лошадью с полным убором, украшениями, одеждой (согласно монгольскому праву — эти вещи зятю полагалось отдаривать), и, кроме того, жилищем и полным набором домашней утвари (по зафиксированным восточнобурятским обычаям). Кроме того, невеста получала и собственно приданое, в состав которого мог входить скот.

В дальнейшем право обеих сторон, как семьи жениха, так и семьи невесты, на внесенное ими при заключении брака имущество сохранялось, что особенно наглядно проявлялось в случае прекращения брака из-за смерти одного из супругов или при разводе, который предусматривался тунгусским правом, так же как и бурятским.

Развод по инициативе мужа признавался нежелательным, если возраст жены был выше 40 лет и в семье были сыновья. Ограничения для женщин были гораздо более существенными. Хотя ее право на развод признавалось, на практике попытка оставить мужа и вернуться к родственникам рассматривалась как «побег», за который она подвергалась «наказаниям лозами», а родственники обязывались вернуть ее мужу. Разбор обстоятельств дела и принятие какого-либо решения предпринимался в случае повторного побега. Согласно второму списку норм обычного права нерчинских тунгусов, «при безпорочности мужа» жена не могла его оставить¹⁹. В случае развода по инициативе жены необходимо было возвращение калыма семье мужа.

Если развод предпринимался мужем и женщина либо возвращалась к своим родственникам, либо вновь выходила замуж, ей возвращались входившие в состав ее приданого верховой конь, украшения, одеж-

да. Обычным правом предусматривалось даже взыскание с мужа или его родственников этого имущества, если оно было растрчено без согласия женщины²⁰. Права женщины и ее родственников на остальное переданное ей при вступлении в брак имущество (домашние вещи, скот) были гораздо более ограниченными: на вещи, вручавшиеся при определенном обрядовом оформлении, они утрачивались совершенно, другие могли быть возвращены по иску. «Буде кто после надельного и уговорного калыма, кроме приданого, при приезде в гости к зятю с дочерью, даст скота клейменого, или вещей, или платья и что бы то ни было, а после оное захочет взять, то должен взять посредством иска. Но если дает всякие мелочи, то не взыскивает. Если же при первоначальном приезде за взятием приданого, приедет с напитками, вином и пр. и тёлоем, почетным кушаньем, состоящим из головы скотины, и тогда даст сверх надельного скота сколько бы то ни было, то того после ему уже не требовать и не искать»²¹.

Таким образом, основная часть приданого оставалась в семье мужа и по отношению к этому имуществу женщина имела лишь право пользования. При широкой общественной значимости брака, его тесной связи с функционированием крупных социальных единиц, он, естественно, не мог выступать в качестве частного индивидуализированного соглашения, что и нашло отражение в практике заключения браков, их правовом и обрядовом оформлении.

При традиционных взаимоотношениях сторон, представители которых вступали в брак, логичными и естественными были такие его формы, когда «женятся два родных брата на двух родных сестрах, но только из другого племени; два свата берут за своих сыновей в замужество двух девок один от другого на обмен, что и называется у них андалаху. Сему и тому подобные браки свершаются у них очень часто»²².

Кроме этого были распространены левиратные браки, хотя их заключение не рассматривалось уже как обязательное. «Ежели овдовевшая жена не пожелает замуж идти..., то ей с мужниными пожитками и детьми, не принуждая идти замуж, жить невозбранно дозволяется; когда же пожелает идти замуж, то должна идти за мужниных, кому принадлежит, родственников; а когда она за тех родственников в замужество идти не пожелает, а пожелает выдти за постороннего, то в таком случае, передается того роду старшинам на размотрение, как они присудят»²³. Рассмотренное брачное право, обусловленное характером общественных

отношений, наглядно определяло различие в имущественном и правовом положении супругов.

Регламентация взаимоотношений между другими членами семьи также нашла отражение в тунгусских кодексах. Полым распорядителем практически всего семейного имущества являлся глава семьи, обычно старший мужчина. Кроме того, у нерчинских тунгусов «отец в семье почитается старшим и имеет в совершенном послушании жен и детей, которых к отвращению от зла или при непослушании телесно наказывает»²⁴.

После раздела семейной общины имущественные обязательства признавались только между самыми близкими родственниками: родители и дети; братья. Так, пришедшие в бедность родители с малолетними детьми имели право «пропитываться» у своих прежде отделенных сыновей, «...и те большие братья от меньших за то прокормление отца и матери ничего требовать не могут, а притом, совокупясь, должны еще тем безженным и бездомным малым братьям своим доставить дома, скот и жен»²⁵.

Обычным правом предусматривалось не только материальное обеспечение родителей всем необходимым, но и особо почтительное отношение к ним. «Изобидивший» отца или мать словами или побоями подвергался публичному телесному наказанию «...плетью, жестоко»²⁶.

Складывание различий в семейной обрядности по группам нерчинских эвенков было тесно связано с различиями их семейно-бытового уклада в целом. Кроме этого, они дополнялись религиозными различиями. Население Урульгинской степной думы, переходившее к оседлому образу жизни, обычно принимало христианство; религиозным верованиям и культовой практике кочевого населения был свойственен ламаистско-шаманистский синкретизм. Обычно по инородным управам отчетливо прослеживается соответствие численности оседлого населения численности христиан, с одной стороны, и кочевого — численности ламаистов и шаманистов — с другой.

Хотя семейная обрядность включает как религиозные элементы, так и нерелигиозные, она в большей степени, чем другие стороны семейного быта — хозяйственная, правовая — регламентировалась религиозными нормами. Так, принявшие христианство нерчинские оседлые тунгусы обычно воспринимали и предписанные церковью официальные обряды и в этом отношении, как отмечалось авторами XIX в., не отличались от русского населения края.

У кочевого населения Урульгинской степной думы сохранялась традиционная семейная обрядность. Однако и она характеризуется очень обобщенно: обычно источники XIX в. просто отмечают полное ее сходство с традиционной обрядностью монголоязычного населения Забайкалья — бурят, прежде всего, агинцев и хоринцев, и монголов.

Таким образом, имеющиеся материалы дают основания для характеристики данной сферы духовной культуры рассматриваемой эвенкийской группы только на наиболее общем уровне — определении ее типологической принадлежности к более широкому кругу аналогичных явлений, и почти не представляют возможностей для выявления особенностей, присущих только нерчинским эвенкам.

Обрядность при рождении детей, судя по имеющимся материалам, была очень простой. В конце XVIII в. у нерчинских тунгусов «...при рождении сына или дочери, отец созывает своих приятелей и с ними пиршествует, подчивая их мясом, саранюю, чаем, и, если случится, из молока гнатым вином. Буде в близи есть Лама, то его призывают. Сей над родильницею читает молитвы и дает самопроизвольно родившемуся младенцу имя; буде же в близости Ламы нет, то имя дает один из старших в улусе, причем также как и Лама следует своей воле»²⁷. Такой порядок празднования рождения детей устойчиво сохранялся на протяжении XIX в. как у тунгусов, так и у бурят²⁸.

Наиболее полное описание свадьбы у нерчинских тунгусов относится к XVIII в. По сообщению современника, «...женитьбы их так же без больших хлопот бывают. Принявший намерение жениться, заметя себе невесту, посылает к ее родственникам свата, который привезя с собой чай отдает хозяйке варить, и потом с домашними напившись начинает предлагать посольства своего причины, соблюдая при том обыкновенное при сватовстве разхваливание жениха. Ежели отец и мать не согласны выдать свою дочь, то короткий отказ прерывает все жениховы намерения. Ежели же сочтут жениха достойным быть в их родстве, то дают слово и договариваются о калыме, то есть выкупе невесты лошадьми, баранами и рогатым скотом. С сим договором возвращается сват, а потом отцы жениха и невесты или и сам жених утверждают калым, и сим оканчивается сватовство. В назначенный для свадьбы день отдает жених по договору часть или и весь калым; друзья и родственники дарят скотом для брачного пиршества, к которому собранные гости садятся в юртах и вне оных рядами обще с женихом, пьют чай, вино, молоко, едят вареные разные мяса и прочее, что случится; подчивают же выбранные к тому

молодые люди; после чего жених берет невесту и уводит с своим поездом домой, где также пьют и едят, и сим оканчиваются все их свадебные обряды»²⁹. Приведенное описание обычного порядка заключения и празднования брака практически не содержит упоминаний о собственно обрядах — традиционных символических действиях религиозного и нерелигиозного содержания.

Сопоставление приведенного описания с более поздними материалами как по нерчинским тунгусам, так и по восточно-забайкальским бурятам показывает, что заключение и празднование брака у кочевого населения Урульгинской степной думы характеризовались устойчивой преемственностью традиционных форм и практически их полным совпадением с аналогичными моментами бурятской свадьбы³⁰. Учитывая также одинаковые религиозные верования как бурят, так и нерчинских эвенков (ламаистско-шаманистский синкретизм), можно предполагать сходство у них и собственно свадебной обрядности и привлекать гораздо более обширные материалы по бурятам для реконструкции, хотя бы в общих чертах, и анализа основных свадебных обрядов у нерчинских эвенков.

Центральным обрядовым действием при заключении брака, как отмечается исследователями бурятской свадьбы, считалось поклонение невесты, включавшее поклонение онгонам (духам-покровителям) семьи жениха, родителям жениха и его старшим родственникам, поклонение домашнему очагу. Обряд заканчивался одариванием невесты родственниками жениха³¹. Основное содержание обрядового оформления брака составляло не столько санкционирование создания новой семьи, сколько приобщение женщины к хозяйственной жизни, людям, духам-покровителям нового семейного коллектива, а через него — и ко всему роду мужа. Приобщение к новой социальной среде осуществлялось сразу на двух уровнях: семьи и более широкого родственного коллектива.

Несмотря на совершение обряда поклонения семейным онгонам, включение женщины в религиозную жизнь коллектива не было полным. В отличие от других членов семьи ей предписывалось особо почтительное отношение к онгонам, с чем были связаны такие ограничения внешне чисто бытового характера, как запрет входить на почетную, мужскую половину юрты³², строгая регламентация костюма замужней женщины.

Наиболее ранние достоверные сведения по погребальной обрядности забайкальских конных тунгусов относятся к концу XVII в. По описанию побывавшего в Забайкалье по дороге в Китай И.Идеса, «когда кто-либо умирает, его закопают в землю с платьем и луком, сверху кладут

камни и воздвигают столб, у которого убивают и кладут его лошадь»³³. Его спутник А.Бранд сообщал в дополнение: «закапывают все ценное, что имел покойный, с ним в могилу. Глубоких стариков они увозят на высокие горы, сжигают и на могиле убивают лучшего коня и сажают на кол»³⁴ (вешают снятую шкуру с головой на вертикально установленный шест. — Т.У.).

Нерчинским эвенкам, а точнее их предкам, авторами конца XVIII — начала XIX в. приписывались древние погребения по рекам Аргунь, Шилка, Онон, Ингода. Согласно описаниям, эти могилы «имели от 5 до 8 футов длины, от трех до четырех ширины, и как из пластов земли, или набросанных гольшей заключить можно, столько глубины; но могилы сии не содержат, подобно Енисейским и Киргизским буграм, драгоценных металлов. Лучшее, что в них сыскаться может, есть обломок ржавого железа; но сей недостаток, сохраняющий могилы от посещения серебрялюбивых рук, награжден удивительным обрядом, обставлявший могилы диким камнем в величайших глыбах. На сие употребляли они слои дровяника, как оные в горах находятся, и обставляли ребром могилы так, что на фут и на два сии нерегулярные пласты камня из земли высунулись. Удивительно при сем то, что камни сии везены во многих местах по десяти и более верст, что и рождает вопрос, как добывали сии камни и каким орудием? Какою силою такие громады к могилам привезены были и какою механикою ворочаны? Нынешние Тунгусские жители здешней окрестности несведомы в том, да и понятие себе сделать не в силах»³⁵.

Однако эти краткие сведения не дают оснований ни для датировки, ни для выяснения каких-либо деталей погребального обряда, а, в конечном итоге, и для выявления этнической принадлежности оставившего эти могильники населения. Вместе с тем следует учесть, что практика заваливания могил камнями отмечена у нерчинских тунгусов и в XVII в., и позднее. Так, по данным конца XVIII в. при похоронах шамана, сохранявших, вероятно, наиболее архаичные традиционные черты, гроб ставили на землю в еще при жизни указанном самим шаманом месте и закладывали камнями³⁶.

Некоторые из отмеченных черт погребального обряда сохранились у нерчинских эвенков и в XIX в. Согласно источнику начала столетия, «...умерших зарывают в том месте, где кто умер, и в том самом платье, какое на нем было, кладут в могилу головою к западу без всяких обрядов. Из богатых некоторые одевают умерших в лучшую одежду, и, вырыв вдали от юрты могилу, погребают во гробе, закрыв оный берестом и

засыпают землей. У могилы убивают любимую лошадь умершего, содрав с оной мешком шкуру с головою, развешивают на дереве, а мясо изрубя бросают собакам и птицам. Поминовение умерших совершают пиршеством, часто посещают могилу, на кою льют рыбной и мясной похлебки, молоко, чай, вино»³⁷.

В середине XIX в. «последователи шаманства» как буряты, так и тунгусы, по свидетельству современников, при похоронах «тела умерших зарывают в землю головою к полудню, убивая близ могилы лучшую лошадь покойного»³⁸.

Похоронам в этот период, как показывает сопоставление материалов по погребальной обрядности тунгусов и бурят, свойственно сочетание элементов, присущих ранее обеим этническим группам. Размещение тела лицом к югу, в отличие от западной ориентировки тунгусов, было характерно для бурят, тогда как погребение в земле было особенностью степных тунгусов, отличавшей данную группу как от ее таежных соплеменников, так и от бурят, традиционной формой захоронения у которых было оставление покойника на поверхности земли³⁹.

У ламаистов, и тунгусов, и бурят, похороны в этот период также совершались одинаково: умершего предавали одной из стихий: земле, воде, огню, воздуху или дереву. Характер захоронения в данном случае определялся ламами на основании того, «...кто родится в каком месяце, означающем имя зверя тот должен и получить погребение сообразно этому, например, родившийся в месяце змеи предается земле, в месяце льва должен быть брошен в лесу. В первом случае кладут умершего на заведенных для того кладбищах в наилучшей собственной его одежде»⁴⁰. В конце XIX в. этот способ погребения стал у ламаистов преобладающим. Принявшие христианство придерживались официального церковного обряда захоронения.

В соответствии с нормами христианства и ламаизма обряды, связанные с важнейшими событиями жизненного цикла, совершались с участием духовенства. Однако полной канонизации семейной обрядности не произошло, и она продолжала сохранять некоторые традиционные элементы, проникновение которых было особенно значительным в ламаистские культовые действия. Так, в ламаистском похоронном обряде было сохранено даже традиционное принесение в жертву коня покойного. Лошадь в этом случае не убивали, а передавали монастырю⁴¹.

У коренного населения Восточного Забайкалья, сохранившего свои традиционные верования (в документальных источниках за ним

закрепилось название «шаманисты», роль служителей культа — шаманов — в рассмотренных выше семейных обрядах была невелика. Главная роль принадлежала им в особой категории обрядов, также носивших семейный характер. Обычно эти ритуалы и у тунгусов, и у бурят были приурочены к лечению больных, отысканию потерянного или украденного имущества, некоторым другим событиям⁴². Обряд, судя по довольно многочисленным его описаниям, включал камлание («шаманство») и жертвоприношение.

Действия шаманов во время камлания у нерчинских тунгусов были аналогичны действиям «братских шаманов». По описанию начала XIX в., «во время шаманства подвергаются они странным телодвижениям, прыгают около огня и в огонь, ножом или боевою стрелою себя прокалывают, от чего и дыры на одежде видны, а на теле раны не показывают, сказывая, что волшебною силою оные залечены»⁴³.

Камлания и тунгусских и бурятских шаманов, по данным первой половины XIX в., сопровождались одинаково совершаемыми жертвоприношениями. У тунгусов «в сим случае Шаман или иногда и сам хозяин назначает род и шерсть животного для жертвоприношения. Они закалывают лошадь, быка, козу или барана, коих мясо употребляется в пищу, а кожу с костями вешают на кол»⁴⁴. У бурят «жертвоприношения... заключаются в заклании разных животных, которые, воздетые потом на высокие шесты, остаются в таком положении на долгое время»⁴⁵. Такой же порядок жертвоприношений сохранялся и в середине XIX в.⁴⁶.

Как в ритуальной, так и в повседневной практике умерщвление животных осуществлялось особым способом, упоминание о котором у нерчинских тунгусов относится к концу XVIII в. «Распарывают ножом барану или иному какому животному между лопатками грудь, и всунув во внутренность руку отрывают сердце, почему вся кровь во внутренности стекает, потом снимают кожу...»⁴⁷. Такой способ ни в обрядовых, ни в обыденных целях не отмечается исследователями ни в одной из эвенкийских групп и вместе с тем совершенно аналогичен установленному порядку забоя животных у непосредственных монголоязычных соседей нерчинских тунгусов — забайкальских бурят, а также и собственно монголов⁴⁸.

Интересной деталью шаманских принадлежностей у конных тунгусов был посох, на котором «вместо набалдашника вырезаны лошадиная и оленья головы»⁴⁹, обнаруживавший несомненное сходство с «конными тростями» бурятских шаманов. При недостатке других данных

сюжет оформления рукоятки может быть истолкован и как возможное указание на постоянные контакты и, может быть, осознание какой-либо общности тунгусов-коневодов и оленеводов; и как вероятное свидетельство прежнего сосуществования обеих отраслей скотоводства в рамках одного хозяйства. Известно также, что у таежных эвенков-олeneводо-в посох использовали при верховой езде на олене.

* * *

Семейно-бытовой уклад нерчинских тунгусов на протяжении XIX в. определялся устойчивым сохранением его производственно-хозяйственной основы — кочевого скотоводства с ведущей ролью в нем мужского труда.

В сфере семейно-правовых отношений также сохранялось преобладание статусов более старших возрастных групп по сравнению с младшими; и мужчин по сравнению с женщинами. Неравнозначность статусов супругов дополнялась обязательным чужеродным происхождением жены по отношению к другим членам семьи, в том числе и своим детям. Однако чужеродное происхождение было основанием для различного рода ограничений сакрального характера: женщина не присутствовала на родовых тайлаганах, ей предписывалось особо почтительное отношение к онгонам семьи мужа. Общественное положение женщины — жены, сестры, дочери — определялось положением мужчины — главы семьи, к которой она принадлежала.

Семейная обрядность нерчинских тунгусов была сходна с обрядностью восточно-забайкальских бурят, особенно агинских, с которыми нередко заключали браки тунгусы Кужертаевской управы.

4.2. Изменение этнического самосознания (по материалам языка и представлениям населения)

Характеристика рассматриваемой группы дополняется сведениями о языке, а также полевыми материалами, отражающими представления населения края об этнической принадлежности. Авторы конца XVIII — начала XIX в. относительно языка нерчинских тунгусов отмечали, что «...язык тунгусский особый и совсем от языка мунгальского отличен»⁵⁰. По наблюдениям, относившимся к 40—50-м годам XIX в., нерчинские тунгусы были уже очень сходны со своими монголоязычными соседями и «...имея с буря-

тами одинаковый образ жизни и одинаковые нравы, отличаются от них только языком да немногими чертами в характере. С первого взгляда Тунгуса и Бурята почти вовсе нельзя различить: тот же очерк лица, тот же костюм, те же приемы, так что до начала разговора вы не узнаете, кто перед вами, Тунгус или Монголо-Бурят. Язык Тунгусов отличен от Бурятского»⁵¹. Известный ученый-филолог М.А.Кастрен, собравший в 1848 г. материалы по говору нерчинских тунгусов, отмечал наличие значительного запаса тунгусской лексики в их языке⁵². Вплоть до конца XX в. в языке современного бурятиязычного населения на территории бывших Кужертаевской и Онгоцонской управ Урульгинской степной думы сохранялись элементы эвенкийской лексики, относящиеся преимущественно к охотничьей терминологии⁵³. Филологами эвенкийский язык на территории Нерчинской Даурии по данным середины XX в. был выделен в особый нерчинский говор восточного наречия⁵⁴.

Согласно полевым этнографическим материалам 1950–1970-х годов, старики-информаторы помнили, что их отцы и деды в прошлом разговаривали между собой на неизвестном молодежи языке. Присутствие эвенкийского элемента в языке некоторых групп современного монголызычного населения южного Забайкалья и северной Монголии было выявлено и венгерским этнологом К.Урай-Кёхальми⁵⁵. Последние исследования в этой области были проведены финским лингвистом Ю.Янхуненом в 1990-х годах. Более подробно его точка зрения будет рассмотрена ниже, в связи с проблемой хамниган.

Выводы лингвистов убедительно подтверждаются данными топонимики Забайкалья. Существует мнение, что эвенкийские названия, распространенные почти по всей территории данного региона, являются реликтовым, остаточным элементом, свидетельствующим о былом более широком ареале обитания тунгусоязычных племен⁵⁶. К востоку от Яблонового хребта тунгусские по происхождению топонимы преобладают в бассейнах Витима, Ингоды, Шилки⁵⁷; к ним в частности относятся названия таких крупных рек как Аргунь, Селенга, Ингода, Ага, Нерча, Чита⁵⁸.

Вместе с тем следует отметить, что на язык забайкальских тунгусов не могли не повлиять длительные и постоянные контакты с монголызычным населением этого региона — собственно монголами и бурятами. Заимствование монгольской лексики, связанной с животноводством, относится, по всей вероятности, к периоду перехода тунгусов от кочевой охоты (возможно уже конной) к пастбищному скотоводству⁵⁹. Дальней-

шая языковая и культурная ассимиляция родов забайкальских тунгусов была связана с образованием межродового хамниганского союза, объединившего в своем составе, предположительно в первой трети XVII столетия, ряд тунгусских, монгольских и бурятских групп. Завершение формирования этого союза относится лишь к концу первой трети XVIII в.⁶⁰.

Позднее, в начале XIX в., некоторые из монгольских по происхождению родов, входивших ранее в хамниганский союз, были административно включены в состав тунгусской Урульгинской думы. В Кужертаевскую управу вошли Узонский, Тукчинский и Гуновский роды, в Онгоцонскую — Сартоцкий, в Урульгинскую — Мунгальский, в Шундуинскую — Улятский⁶¹, что сказалось на дальнейшем этническом развитии населения этих управ. Иркутский губернский переводчик А.В.Игумнов в объяснениях к сводам обычного права селенгинских и хоринских бурят и нерчинских тунгусов сообщал в 1823 г., что «...монгольскую грамоту имеют буряты и нерчинские тунгусы, составляющие общество из 15 родов, из коих 13 оставляя свой природный Маньчжурско-тунгусский язык, говорят уже монгольским наречием, потому что в числе их находятся два племени (рода) узценов и тукчинов, кои суть действительные монгольцы и которые ввели употребление монгольской грамоты и между прочими того же общества тунгусскими племенами»⁶².

О.М.Ковалевский, побывавший в 1828 г. у тунгусов Онгоцонской и Кужертаевской управ, отмечал, что «...теперь весьма трудно найти здесь Тунгуза, знающего по-Тунгузски. Водворенный Монгольский язык у Тунгузов занимает середину между Цонгольским и Хоринским наречием, не имея чистоты и правильности первого, но и не искажен, как последнее»⁶³.

Однако уже с середины XVIII в. ведущая роль в дальнейших изменениях языка забайкальских тунгусов переходит от монгольского языка к бурятскому и русскому. Это было естественным результатом включения Забайкалья в состав Русского государства (1656) и последующего пограничного размежевания (Буринский договор 1727 г.), предусматривавшего прекращение дальнейшего переселения на территорию России кочевого монгольского населения. В связи с хозяйственным освоением региона в XVIII в. здесь быстро увеличилась численность русских и бурят. В зависимости от преобладающих контактов с тем или иным иноязычным населением, по всей вероятности, уже к началу XIX в. разные территориальные группы нерчинских тунгусов имели некоторые различия в языке. Этот факт отчасти иллюстрируется данными по антропони-

мии населения Урульгинской степной думы по родовым именным спискам, составленным в 1823 г.

Так, например, у крестившихся тунгусов Первоудлигарского рода (вошедшего в Оловскую, Маньковскую и небольшой своей частью в Урульгинскую управы) полностью преобладали русские антропони́мы, причем это касалось как имен, так и фамилий принявших крещение. В 15 семьях традиционные имена сохранились лишь у двух представителей старшего поколения (70 и 60 лет к моменту переписи)⁶⁴. Сведения по некрещеным тунгусам более точно отражают антропонимическую ситуацию. Антропонимия этой группы из 25 семей очень пестра: фамилии образованы по образцу русских, но основа их, вероятно, монгольская — Гунжелтуев, Ширалдаев, Ориченев, Капчилтуев, Кунцунаев. Состав имен даже в пределах одной семьи смешанный. Например, у Власа Назарова и его жены Арины дети Мишка, Аниска, Мунжима; члены другой семьи Назаровых носят имена Нестор, Авдотья, Буянчи, Матрена; у Кондратия Мишкина братья Долинжит, Буянчи и Данила, мать — Шолчи, сестра — Татьяна (также звали и жену), сын Ванюшка⁶⁵. Лишь четыре семьи однородны по составу имен, причем в трех из них все члены семьи носили русские имена и лишь в одной они были связаны с языком коренного населения.

Совершенно иным было положение в родах нерчинских тунгусов, вошедших в Кужертаевскую управу. Русские имена совершенно не употреблялись не только в Сартоцком и Гуновском родах (вероятно, монгольских по происхождению), но и в тунгусском Чемчагирском роде⁶⁶.

Влияние бурятского языка в различных тунгусских территориальных группах также было неравномерным. Так, М.А.Кастрен, исследовавший язык нерчинских тунгусов в 1848 г., отмечал, в частности, по поводу урульгинского говора, что он уже «несколько обурятился»⁶⁷.

Отмеченные различия в языке отдельных групп нерчинских тунгусов сохранились до конца XIX в. в условиях постепенного перехода тунгусского населения региона на русский и бурятский языки (см. таб. 14).

Таблица 14*

Разговорный язык населения Урульгинской думы

Урульгинская степная дума (по управам)	Численность населения, говорящего по:							
	эвенкийски		монгольски		бурятски		русски	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Оловская	12	0,2	-	-	9	0,1	7034	99,7

Урульгинская	12	0,3	355	11,3	251	7,9	2533	80,5
Шундуинская	-	-	-	-	919	28,9	2263	71,1
Маньковская	1820	30	-	-	36	0,6	4204	69,4
Кужиртаевская	-	-	1460	62,5	328	14	546	23,4
Онгоцонская	-	-	2080	85,8	98	4	248	10,2
Итого:	1844	8	3895	15,8	1641	7	16833	69,2

* Таблица составлена по: Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. – СПб., 1906. – Ч.1. – Вып.2. – С.183–185, 192.

Одной из форм такого перехода было, в частности, использование оседлыми тунгусами двух или даже трех разговорных языков⁶⁸. Окончательное завершение процесса языковой ассимиляции нерчинских тунгусов относилось, вероятно, уже к 80–90-м годам XX столетия. В 1970 г. на рассматриваемой территории лишь 32 человека указало эвенкийский язык в качестве родного, а говор в прошлом монголоязычного населения на территории бывших Кужиртаевской и Онгоцонской управ стал бурятским диалектом⁶⁹.

Сведения о языке, как уже было отмечено, могут быть использованы не только для определения лингвистической принадлежности населения, но и принадлежности этнической. Так, например, для авторов первой половины XIX в. применительно к рассматриваемому региону эти понятия практически совпадали. Кроме того, один из разделов ономастики любого языка — этнонимия — является своего рода формализацией представлений об этнической принадлежности. Известные к настоящему времени многочисленные названия эвенков, как всего народа в целом, так и отдельных территориальных групп, крайне разнообразны; некоторые из них имеют чисто этнический характер, другие — производные от их важнейших занятий или мест расселения; кроме того они могут относиться к стадийно и таксономически разным типам эвенкийских этнических общностей. Дальнейшая обработка накопленного и частично уже проанализированного материала по этнонимии эвенков представляется очень перспективной.

В момент проникновения в Забайкалье первых русских землепроходцев наименьшей таксономической единицей, имевшей самоназвание, у коренного населения — как тунгусов, так и бурят — был род. Обычно его название велось от «...одного известного имени праотца... и каждый одного и того же племени, колена, фамилии, в обширном смысле, человек прозывается одною и тою же фамилией, прибавляемой к его собственному имени и родного его отца имени»⁷⁰. Эти родовые названия, в

большей или меньшей степени искаженные, были восприняты русскими. По мере социально-экономической трансформации тунгусского общества в XVIII–XIX вв. эта своеобразная система микроэтнонимов все более приобретала характер административно-территориальной номенклатуры.

Однако кроме многочисленных названий сравнительно небольших родовых групп существовали и более общие понятия как в системе самоназваний, так и в названиях эвенков, данных им соседями. В Забайкалье к числу таких наименований, бытовавших среди русского населения с середины XVII в., вплоть до первых десятилетий XX в., относились этнонимы «орочены» и «тунгусы»⁷¹. По отношению к населению Урульгинской степной думы использовали только последний из них. Правда, употребление этого названия за рассматриваемый период претерпело значительные изменения. Так, если в административных документах XVII–XVIII вв. и в литературе второй половины XVIII – первой половины XIX вв. названием «тунгус» обозначали часть коренного населения Забайкалья, то на рубеже XIX–XX вв. оно было связано, главным образом, с закрепившейся административной практикой и относилось только к населению Урульгинской степной думы. Именно в этом значении оно широко употреблялось в различного рода документации: отчетах, рапортах, данных переписи и т.п.

С.К.Патканов по этому поводу писал: «Принадлежность у тунгусскому племени зиждется у них (у населения Урульгинской степной думы. – Т.У.) лишь на различии в сословиях. Достаточно уничтожить условное деление жителей Сибири на сословные группы, и вся масса обруселых инородцев, в нашем случае половина всего тунгусского народа даже по имени станет русской»⁷². Этот вывод нашел полное подтверждение в материалах переписи 1926 г., отразившей «внезапное исчезновение» тунгусов в Забайкалье.

В бытовой повседневной практике как коренного, так и русского населения на рубеже XIX–XX вв. сфера употребления этого этнонима в прежнем его смысле значительно сузилась. Судя по сообщениям информаторов, так называли только кочевых эвенков, отличая их тем самым от бурят: «Тунгусы – особый народ, кочевой. От бурят они отличались языком, друг друга не понимали. Тунгусы и по-русски хорошо говорили. Бурят здесь не было, они жили ближе к Борзе, начиная от деревни Озерной» (Писарева Д.В., 1902 г.р., русская, с. Кутутай); «Раньше в наших местах жили инородцы и кочевые тунгусы, на вид они маленько порусее

бурят, язык у них — свой. Буряты и орохоны здесь не кочевали» (Безъязыков М.П., 1894 г.р., русский, с. Шоноктуй); «Тунгусы и буряты друг от друга мало отличались, но до 30-х годов народ подразделялся крепко. Тунгусы не любили, когда их так называли, считали правильным свое название — эвенк» (Вазаев И.С., 1920 г.р., русский, с. Нарын-Талача)⁷³.

Применительно же к оседлому населению Урульгинской степной думы название тунгус в значительной степени было вытеснено введенным Уставом об управлении инородцев в Сибири (1822) термином «иноходец». Так, по сообщениям информаторов, в ряде совместных поселений русских крестьян и казаков с коренным населением — села Бургень, Средняя-Талача, Урульга, Карымская — существовали крестьянский и «инородческий» концы⁷⁴. У старшего поколения современного населения этой территории сохранились воспоминания о прежней принадлежности тех или иных семей к казакам, крестьянам и инородцам. В Бургени, например, к первой из этих групп причисляют Юдиных, Жеребцовых, Попковых, Перфильевых; к последней — Глобоковых, Мининных, Носовых, Шавровых. В Верхней Талаче помнят свою принадлежность в прошлом к инородцам Золотухины; в селе Гирюнинском — Фалилеевы; в Маньково к ним принадлежали Эповы, Александровы, Тюкавкины, Шамелины, Пляскины, Раменские, Таскины⁷⁵.

Представления об этнической принадлежности «инородцев» отличались крайней пестротой и неопределенностью. В большинстве своем сами они считали себя русскими: «Иноходцы — русские, которые не казаки и не крестьяне» (Безъязыков М.П.); «Жили так же, как и русские, состарился русским» (Ковригин П.И., 1904 г.р., русский, с. Маньково); «Иноходцы от крестьян почти не отличались, только на службу их не брали, как и тунгусов» (Золотухин М.И., 1892 г.р., «здешний, из инородцев», с. Верхняя Талача); «Здешние жители назывались ясаки, ясаки были русские; в соседних казачьих деревнях их дразнили тунгусами» (Фалилеев Г.Г., 1899 г.р., русский, с. Гирюнинское)⁷⁶. Вместе с тем у них сохранились некоторые представления о связи по происхождению с коренным населением: «Старики рассказывали, что наш народ был от тунгусов и русских, народ смешанный» (Тюкавкин И.Я., 1912 г.р., русский, с. Маньково); «Иноходцев называли тунгусами, они произошли от бурят» (Тюкавкин М.С., 1907 г.р., русский, с. Маньково); «Здешние жители — иноходцы — почти все перерожденцы из тунгусов» (Тюкавкин А.Т., 1914 г.р., русский, с. Шоноктуй); «...коренные урульжане помнят в дедах или прадедах тунгуса. Сергей Стуков — кровный урульжанин; пра-

дед его со стороны отца — бурят, жена, по происхождению тунгуска, родом из Талачей; сосед Стуковых Фомин — “очень из тунгусов”. Яков Дмитриевич Золтухин (1868 г.р.) родом из Талачей, в Урульгу “выкочевал” годах в 1890-х, дед у него русский, “прадед — выкрест”, в предках — тунгусы Бавидины»⁷⁷.

Аналогичные представления были распространены и у местного русского населения: «Инородцы были тунгусами. Бурят крестили и давали им название тунгус» (Полякова П.О., 1898 г.р., русская, с. Бургень); «Инородцы — тунгусы, крещенные буряты, говорили, однако, по-русски. На лицо похожи на бурят, но они русские» (Юдина А.Р., 1908 г.р., русская, с. Бургень); «Инородцы произошли от тунгусов — они не отличались от бурят, но жили как русские» (Сутурин И.Д., 1903 г.р., русский, с. Нарын-Талача (с 1918 г.); «Инородцы — и не буряты, и не русские, и от тунгусов отличались, и к русским еще не пристали» (Вазаев И.С.); «Раньше говорили, что тунгусы, от которых пошли инородцы — народ коренной, здешний. Это и не буряты, и не русские. В армию их не брали, платили они не общий налог, а ясак, подчинялись князю Гантимурову» (Галанчеев А.А.); «Инородцы от русских не отличались, только в армии не служили» (Ярославцева В.И., 1911 г.р., русская, с. Шаранча)⁷⁸.

Как показывают приведенные полевые материалы, в конце XIX — начале XX в. наиболее распространенным названием, да и самоназванием, оседлого населения ведомства Урульгинской степной думы стало «инородцы», воспринимавшееся местными жителями как обозначение одной из сословных групп русского населения края, связанной, правда, по своему происхождению с коренным, здешним народом — тунгусами. Последнее название употреблялось оседлым земледельческим населением — как русскими крестьянами, так и урульгинскими инородцами — главным образом по отношению к кочевому населению Урульгинской степной думы, именовавшему себя эвенками и хамниганами.

История последнего из упомянутых названий не менее динамична. Предполагается, что первоначально оно относилось к этнически неоднородному союзу родов — эвенкийских, монгольских, бурятских — образование которого относят к началу XVII в.⁷⁹ По данным литературы, в конце XVIII — начале XIX в. применительно к эвенкам Забайкалья, его употребляли как их монголоязычные соседи — монголы и буряты, так и сами эвенки в качестве самоназвания наряду с более общими — «Донки или Оивенки», «Евоены или просто люди: Боие или Бойо»⁸⁰.

В использовании этого этнонима в конце XIX — начале XX в. произошли значительные изменения. На территории бывших Урульгинской и Маньковской управ, судя по сообщениям информаторов, он был неизвестен русскому населению, утрачен эвенками, перешедшими к оседлому образу жизни и сохранился как самоназвание лишь в некоторых кочевых группах, имевших постоянные контакты с бурятским населением. У шилкинских и талачинских эвенков — сёла Делюн, Нижний Стан, Верхняя Хила, Вершино-Дарасун (Шилковского района), Средняя-, Нижняя-, Нарын-Талача (Карымского района) — два названия довольно причудливо были объединены в одном — «тунгус из рода хамниганов». «Они говорили по-эвенкийски, но вместе с тем хорошо понимали бурятский язык. Степные буряты, которые жили рядом, считали хамниган своим народом, эвенки — тоже своим. На обоих языках хамниган значит «лесной человек» (Намоконов С.Д., 1900 г.р., эвенк, с. Делюн)⁸¹. «Мы, тунгусы, хамниганы и есть. Старики разговаривали по-орочонски, а мы говорим по-бурятски» (Носова М.Н., 1890 г.р., тунгуска, род. с. Бургень, с 1930 г. с. Нарын-Талача)⁸².

Зато на территории бывшей Кужертаевской управы это название сохранилось до настоящего времени. На рубеже XIX—XX вв. оно относилось к целому ряду обособленных друг от друга групп забайкальского населения. По сообщениям информаторов, «...в районе горячих вод около Былыры (Кыренского района) есть падь Бырца, где впервые обосновались хамниганы. В Кужертае, Тарбагатае, Узоне хамниганы говорят на другом языке, чем те, которые живут в Бырце. В Селенгинском районе живут хамниганы-сонголы; под Нерчинском — талачинские хамниганы. У них другое наречие, чем у ононских хамниганов» (Бамбарянов Дашибал, 1889 г.р., бурят, с. Зуткулей); «Хамниганы жили по Онону (Акшинский, Кыренский районы), язык тех хамниган гораздо ближе к монгольскому, чем у токчинцев» (Бадмаев Гамбожап, 1913 г.р., бурят, с. Токчин); «Джидинские сонголы — тоже хамниганы: они и сами себя так зовут, и буряты их так называют. Язык у них, как и у здешних ононских хамниганов, схож с монгольским» (Цыденов Доржа, 1901 г.р., бурят, с. Чиндалей); «Нерчинско-шилкинские хамниганы, говорят, из тунгусов, непосредственно из ведомства Гантимурова. Недавно (в 1960-х годах) они прикочевали в Могойтуйский район Агинского Бурятского автономного округа (сс. Зугалай, Хара-Шибирь). По Онону от Алтана до Гуней жили онон-кыренские хамниганы. Они отличались от бурят даже по характеру — очень вспыльчивые, активные, восприимчивые, похожи на

монголов» (Дашицыренов Тобо, 1923 г.р., бурят, с.Чиндалей)⁸³. Говоры всех этих групп, при отмеченных различиях, обнаруживали сходство с монгольским языком, а сами группы считались монгольскими по происхождению.

Иным было значение данного названия в исторических преданиях как самих хамниган (ононской группы), так и их соседей бурят. В более древней традиции о хамниганах сохранилось представление как о едином народе 15 родов, коренных, местных жителей, расселявшихся некогда вдоль всего Онона до Нерчинска. В историографии существует мнение относительно тождества хамниганов бурятских преданий с Забайкальскими эвенками, хотя эта версия нуждается в дополнительной разработке⁸⁴.

Одно из объяснений возникновения, распространения и дальнейшего употребления этнонима «хамниган» предложено К.Урай-Кёхальми. По ее версии «...Все роды и племена, которые относились к хамниганскому союзу, независимо от своего происхождения и официально, и в обиходе причислялись к тунгусам. Это называлось *Qamniyan*, что означало член забайкальского племени пограничников, находящийся под командованием тунгусов, или «забайкальский тунгус». Большая часть забайкальских эвенков, а также эвенков, контактировавших с монголами и хоринскими бурятами, язык которых лег в основу бурятского литературного языка, относились к хамниганскому союзу. В связи с этим становится понятным, что это слово в дальнейшем стало употребляться для названия других эвенков со значением «эвенки вообще»⁸⁵.

Новейшие данные по хамниганам, включая полевые материалы, собранные в начале 1990-х годов на территории их проживания в Китае, позволили финскому лингвисту Ю.Янхунену предложить детальную и, как представляется, на сегодняшний день наиболее убедительную этнолингвистическую версию исторического развития этой группы. В исследовании, посвященном языкам Маньчжурии в современном Китае, автор относит хамниганский язык к особой группе монгольских языков, для которых характерны крайне архаичные черты. По мнению автора, ареал его формирования расположен в верховьях Амура, в бассейнах рек Онон, Борзя, Аргунь. После установления Российско-Китайской границы (1689) хамниганы оказались на территории современных России и Монголии. По оценке Ю.Янхунена, потомки хамниган к концу XX в. едва ли достигают численности в 5 тыс. человек⁸⁶.

На территории Северной Монголии язык хамниган поглощен халхаским диалектом монгольского языка, хотя у представителей старшего поколения еще прослеживаются особенности речи, связанные с хамниганским происхождением.

В России, на территории Восточного Забайкалья, где хамниганы длительное время проживали среди численно преобладавших русских и бурят, выявлено два диалекта их языка — урульгинский и маньковский. К началу 1990-х годов ими владели лишь отдельные представители старших возрастных групп. Практически к этому времени потомки хамниган утратили язык, перейдя на русский или бурятский.

Только на территории Китая, как установил в результате полевых исследований Ю.Янхунен, язык хамниган сохраняется у потомков эмигрантов, переселившихся сюда из России в 1918—1932 гг. Среди маньчжурских хамниган в 1990-х годах сохранялась фамилия Сухановы, связанная с исторической Сухановой слободой, названной в честь протоиерея Кирилла Суханова. Вместе с тем представители семьи Сухановых помнят и о своей родовой принадлежности к роду Дулигат (Namnaagid-Duligaad)⁸⁷. Петр Семенович Суханов в конце XX в. оставался единственным хранителем и исполнителем устного фольклора хамниган. Единственный в Китае хамниган-филолог с университетским образованием Николай Петрович Видулов является знатоком разнообразных локальных языков и диалектов хамниган.

Две группы хамниган проживают на территории Эвенкийского автономного района. Большая из этих групп насчитывает около 1500 человек. Среди них широко распространен хамниганский монгольский — хамниганский эвенкийский билингвизм. Официально население относится к эвенкийскому национальному меньшинству. Языком межнационального общения служит монгольский и постепенно исчезающий русский язык. Язык маньчжурских хамниган-эвенков подразделяется на два диалекта. С социолингвистической точки зрения важно подчеркнуть, что сами хамниганы различают эти диалекты. Четко различающиеся, диалекты, вместе с тем, совершенно взаимопонимаемы не только среди хамниган, но и в общении с другими эвенкоговорящими группами населения Маньчжурии.

Сохранение диалектов одного из двух родных языков крошечной этнической группы могло бы показаться удивительным, если не учитывать особенности бытования этих языков. Эвенкийский язык маньчжурских хамниган — исключительно язык внутрисемейного общения. Для

общения вне семьи используется монгольский хамниганский или иностранный. Монгольский хамниганский, напротив, характеризуется гомогенностью, отсутствием каких-либо значительных различий⁸⁸.

Для молодежи выбор того или иного диалекта эвенкийского хамниганского связан исключительно с традициями семьи. Старшее поколение связывает различия диалектов с их географическим местом происхождения. Носители одного из диалектов — выходцы из бассейна реки Верхняя Борзя, другого — реки Урулюнгуй. Как обращает внимание автор, обе эти небольшие речки являются притоками реки Аргунь, и их устья отстоят друг от друга едва ли на 20 км.

Для реконструкции этнической истории Забайкалья, как подчеркивает Ю.Янхунен, важное значение имеет не просто разграничение монголов и эвенков, а множества групп одних и других. Учитывая, что этническая история — это не просто история родов и их миграций, но, что гораздо более важно, история языковых коммуникаций, автор выделил несколько этапов развития этнической истории хамниган.

На первой стадии произошло отделение северо-восточной группы носителей монгольского языка от основного монгольского массива. Крайне архаичный язык этой группы и составил основу хамниганского монгольского языка. Развиваясь в относительной изоляции, он не получил тех инноваций, которые характерны, например, для халха или бурятского языков. Хамниганский монгольский язык развивался во взаимодействии с языком северных соседей, носителей северо-тунгусских языков эвенкийского типа⁸⁹.

На втором этапе происходила диалектная дифференциация обоих языков, связанная с географической диффузией их носителей. В то время эвенкийский язык получил широкое распространение в Сибири и Маньчжурии, приобретя разнообразные региональные формы. Хамниганы-монголы остались в Забайкалье, где у них и сформировались два диалекта. Эти диалекты взаимодействовали с двумя забайкальскими диалектами эвенков, вероятных предков более поздних маньковских и урульгинских «тунгусов». Каждый из четырех диалектов испытывал влияние монгольских языков, причем монгольские инновации в каждом случае имели различное происхождение.

На третьем этапе получил широкое распространение билингвизм на основе диалектов монгольского и эвенкийского хамниганского языков. Образовавшееся смешанное население и составило основу хамниганского этноса. Лингвистически это были хамниганы — монголы и

эвенки, а с точки зрения историко-культурной принадлежности они относились к сообществу «конных тунгусов». По мнению автора, собственно эвенкоязычные (монолингвы) «конные тунгусы» не входили в состав хамниган.

На четвертом этапе под воздействием внешних сил, прежде всего колониальной политики Китая и России, часть хамниганского этноса была рассеяна и переселилась из Забайкалья, с территории своего формирования, в соседние регионы Монголии и Маньчжурии. В новых условиях билингвизм хамниган существенно изменился. Оба диалекта эвенкийского хамниганского сохранились, а монгольский хамниганский сохранился только в варианте урульгинского типа.

Сохранение в Маньчжурии обоих диалектов эвенкийского хамниганского языка тем более удивительно, что в Забайкалье он начал исчезать уже к концу XVIII в. (по данным Палласа). Показательно, что в начале XX в. Патканов зарегистрировал наибольшие показатели численности эвенкоязычных именно в тех группах «тунгусов», которые, наиболее вероятно, и стали предками современных маньчжурских хамниган-эвенков. На территории России эвенкийский хамниганский, а также диалекты, на которых когда-либо говорили хамниганы-монголы, исчезли уже к началу 1970-х годов, по заключению Ю.Янхунена⁹⁰.

Выяснить, на каком языке и диалекте говорил каждый из родов хамниган до распространения билингвизма, на основании доступных сегодня данных едва ли возможно. Для реконструкции этой сложной картины большой интерес представляют диалектологические характеристики и анализ хамниганских эвенкийского и монгольского языков.

Таким образом на языке, функционировании системы этнонимов и представлениях об этнической принадлежности нерчинских тунгусов, входивших в XIX — начале XX в. в состав Урульгинской степной думы, а в XVII—XVIII вв. — в хамниганский союз, отразились протекавшие в данном регионе сложные этнические процессы. На основании приведенных материалов можно предположить, что для времени образования и окончательного складывания родового хамниганского союза (первая треть XVII — первая треть XVIII в.) наибольшей интенсивностью отличались монголо-эвенкийские контакты, имевшие характер языковых и культурных взаимовлияний. Однако полной консолидации монгольских и эвенкийских родов, вошедших в хамниганский союз, не произошло и на протяжении всего существования он оставался конгломератом неоднородных по этнической принадлежности групп, каждая из которых в

дальнейшем развивалась самостоятельно, сохранив, однако, в виде этнонима обозначение прежней к нему принадлежности.

Этническое развитие отдельных территориальных групп нерчинских тунгусов, вероятно, уже с середины XVIII в., определялось в зависимости от преобладания контактов со сформировавшимся в крае русским и бурятским населением. Можно отметить при этом, что эвенкийская часть нерчинских тунгусов была ассимилирована, в основном, русскими, причем этот процесс завершился раньше (к концу XIX — началу XX в.), чем бурятизация монголоязычного населения Урульгинской степной думы, продолжавшаяся до 1980-х годов XX столетия.

Примечания

1. Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. — Улан-Удэ, 1972. — С.52.
2. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л.412.
3. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л. 421.
4. Там же. Л.412.
5. Самосквасов Д.Я. Обычное право сибирских инородцев. Обычаи тунгусов ведомства Гантимурова. Ст.24. С.49; Обычаи Нерчинских тунгусов. Ст.18. С.29.
6. Там же. Обычаи тунгусов ведомства Гантимурова. Ст.31. С.51.
7. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят... С.154—196.; Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. — Новосибирск, 1980. — С.10.
8. Вычислено по: ГАЧО, ф.55, оп.2, д.2 (именные списки по родам) лл.3—6; 7—18; 21—31; 32—35; 55—61.
9. РГИА, ф.1290, оп.6, д.401, № 553—583; д.403, № 927—958; д.404, № 847—899; д.407, № 995—1021; д.408, № 863—888.
10. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. — Новосибирск, 1980. — С.23.
11. О тунгусах вообще. С.303, 315.
12. О забайкальских тунгусах. С.317; Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.40; Ковалевский О.М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. Казань, 1829. — Ч.27. — Кн.11—12. — С.211.
13. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л.419.
14. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki — Helsinki, 1991. — P.10 — (Castrenianumin toimitteita 41).
15. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л.420.
16. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л.421.
17. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, лл.423, 423об.

18. Там же. л.425об.; Определенное соотношение брачных платежей со стороны семей жениха и невесты было характерно и для монгольского права XVII в., причем в нем предусматривались размер как калыма, так и приданого. Приданое полагалось отдари-
вать «сообразно его размеру». Их Цааз («Великое уложение»). — М., 1981. — С. 18—
19, 52, 53, 54—55, 56.
19. Самоквасов Д.Я. Обычное право сибирских инородцев. Обычаи тунгусов Гантимурова.
Ст.66. С.60; Обычаи нерчинских тунгусов. Ст.7. С.26.
20. Там же. Обычаи Тунгусов Гантимурова. Ст.12. С.46.
21. Там же. Обычаи Нерчинских Тунгусов. Ст.15. С.28. .
22. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л.419.
23. Самоквасов Д.Я. Указ. соч., Обычаи тунгусов Гантимурова. Ст.13. С.46—47.
24. О тунгусах вообще. С.312.
25. Самоквасов Д.Я. Указ. соч. Обычаи Нерчинских тунгусов. Ст.14. С.28. Ст.16. С.29;
Обычаи Тунгусов Гантимурова. Ст.22, 23. С.49; аналогично рассматривается этот во-
прос и в кодексе хоринских бурят. Там же. Ст.17. С.123; По нормам селенгинских бу-
рят имущественные обязательства старшего брата по отношению к младшим гораздо
ограниченнее: «Если отец, женив старшего сына и наделив имуществом, выделит его и,
не успев женить других сыновей, умрут родители, а остальные сыновья останутся без
имущества, то старший брат не обязан их женить и наделять имуществом». Цибилов
Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. — Улан-Удэ, 1970. — Уложение 1823 г.,
Ст.128. — С.68.
26. Самоквасов Д.Я. Указ. соч. Обычаи тунгусов Гантимурова. Ст.31. С.50; Обычаи Нер-
чинских Тунгусов. Ст.22. С.30; Цибилов Б.Д. Указ. соч. Ст.78. С.61. По бурятским
нормам право наказания предоставлялось родителям, причем оговаривалось, что нака-
зание не должно быть слишком жестоким — «не причинили детям какого-либо повреж-
дения сильным битьем».
27. О тунгусах вообще. С.313.
28. При рождении детей никаких обрядов не совершают. Имя новорожденному Шамани-
сты дают по первому вошедшему в юрту; у Ламайцев имена назначают Ламы по справ-
кам в книгах. Родители созывают знакомых и сьедают вместе несколько баранов.
(Шукин Н. Буряты // Журнал МВД. — 1849. — Ч.26. — № 4—6. — С.81); «по обычаю
предков своих, созывают околных инородцев, радуются и пируют, угощая соседей,
для чего колот рогатого скота и овец вдоволь» (Львов Л. Общее обозрение Забайкаль-
ского края. С.40).
29. О тунгусах вообще. С.313, 314.
30. Архив РГО, р.55, оп.1, д.49, л.128об.; Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник.
СПб., 1822. — Ч.XX. — С.317; Шукин Н. Свадебные обряды у бурят // Казанские из-
вестия. 1818. — № 20. — С.27.

31. Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. — Улан-Удэ, 1959. — С.121; Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. С.184; Семейная обрядность народов Сибири. С.13.
32. О тунгусах вообще. С.303. «Мужской и женский пол бывает в одной юрте, как и у братских, и сидят около огня, с поджатыми ногами; но женский пол держится своей стороны так, как и братские, и вход и выход в юрте с назначенной стороны имеют».
33. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). — М., 1967. — С.146.
34. Там же. С.157.
35. О тунгусах вообще. С.294.
36. Архив РГО, р.55, оп.1, д.49, л.129об.
37. Там же. Л.130.
38. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник 1842. — № 9—10. — С.33.
39. Семейная обрядность народов Сибири. — М., 1980. — С.91, 175, 176; Шуккин Н. Буряты // Журнал МВД. Ч.26. — № 4–6. — С.81.
40. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. М., 1842. — № 9—10. — С.30.
41. Семейная обрядность народов Сибири. С.96.
42. «Все Шаманские язычники никаких храмов ни кумирен не имеют, но жертвоприношение и шаманство совершают в юрте, в каком-нибудь лесу на открытом месте, или на холме; нет у них для сего определенного времени: родины, свадьба и болезнь бывают к тому побудительными причинами» (Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. М., 1822. — Ч.ХІХ. — С.41). У бурят Нерчинского округа, т.е. агинцев, по данным, относящимся к середине XIX в., «камлания совершаются в случае болезни, какой-либо пропажи...» (Паршин В. Монголо-Буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии // Журнал МВД. 1843. — Ч.3. — № 7. — С.34).
43. Архив РГО, р.55, оп.1, д.49, л.120об.
44. Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. М., 1822. — Ч.ХІХ. — С.41.
45. Паршин В. Монголо-Буряты в Нерчинском округе. С.34.
46. «Совершается это следующим образом: по прибытии шамана или жреца, убивают барана или другое животное, какое случится, смотря по состоянию каждого. Мясо ставят сначала перед онгоном (изображение божества — мерлушка с двумя вставленными вместо глаз красными корольками, которую из усердия смазывают сметаной), а потом его съедают; шкура вывешивается на длинном шесте, с посвящением ее имени божества» (Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.32, 33).
47. О тунгусах вообще. С.30; Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. 1822. — Ч.ХІХ. — С.42; Ч.ХХ. — С.301.

48. Василевич Г.М. Эвенки. — Л., 1969; Викторова Л.Л. Монголы; формирование народа и истоки культуры. — Л., 1980. — С.24; Семейная обрядность народов Сибири. С.165—176.
49. Архив РГО, р.55, оп.1, д.49, л.120об. другом описании, одновременном первом, у нерчинских тунгусов упоминаются только «конные» посохи (Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. М., 1822. — Ч.XIX. — С.40).
50. О тунгусах вообще // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч.6. С.312; Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. 1822. — Ч.20. — С.319.
51. Паршин В. Нерчинские тунгусы // Журнал МВД. 1844. — Ч.5. — № 1—3. — С.129, 138; Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. — № 8—10. — С.40—41.
52. Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. 1845—1849 // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860. — Т.6. — С.473
53. Дамдинов Д.Г. Говор читинских хамниган в свете сравнительно-исторической монголистики. — Улан-Удэ, 1967. — С.15.
54. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. — Л., 1975. — Т.1. — С.ХV.
55. Uray-Köhlmi K. Der mongolisch-komniganische Dialect von Dadal-Sum und die Frage der Mongolisierung Tungusen der Nordmongolei und Transbaikalien // Acta Orientalia. Budapest, 1959. — Т.9. — N 2.; Её же. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964. — Т.83. — С.156.
56. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. — Улан-Удэ, 1967. — С.17.
57. Там же. С.28.
58. Василевич Г.М. Топонимы тунгусского происхождения // Этнография имен. М., 1971. — С.162; Балабанов В.Ф. В дебрях названий. — Иркутск, 1977. — С.6, 16, 42, 56; Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. С.10, 112, 130, 144, 152.
59. Щербак А.М. О характере лексических взаимодействий тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. — № 3. — С.29. Впервые эта мысль была высказана Г.Д.Санжеевым; см.: Санжеев Г.Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. Известия АН СССР. Серия Отдела гуманитарных наук. Т.7. — Ч.1. — Вып.8. — 1930. — С.615; Его же. К тюрко-монгольской лингвистической проблеме. Тр. Моск. Ин-та востоковедения. М., 1947. — Т.4. — С.68.
60. Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу...
61. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. С.348.
62. ЦГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л.414.
63. Ковалевский О.М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. 1830. — Ч.28. — Кн.3. — С.294.

64. ГАЧО, ф.55, оп.2, д.2, л.59об.—61об.
65. Там же, л.55.
66. Там же, л.3—5, 7—19, 24об.—30об.
67. Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. 1845—1849 // Магазин земледения и путешествий. М., 1860. — Т.6. — С.473.
68. Патканов С.К. Указ. соч. С.186.
69. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. — Т.4. — С.129; Дамдинов Д.Г. Говор читинских хамниган... — Улан-Удэ, 1967. — С.21.
70. РГИА, ф.1264, оп.1, д.285, л.417об.
71. Разграничение употребления этих этнонимов на территории Забайкалья сделано впервые С.К.Паткановым (Указ. соч. С.10). Мы не рассматриваем также различные предложенные в литературе этимологии этих названий; их полная сводка имеется в работе: Туголуков В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М. — 1970. — С.204—209. К ней можно добавить только, что такие известные авторы XVIII в., как И.Г.Георги и П.С.Паллас в числе самоназваний забайкальских тунгусов наряду с «оивенки» и «евоиены» упоминают этноним «донки», от которого, по мнению Георги, возможно, и произошло русское название «тунгусы». — См.: Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. СПб., 1777. — Ч.3. — С.33; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. — Ч.3. — С.330.
72. Патканов С.К. Указ. соч. Ч.2. С.80.
73. Архив Кафедры этнографии МГУ, Забайкальские материалы 1978, 1979 гг. (далее АКЭ МГУ, ЗМ- ...).
74. АКЭ МГУ, ЗМ-1978, с.Бургень, Попкова П.О.; с.Верхняя Талача, Золотухина Н.Ф.
75. АКЭ МГУ, ЗМ-1978, с.Бургень, Попкова П.О., Юдина А.Р., Перфильева В.И.; с.Верхняя Талача, Золтухин М.И.; ЗМ-1979, с.Гирюнинское, Филилеев Г.Г.; с.Маньково, Галанчев А.А.
76. АКЭ МГУ, ЗМ—1978, 1979.
77. АКЭ МГУ, ЗМ—1979; Титов Е. Конские бега в Восточном Забайкалье // «Сибирская живая старина». Иркутск. 1924. — Вып.2. — С.43.
78. АКЭ МГУ, ЗМ—1978, 1979.
79. Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. С.161. По этому вопросу в литературе имеются и другие точки зрения: они рассмотрены в уже цитированной статье Туголукова В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов.
80. Паллас П.С. Указ. соч. Ч.3. — Половина 1. — С.330, 332; О тунгусах вообще. С.316; Тунгусы. Исторические сведения о Сибирских тунгусах вообще и о Забайкальских в особенности. С.339.

81. Зарубин С.М. Трубка снайпера. Иркутск. 1967. С.34.
82. АКЭ МГУ, ЗМ–1978.
83. АКЭ МГУ, ЗМ–1978.
84. Туголуков В.А. Конные тунгусы. С.110.
85. Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. С.163.
86. Janhunen J. The languages of Manchuria in Today's China // Northern Minority Languages: Problems of Survival – Osaka (Japan): National Museum of Ethnology, 1997. P 129. – (Senri Ethnological Studies 44).
87. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki– Helsinki, 1991. – P.9 – (Castrenianumin toimitteita 41).
88. Там же. P.11.
89. Там же. P.17.
90. Там же. P.19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этноисторическое развитие нерчинских тунгусов с середины XVII в. в значительной степени определялось включением их в состав Российского государства, что привело к разностороннему взаимодействию двух этносоциальных структур разного порядка.

В политико-административной сфере это взаимодействие нашло отражение в организации управления нерчинскими тунгусами, явившегося формой включения их общества в государственное образование гораздо более высокого социально-экономического уровня. В конечном итоге, направленность этого процесса была односторонней, но присущее ему «взаимодействие» проявилось, как представляется, в довольно длительном (до начала XX в.) сохранении «автономии» управления коренного населения (степные думы) и традиционных форм социальной организации (административный род).

Сфере этнокультурных процессов в гораздо большей степени были свойственны взаимовлияния в самых разнообразных формах.

Хозяйственно-культурное взаимодействие основных этнических компонентов восточнoзabайкальского региона вызвало целый ряд важных и прогрессивных изменений в хозяйственно-бытовом укладе как коренного тунгусского населения, так и пришлого русского.

Для последних это было связано с необходимостью более совершенного приспособления к новым экологическим условиям обитания и сказалось, прежде всего, на таких отраслях их хозяйства, как охота и скотоводство. Исследователями отмечен целый ряд заимствований русского населения у коренного в области скотоводства, организации охотничьего промысла, в быте охотников во время «зверования». Особенно это коснулось русского старожильского населения, переселившегося в

Забайкалье до конца XVIII в. В первой половине XIX в. современники считали старожилов «поколением звероловов и промышленников», отмечая, что хлебопашеством они занимались значительно менее позднейших переселенцев, хотя владели лучшими землями¹. К этому можно добавить также смешение русского восточнозабайкальского населения с нерчинскими тунгусами. По замечанию Геденштрома, «нерчинские сибиряки еще слабее сложением (по сравнению с Верхнеудинскими. — Т.У.) и доказывают этим смешение свое с тунгусами, народом слабейшего телосложения в сравнении с бурятами»².

Для нерчинских эвенков результаты хозяйственно-культурного взаимодействия с русским крестьянством края были гораздо более значительными. Распространение среди эвенков земледелия влекло за собой коренную ломку их традиционного бытового уклада, лежало в основе постепенного перехода от кочевания к оседлости.

В первую очередь и наиболее наглядно это отразилось на различных элементах материальной культуры: изменился облик поселений, жилищ, выходили из употребления традиционные кушанья и предметы одежды. Исследователи конца XIX в. единодушно отмечали, что тунгусы-земледельцы «...по обычаям ничем не отличаются от прочего оседлого русского населения»³, причем «обрусение» было настолько глубоким, что сказалось даже на их представлениях о своей этнической принадлежности. Уже в середине XIX в. за оседлыми эвенками, в отличие от кочевых, которых по-прежнему называли тунгусами, закрепилось название инородцы. В конце века инородцев уже считали русскими как они сами, так и окружавшее их русское население.

Предпринятое историко-этнографическое исследование небольшой группы южных эвенков — нерчинских тунгусов — наглядно и убедительно демонстрирует тесную взаимообусловленность процессов политического, хозяйственно-экономического и этнокультурного развития коренного населения Юго-Восточного Забайкалья в XVIII—XX вв. Включение края в состав Российского государства и формирование здесь нового этнического массива — русского населения — оказало влияние на политическую и социально-экономическую перестройку общества коренного населения края, вызвало глубокие изменения в хозяйственно-бытовой сфере его жизни. Это, в свою очередь, привело к новым изменениям этнического свойства — слиянию части эвенкийского этноса с русским, части — с бурятским. О глубине влияния русской культуры, в частности языка, свидетельствуют данные о маньчжурских хамниганах-

эвенках, потомках нерчинских тунгусов. Оказавшись в первой трети XX в. за рубежом, в Китае, они устойчиво сохраняли русскую антропониимику и язык до рубежа XX–XXI вв.

Примечания

1. Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края. С.10; Геденштром М. Отрывки о Сибири. – СПб., 1830. – С.63.
2. Геденштром М. Указ. соч. С.63.
3. Сафьянников М.А. Материалы по устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края (Инородцы Читинского округа) // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. СПб., 1898. – Т.1. – Вып.1. – С.25; Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. С.80.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Первый Сибирский комитет (Ф.1264).

Совещание по поземельному устройству населения Забайкальской области (Ф.1274).

Центральный статистический комитет МВД (Ф.1290).

Земский комитет МВД (Ф.1291).

V отделение собственной канцелярии е.и.в. (Ф.1589).

Архив Русского географического общества (РГО)

Труды членов Географического общества по Сибири (разряд 55).

Труды членов Географического общества по Иркутской губернии (разряд 59).

Государственный архив Читинской области (ГАЧО)

Урульгинская инородная управа (Ф.29).

Урульгинская Степная дума (Ф.55).

Начальник эвенкийских родов (Ф.300).

2. Опубликованные источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1–5. СПб., 1841–1842. — Т.5. — СПб., 1842. — 529 с.

Дополнения к актам историческим. Т.1–12. СПб., 1846–1875.

Летописи хоринских бурят. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 108 с.

Статистико-экономические обследования

Материалы комиссии по исследованию землевладения и землепользования населения Забайкальской области. — СПб., 1898. — 16 вып.

Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1916 г. — Иркутск: Издание статистического отд. Забайкальского переселенческого р-на, 1917. — 164 с.

Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1917 г. — Чита: Издание Статистического отд. Забайкальского переселенческого р-на, 1918. — 197 с.

Разумов Н.И. Забайкалье. Свод материалов Высочайше учрежденной комиссии для исследования земледелия и землепользования под председательством Куломзина. — СПб.: Канцелярия комитета министров, 1899. — 373 с.

Сельскохозяйственная перепись 1923 г. на Дальнем Востоке. Вып.3. Поселенные итоги по Забайкальской губернии. — Хабаровск, 1925. — 332 с.

Труды Агинской экспедиции. Вып.7. — Чита, 1911. — 107 с.

Переписи населения

Всесоюзная перепись населения 1926 г. в 56-ти т. — М., 1928. — Т.6–8.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. — М.: Статистика, 1972–1974. — Т.4. М., 1973. — 648 с.

Правительственные документы

Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 1-ое. — СПб., 1830. — Т.1—45.

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 гг. — Казань, 1882.

Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. — М.: Изд-во вост. лит., 1958. — 139 с.

Учреждения для управления Сибирскими губерниями. — СПб., 1822. — 132 с.

Материалы обычного права

Их цааз (Великое уложение). Памятник монг. феод. права XVII в. Ойрат. текст. — М.: Наука, 1981. — 148 с.

Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / Сост.и автор комментариев Карлов В.В.; Отв.ред. Семенов Ю.И. — М.,1997. — 262 с.

Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. — Новосибирск: Наука,1992. — 237 с.

Самоковасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. — Варшава, 1876.

Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. — 283 с.

3. Литература

Абрамзон С.М. Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере казахов и киргизов) // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. — С.235—249.

Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. — М.: Наука, 1970. — 176 с.

Адаптация населения в Сибири: Этапы, механизмы, результаты: Сб. науч. тр. / РАН. Сиб. отд-ние. Объедин. ин-т истории, филологии и философии, Ин-т археологии и этнографии; Редкол.: Красильников С.А. и др. — Новосибирск, 2003. — 160 с.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. Вып.1. XVII в. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 280 с.

Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. — СПб., 1887. — 237 с.

Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М.: Наука, 1964. — 303 с.

Александров В.А. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.) // История СССР, 1968. — № 2. — С.44—62.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (2-я половина XVII в.). — М.: Наука, 1969. — 240 с.

Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI-XVIII вв. // Русские старожилы Сибири (Истор.-антрополог. очерк). М., 1973. — С.7—50.

Асалханов И.А. О бурятских родах в XIX в. // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. — Вып.1. — С.68—84.

Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. — 494 с.

Балабанов В.Ф. История земли Даурской. — Чита, 2003. — 399 с.

Балабанов В.Ф. Некоторые вопросы топонимики Забайкалья в XVIII в. — Забайкальский краеведческий ежегодник. — Чита, 1969. — № 3. — С.109—120.

Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. — 180 с.

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. — 363 с.

Басаева К.Д. Семья и брак у бурят: Вторая половина XIX — начало XX в. — Новосибирск: Наука, 1980. — 224 с.

Беликов В.В. Эвенки Бурятии: Истории и современность. — Улан-Удэ, 1994. — 175 с.

Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. — Верхнеудинск: Бурят-Монгольское изд-во, 1926. — 229 с.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1973. — 283 с.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. — М.: Наука, 1981. — 390 с.

Булданжапов П.Б. Заметки о топонимике Забайкалья // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. — Вып.1. — С.89—96.

Бураева О.Е. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII — середине XIX в. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии; Отв.ред. Михайлов Т.М. — Улан-Удэ, 2000. — 206 с.

Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX — первая треть XX в.) / Варнавский П.К., Дырхеева Г.А., Скрынникова Т.Д.; Отв. ред. Скрынникова Т.Д.; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Иркутск, 2003. — 243 с.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Харьков, 1889. — 345 с.

Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. — М.: Наука, 1972. — 314 с.

Вайнштейн С.И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевников умеренного пояса Евразии: Докл. на IX конгрессе антропологов и этнографов. — М.: Наука, 1973. — 13 с.

Вайнштейн С.И., Семенов Ю.И. Рец. на кн.: Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976 // Советская этнография. 1977. — № 5. — С.163—166.

Вамбоцыренов И. Аба-хайдак, облава у хоринских бурят // Изв. ВСОРГО, Иркутск, 1890. — Т.21. — № 2. — С.24—33.

Василевич Г.М. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров. — КСИЭ. М., 1958. — Т.28. — С.20—35.

Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографический очерк. — Л.: Наука, 1969. — 304 с.

Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. — М.: Наука, 1980. — 224 с.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. — 223 с.

Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. — С.194—214.

Волков Ю.А. О некоторых исторических предпосылках развития хозяйства и формирования населения Читинской области. — Проблемы краеведения. Чита, 1970. — Вып.4. — С.70—76.

Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. — Вып.1—2.

Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. — Л.: Наука, 1969. — 218 с.

Геденштром М. Отрывки о Сибири. — СПб., 1830. — 165 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. — Ч.1—4.

Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX в. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1957. — 160 с.

Герасимова К.М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1968. — Вып.5. — С.105—145.

Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости: (на опыте МНР). — М.: Наука, 1979. — 179 с.

Дамдинов Д.Г. К вопросу о происхождении ононских хамниганов. // Труды Бурятского комплексного НИИ. Улан-Удэ, 1962. — Вып.10. — С.169—179.

Дамдинов Д.Г. Говор читинских хамниган в свете сравнительной монголистики: Улан-Удэ. Автореф. дис. ...канд.филол.наук. 1967. — 21 с.

Дамдинов Д.Г. Закаменские (армакские) хамниганы // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1976. — Вып.6. — С.50—55.

Дамдинов Д.Г. Улигеры ононских хамниган — Новосибирск: Наука, 1982. — 272 с.

Дамдинов Д.Г. Ононские хамниганы : (Вопросы духовной культуры). — Улан-Удэ, 1993. — 145 с.

Долгих Б.О. Племена и роды коренного населения Забайкалья и Южного Прибайкалья в XVII в. // КСИЭ, 1952. — Т.17. — С.29—40.

Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // СЭ, 1953. — № 1. — С.38—64.

Долгих Б.О. Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа // СЭ, 1954. — № 1. — С.57—63.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 622 с.

Жидков Г.П. Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX в. // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1969. — Вып.3. — С.92—101.

Жидков Г.П. Особенности заселения и первоначального сельскохозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае и в Забайкалье (до реформы 1861 г.) // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. — С.321—336.

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977. – 199 с.

Забайкальский краеведческий ежегодник. – Чита, 1967–1972. – Вып.1–6.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 320 с.

Залкинд Е.М. Из истории крестьянской колонизации Забайкалья в XVIII – начале XIX в. // Тр. БК НИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1962. – Вып.10. – С.73–84.

Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970. – 400 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). – М.: Наука, 1967. – 404 с.

Изгачев В.Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVII в. – В кн.: Уч. зап. Читинского пед. ин-та им.Н.Г.Чернышевского, Чита, 1963. – Вып.9. – С.66–75.

Изгачев В.Г. Читинское плотбище в XVII в. – В кн.: Уч. зап. Читинского гос. пед. ин-та им.Н.Г.Чернышевского. Чита, 1966. – Вып.10а. – С.54–68.

Историко-культурный атлас Бурятии. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. – 605 с.

История Бурят-Монгольской АССР. В 2-х т. – Улан-Удэ; Бурят.-Монгол. кн. изд-во, 1954. – Т.1. – 496 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. – Л.: Наука, 1968. – Т.1. – 454 с.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. – Сов. этнография, 1966. – № 3. – С.23–48.

Карлов В.В. Эвенки в XVIII – начале XX в. (хозяйство и социальная структура). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 160 с.

Карлов Е.В. Проблемы социальной мобильности эвенков Забайкалья в 1950–90-х гг. – Чита, 2003. – 106 с.

Карцов В.И. Организация управления народов Сибири и декабристы. – В кн.: Уч. зап. Калининск. пед. ин-та. Кафедра истории, 1962. – Т.26. – С.118–135.

Карцов В.Г. Декабрист Г.С.Батеньков. – Новосибирск: Наука, 1965. – 238 с.

Кастрен М.А. Путешествие А.Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. 1838–1849 // Магазин земледения и путешествий Н.Фролова. М., 1860. – Т.6. – Ч.2. – С.1–482.

Кауфман А.А. Сложные формы землевладения в Сибири по местным исследованиям 1887–1892 гг. – Изв. РГО. СПб., 1899. – Т.35. – Вып.1–7. – С.128–159.

Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. – Иркутск, 1900. – 179 с.

Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973. – 137 с.

Ковалевский О.М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. 1829. – Ч.26. – Кн.8. – С.230–240; Ч.27. – Кн.9–10. – С.15–54; Ч.27. – Кн.11–12. – С.152–215.

Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Серия общ. наук. 1965. – Вып.3. – С.80–89.

Копылов А.Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук. 1969. – Вып.1. – С.59–68.

С.П.Крашенинников в Сибири. – М.-Л.: Наука, 1969. – 241 с.

Кремнев А.И. Читинская область: Краткий очерк природы, экономики и культуры. – Чита: Кн. изд., 1959. – 160 с. – Изд. 2-е.

Кроль М.А. Брачное право и обряды и обычаи забайкальских бурят // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1894. – Т.25. – № 1. – С.54–87.

Кроль М.А. Охотничье право и звериный промысел у бурят // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1895. – Т.25. – № 4–5. – С.52–64.

Кроль М.А. Предварительный отчет о работах по исследованию забайкальских бурят за период 1892–1895 гг. // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1895. – Т.26. – № 4–5. – С.170–182.

Кроль М.А. Краткий очерк истории забайкальских бурят, их общественный строй, брачные и семейные отношения, культурные успехи и вероятная будущность // Изв. РГО. СПб., 1899. – Т.35. – Вып.7. – С.859–861.

Кроль М.А. Эволюция землепользования у забайкальских кочевников. // Научное обозрение. СПб., 1900. – № 6. – С.1101–1119; № 7. – С.1229–1246.

Кроль М.А. Брачное право монголо-бурят // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1900. – Кн.1. – С.140–164.

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. Очерки. — М.-Л.: Акад. наук СССР, 1940. — 242 с.

Курылев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX — начало XX в.) / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб., 1998. — 296 с., граф. Библиогр. в конце гл.

Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 280 с.

Лашук Л.П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ, 1967. — № 4. — С.25—40.

Лашук Л.П. О формах донациональных этнических связей // Вопросы истории. — 1967. — № 4. — С.77—93.

Лашук Л.П. О характере классообразования в обществах ранних кочевников // Вопросы истории. — 1967. — № 7. — С.105—122.

Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ. — 1968. — № 1. — С.95—107.

Лашук Л.П. Кочевничество и общие закономерности истории // СЭ. — 1973. — № 2. — С.83—96.

Лашук Л.П. К определению основного предмета познания в этнографической науке // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1979. — № 5. — С.30—43.

Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. — С.104—189.

Лебедева А.А. Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX в. // Русские старожилы Сибири: Истор.-антрополог. очерк. М., 1973. — С.51—108.

Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья: Очерки матер. культуры, XVII — начало XX в. / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1992. — 135 с., ил.

Левашов В.С. К истории забайкальского казачества // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. — Вып.1. — С.62—90.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — М.: Акад. наук СССР, 1959. — 359 с.

Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. — Полн. собр. соч., Т.17. — С.57—137.

Ленин В.И. Еще о переселенческом деле. — Полн. собр. соч. — Т.23. — С.153—154.

Леонтьева Г.А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII — начале XVIII в. Нерчинский уезд // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. — Вып.2. — С.37—61.

Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. — 101 с.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы : Русские на Алтае, XVIII — нач. XX в. / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, Науч.-произв. центр «Наследие» Ком. администрации Алт. края по культуре и туризму. — М.: Наука, 1996. — 268 с., ил.

Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестник, 1842. — № 9—10. — С.10—68.

Львов Л. О звероловстве Забайкальского края // Журнал Министерства гос. имуществ, 1849. — Ч.10. — С.7—18.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири : Ист.-этногр. очерки, XVII — нач.XVIII в. / РАН. Сиб.отд-ние. Обед. ин-т истории, филологии и философии; Отв. ред. Гемуев И.Н. — Новосибирск, 1992. — 196 с.

Манжигеев И.М. Янгутский бурятский род. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. — 232 с.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хоз-ва и обществ. организации. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 317 с.

Мельхеев М.Н. Карты расселения и перемещения бурятских родо-племенных групп по данным топо- и этнонимике // Этнографический сб., Улан-Удэ, 1974. — Вып.6. — С.3—28.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времени по XVIII в.). — Новосибирск: Наука, 1980. — 320 с.

Мурзина А.И. Реформа Сперанского в Западной Сибири. — Ученые зап. ЛГУ, 1950. — № 115. — С.101—117.

Народы Байкальского региона: Древность и современность / Асеев И.В., Болонев Ф.Ф., Бадмаев А.А. и др.; Отв. ред.: Болонев Ф.Ф., Бадмаев А.А.; РАН. Сиб.отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. — 91 с.

Община в Африке: Проблемы типологии. — М.: Наука, 1978. — 293 с.

Огородников В.И. Очерки истории Сибири до начала XIX в. — Иркутск, 1920. — Ч.1. — 289 с.

Огородников В.И. Туземное и русское население на Амуре в XVII в. — Владивосток, 1927 г.

Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // Вестник древней истории, 1938. — № 1–2. — С.244–261.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока // Краткие сообщения ИИМК АН СССР, 1941. — № 9. — С.5–14.

Окладников А.П. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура // Материалы и исследования по археологии. — М.-Л., 1960. — № 86. — С.3–18.

Окладников А.П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. М., 1962. — С.418–432.

Окладников А.П. Курейские тунгусы в XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1968. — С.36–51.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. — 440 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. — Новосибирск: Наука, 1980. — 177 с.

О тунгусах вообще // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. — Ч.6. — С.285–331.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1773–1788. — Ч.1–3.

Паршин В. Нерчинские тунгусы // Журнал МВД, 1844. — Ч.5. — № 1–2. — С.114–146.

Паршин В. Поездка в Забайкальский край. — М., 1844. — Ч.1–2.

Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и др. источников. — СПб., 1906. — Ч.1-2.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. — СПб., 1911–1912. — Т.1–3.

Петри Б.Э. Брачные нормы у северных бурят. — Иркутск, 1924. — 32 с.

Петри Б.Э. Территориальное родство у северных бурят. — Иркутск, 1924. — 23 с.

Петри Б.Э. Элементы родовой связи у северных бурят. — Иркутск, 1924. — 29 с.

Петри Б.Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят. — Иркутск, 1925. — 72 с.

Першиц А.И. Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки // Вопросы истории. 1967. — № 2. — С.157–163.

Петерсон Н. Возможность и условия поземельного устройства Забайкальских кочевых инородцев. — СПб., 1901. — 105 с.

Пименов В.В. Компоненты этноса и их сравнительная устойчивость // Археология и этнография Удмуртии. Ижевск, 1975. — Вып.1. — С.5–27.

Покшишевский В.В. Заселение Сибири. — Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1951. — 208 с.

Проблемы краеведения. — Чита, 1966–1972. — Вып.1–7.

Прутченко С.М. Сибирские окраины. — СПб., 1899. — 405 с.

Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в 20–80-х годах XVIII в.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. — Новосибирск, 1968. — 31 с.

Румянцев Г.Н. Бурятские летописи как исторический источник // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1960. — Вып.3. — С.3–16.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. — 267 с.

Русские старожилы Сибири. Ист.-антропол. очерк. М.: Наука, 1973. — 189 с.

Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). — М.: Наука, 1973. — 447 с.

Рязановский В.А. Является ли монгольское право правом обычным? — Харбин, 1932. — 30 с.

Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества: (вторая четверть XVIII — первая половина XIX в.) / Вост.-Сиб. гос. технол.ун-т. — Улан-Удэ, 2003. — 205 с.

Сафьянников М.А. Материалы по устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края (Инородцы Читинского округа) // Труды Троицкосавско-яхтинского отделения Приамурского отдела РГО. СПб. Т.1. — Вып.1. — С.9–17.

Светличная Л.И. Преобразовательные планы и административная деятельность М.М.Сперанского в Сибири: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. — М., 1952. — 14 с.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). — М.: Наука, 1980. — 240 с.

Серебренников И.И. Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. — Харбин, 1920.

Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. — Верхнеудинск: Бурят.-Монг. изд-во. — 1925.

Сибирское общество в контексте модернизации XVIII—XX вв.: Сб. материалов Всерос. конф. «Сиб. об-во в контексте модернизации XVIII—XX вв.» (Новосибирск, 22–23 сент. 2003г.) / РАН. Сиб. от-ние. Ин-т истории, Новосиб. гос. ун-т.; Редкол.: Ламин В.А. (отв.ред.) и др. — Новосибирск, 2003. — 323 с.

Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / С.-Петерб. гос. ун-т. Фак. социологии и др.; Под ред. Бороноева А.О. — СПб.: Астерион, 2003. — 274 с.

Сибирь: Этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). — М.; Улан-Удэ, 1995. — Вып.1. — 147 с.

Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. — СПб., 1898. — 619 с.

Словцов П.А. О состоянии Нерчинского уезда вообще // Казанские известия. Казань, 1816. — № 75.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1886. — Кн.1–2.

Современные этнические процессы в СССР. — 2-е изд. — М.: Наука, 1977. — 562 с.

Социальная история народов Азии. — М.: Наука, 1975. — 272 с.

Социальная организация и культура народов Севера. — М.: Наука, 1974. — 291 с.

Спасский Г.И. Исторические сведения о тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. СПб., 1822. — Ч.18–22.

Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н.Спафария в 1675 г. — СПб., 1822. — 214 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. — Л., 1975. — Т.1. — 672 с.

Степанов Н.Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. // Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им.А.И.Герцена, Л., 1961. — Т.22. — С.209—262.

Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. — С.106—124.

Суринов В.М. К определению этнических традиций в земледелии // СЭ. 1971. — № 3. — С.51—59.

Таксами Ч.М., Туголуков Б.А. Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII — начало XX в.) // Социальная история народов Азии. М., 1975. — С.74—100.

Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // СЭ. — 1953. — № 2. — С.37—53.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 634 с.

Туголуков В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М., 1970. — С.204—218.

Туголуков В.А. Конные тунгусы // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. — С.78—111.

Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. — С.196—211.

Туголуков В.А. Эвенки // Этническая история народов Севера. М., 1982. — С.129—155.

Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964. — С.151—164.

Хангалов М.Н. Зэгэгэ-аба, облава на зверей у древних бурят // Хангалов М.Н. Собр. соч. в 3-х тт. — Улан-Удэ, 1958. — Т.1. — С.11—33.

Хангалов М.Н. Собр. соч. в 3-х тт. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959—1961.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. — 662 с.

Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири (1856—1863). — Чита: Кн. изд-во, 1958. — 352 с.

Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. — Алма-Ата: Изд. АН Каз. ССР, 1964. — 207 с.

Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). – Улан-Удэ: Бурят кн. изд., 1973. – 108 с.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – нач. XVIII в. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 228 с.

Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.) – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 432 с.

Щапов А.П. Бурятская улусно-родовая община // Щапов А.П. Собр. соч. Дополнительный том. Иркутск, 1937. – С.198–223.

Щапов А.П. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине: Бурятской улусной, оседло-инородческой и русско-крестьянской // Щапов А.П. Собр. соч. Дополнительный том. Иркутск, 1937. – С.224–257.

Щапов А.П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кударинском крае // Щапов А.П. Собр. соч. Дополнительный том. Иркутск, 1937. – С.258–307.

Щукин Н.С. Свадебные обряды у бурят // Казанские известия, 1918. – № 20.

Щукин Н.С. Буряты // Журнал МВД. – 1849. – Ч.25. – С.428–462.

Щукин Н.С. Земледелие в Даурии // Журнал МВД, 1849. – Ч.27. – С.152–183.

Щукин Н.С. О скотоводстве в Восточной Сибири // Журнал МВД, 1849. – Ч.28. – С.360–381.

Щукин Н.С. Очерк Забайкальской области // Журнал МВД, 1852. – Ч.37. – С.106–164.

Щукин Н.С. Очерк земледельческой промышленности в Восточной Сибири // Журнал МВД, 1853. – Ч.42. – С.167–191.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф.Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск, 1990.

Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – 268 с.

Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 94 с.

Этногенез и этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1975. – 262 с.

Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980. – 275 с.

Этнографический сборник. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1962–1974. – Вып.1–6.

Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. — М.: Наука, 1969. — 276 с.

Этнокультурные взаимодействия в Сибири: (XVII—XX вв.): Тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф., Новосибирск, 19—20 июня 2003 г. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др.; Редкол.: Ламин В.А. (отв. ред.) и др. — Новосибирск, 2003. — 304 с. — (Этнокульт. взаимодействие в Евразии: Прогр. фундам. исслед. СО РАН).

Janhunen J. The languages of Manchuria in Today's China // Northern Minority Languages: Problems of Survival — Osaka (Japan): National Museum of Ethnology, 1997. — P. 123—146. — (Senri Ethnological Studies 44).

Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Mongol — Helsinki, 1990. — 110 p. — (Castrenianumin toimitteita 37).

Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki — Helsinki, 1991. — 120 p. — (Castrenianumin toimitteita 41).

Janhunen J. On the Position of Khamnigan Mongol // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki. 1992. — Vol. 83. — P. 115—143.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. — B.: Akad.-Verl., 1962—1977. T. 1—5.

Szynkiewicz S. Rodzina pasterska w Mongolii. — Wrocław etc: Ossolineum, 1981. — 268 s.

Urai-Kõhalmi K. Der mongolisch-khamniganische Dialekt von Dadal-Sum und die Frage der Mangolisierung der Tungusen der Nordmongolei und Fransbajkalien // Acta Orientalia. Budapest, 1959. — T. 9. — N 2. — S. 118—142.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКНИИ БФ СО	— Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Бурятского филиала Сибирского отделения
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области
ДАИ	— Дополнения к актам историческим
ЖМГИ	— Журнал Министерства государственных имуществ
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
МВД	— Министерство внутренних дел
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи
РГИА	— Российский государственный исторический архив